

Елена Звездная

Темная Империя
книга II

Елена Звездная

Темная Империя 2

***

Третье королевство. Сарда.

Наирина Сайрен

Мир, в котором я родилась и выросла, мир магии, чудес и волшебства — исчезал. Маги, те кто прежде правил в Третьем королевстве, стали изгоями. На дорогах больше не мелькали мантии, не было видно распущенных волос свободных магинь, не привлекали внимание длинные белоснежные бороды архимагов и ни одной остроконечной шляпы вам не удалось бы найти. В городе ходили слухи, что маги собирают войска на границе и готовятся вновь вернуть себе власть. Газеты писали, что лишённые сил, не получив положенную по договору помощь от Семи королевств, нашли поддержку в стане магов-отступников. В последнее я не верила. Не верила и в то, что прежний порядок вернется.

Для меня, мир наполненный волшебством, канул в небытие.

И я строила свой собственный мир, строила старательно, с усердием и верой в то, что сумею справиться. Должна.

— Я отправляю список? — спросил Алех, отрывая меня от созерцания новой вывески.

На темно-зеленой эмали золотая вязь «Магия чая».

Название придумала я. Оформление тоже, и даже писать пришлось мне, впервые с первого курса и подзабытых уроков каллиграфии взявшись за кисть. А вот орнамент вывески расписывал уже мастер, я бы так не сумела.

— Да, отправляй, — подтвердила я. — Позвать господина Данеса?

Алех кивнул. Затем оглядел уличную террасу и в очередной раз произнес:

— Волшебно получилось.

Я покраснела от смущения. Алех сегодня впервые увидел все, что мы с Германом и Сэмом сделали за прошедшую неделю. И честно признался — не верил, что успеем справиться так быстро. Мне и самой не верилось. Но успели. Открытие — сегодня вечером. И я с замирающим сердцем в очередной раз осмотрела белоснежную кирпичную кладку, сменившую деревянные доски, изящную дверь из стекла и кованых лиан, столики темного дерева, покрытые белоснежными квадратиками ажурной скатерти, букетики белых полевых цветов, в простых, но элегантных белых глиняных вазочках, сверкающие темным лаком стулья, лианы выращенных за городом чайных роз, оплетающих отделяющий террасу от дороги заборчик. Просто, элегантно, изысканно.

И совсем иная атмосфера, стоит вступить в самую чайную — сразу, с порога словно окунаешься в легкий флер горьковатого зеленого чая и весеннюю цветочную композицию. Это не чай — особое, созданное по моему заказу чайное масло, коим были пропитаны белоснежные тканевые фонарики, в которых горели свечи. Это был главный акцент интерьера. Днем белоснежные фонарики в наполненном солнцем за счет увеличенных оконных проемов пространстве оттеняли стены, отделанные светлым лакированным деревом, в тон к плетеным стульям, вечером освещали все мягким приятным светом. И получалось, что в основном зале постоянно было светло и радостно, а вот во внутреннем, где

каждый столик располагался в отдельном огороженном плотной тканью кабинете, царил полумрак и днем, и в вечернее время. И особой гордостью была посуда — белоснежные чайные сервизы, белоснежные тарелки и подносы и сверкающие, словно серебро, столовые приборы.

Мне нравилось. Особенно созданный под старину план нашей Столицы, размещенный на потолке, и позволяющий приезжим изучить карту города, расположение гостиниц и ресторанов. Идея была моя, но Сэм подошел к ней по своему — насколько я поняла, владельцы тех гостиниц, что наиболее ярко отображались на карте, оплатили покупку мебели в нашу чайную. Не знаю, как у среднего Шилли это получилось, но судя по разговорам братьев, я все поняла правильно. К слову цветы, которые оплетали уличную террасу, для нас купили братья Гиборт, которым принадлежало более ста экипажей извозчиков. Договаривался с ними Герман, вследствие их договора при необходимости вызвать извозчика для посетителей, подавальщики обращались именно к извозчиками братьев Гиборт. Понять выгоду данной схемы я могла с трудом, а потому просто доверилась Герману и таким образом мы смогли внести в интерьер чайные розы.

— Господин Данес, — окликнула я, не увидев управляющего в чайной.

— Да-да, иду, — послышался его голос, со стороны кабинетов.

Не удержавшись, я последовала туда, и застала удивительную картину — господин Данес, господин Иллон, администратор чайной, и госпожа Иллон, старшая кухарка, сидели на белоснежном диване в одном из кабинетов, вытянув ноги и сцепив руки на затылке.

— Дааа, — протянула госпожа Иллон, едва я оказалась в их поле зрения, — красотааа... Вставать не хочется, госпожа Найрина.

Я улыбнулась. Здесь все обращались ко мне «госпожа», а не леди, мне так было проще, да и им, полагаю, тоже.

— Очень удобно, — подтвердил ее супруг, — эдак, госпожа Найрина, наши посетители и подниматься не захотят.

— Надеюсь, им понравится проводить вечера здесь, — улыбнулась я.

— О, поверьте, госпожа Найрина, еще как понравится, — поднимаясь, заверил меня господин Данес. — Это будет самое роскошное заведение столицы.

— Да услышит вас Богиня Судьбы. Идемте, господин Данес, Алех ждет.

Едва я это произнесла, госпожа Иллон бросила быстрый взгляд на супруга, тот просто странно усмехнулся. Ничего более, но мне стало крайне неприятно, особенно если учесть, что в последнее время я все чаще замечала вот такие странные взгляды, стоило мне оказаться рядом с Алехом или заговорить о нем. Впрочем, почти то же самое происходило, стоило появиться Герману или Сэму.

— Что-то не так, госпожа Найрина? — встревожился господин Данес. Оба супруга Иллон тут же на меня посмотрели, а я отвела взгляд.

— Идемте, — напомнила господину Данесу и вышла.

А после... У тканевых стен есть один недостаток — они тонкие, и потому я слышала состоявшийся диалог:

— Женится он на ней, помяните мое слово, — заявила госпожа Иллон.

— И правильно сделает, хорошая, светлая девушка, — добавил господин Иллон.

— Да не будет ничего, — устало оборвал их господин Данес, — Найрина леди, и к тому же магианна, а девушка она и вправду светлая, и уж ничего не совершит, что в дальнейшем принесет вред Господину Шилли.

Я тихо уходила, не желая слушать дальше, но следующая фраза вынудила остановиться:

— Говорят, маги вернутся, — едва слышно сказала госпожа Иллон.

— Не будет войны, — рыкнул на нее господин Иллон.

— За аристократами темные лорды стоят, — понизив голов, произнес господин Данес, — а главный у них, говаривают, слово свое держит. Отстоят.

— А коли так, женится он на ней, — резюмировала госпожа Иллон.

Я бесшумно покинула внутренний зал, вышла на террасу. И застигла удивительную картину — на пороге террасы стоял полный черноволосый с проседью мужчина, в длинной белой тунике, холщевой безрукавке, белых брюках и остроносых сапогах, а Алех вежливо, но нецензурно, советовал ему покинуть территорию. При моем появлении речь старшего Шилли мгновенно оборвалась, и мне сказали:

— Извини, сорвался.

Мужчина же, противно растягивая слова, воскликнул:

— А это, видимо, и есть та самая полубовница! Рад, искренне рад познакомиться, госпожа Найрина.

Кровь отхлынула от лица, однако распрямив спину, я холодно отрезала:

— Леди Сайрен. А с кем имею сомнительную честь беседовать?

Мужчина скабрёзно осклабился и хотел было что-то сказать, но тут случилось странное — неловкое движение, словно споткнулся, замысловатое ругательство в процессе падения и треск! Отвратительный, жуткий треск, который издают только ломающиеся кости!

Я бросилась к упавшему первая, Алех проорал «Санр», но естественно остался стоять на месте. С его сломанной ногой, ничего иного ему не оставалось. Выбежав из террасы, опустилась возле стонущего и непрерывно ругающегося мужчины, и с трудом удержала вскрик — открытый перелом. Острая кость прорвала ткань брюк, сейчас заливаемых кровью.

— Найри, отойди от него! — рявкнул Алех, судя по звуку, пытающийся встать на костыли.

Я не отошла.

Торопливо стянула пояс, перевязала ногу господина, стянула, словно жгутом. Мужчина, перестав ругаться, смотрел на меня огромными от боли глазами, и едва сдерживал слезы.

— Как же вы так? — посетовала я. — На ровном же месте!

— Я... я... — начал он.

— Лежите, я целитель. Сейчас отвезу вас в городскую лечебницу, там есть два мага, к которым сила вернулась. Попрошу помочь, профессора мне не откажут.

Подбежал Санр, бывший наемник и наш сторож, глянул на господина, после на меня, как-то тяжело вздохнул и отправился за двуколкой.

— Господин Санр, его лежа транспортировать необходимо, — крикнула я вслед.

Наемник резко сменил направление и зашагал в обратную сторону, к наемным экипажам.

— Мирвар, — вдруг простонал мужчина.

— Простите? — не поняла я.

— Мирвар я, — повторил несчастный. — Простите, за грубость, леди Сайрен.

Нервно улыбнувшись, я кивнула, и вдруг... Мне вдруг показалось, что у стены стоят двое. Всмотрелась — никого. Все так же белоснежная, имитирующая кирпичную, кладка.

— Что там? — спросил с трудом подошедший Алех.

Он ходить начал всего второй день как, и на костылях держался очень неуверенно.

— Ничего, показалось. Алех, не утруждай ногу, пожалуйста, тогда выздоровление пойдет быстрее.

Он кивнул.

— Мне доска нужна, — обратилась я к подошедшему Санру. — И веревки.

***

Третье королевство. Сарда, Адепты Смерти.

-Зачем открытый? — тихо спросила вампирша, взглянув на своего напарника.

— Не рассчитал удар, — покаянно признался оборотень.

— А ей теперь в крови возиться, — откровенно негодовала адептка.

— Давай добыю?

— Монстры Бездны! — выругалась она. — Магистр будет в ярости.

— Я перескажу ему слова этого ирнейского выбеса, и магистр уроду добавит, — парировал оборотень.

Вампирша безразлично передернула плечом, и хмуро напомнила:

— Теперь бежать придется.

— Она не уйдет, — не согласился адепт, — сегодня же открытие.

— Она больного и раненого не оставит, — девушка тяжело вздохнула.

— Смотри, уже и в повозку села. Побежали, тролль тупоголовый.

***

Темная Империя.

Ат-Шарн.

Магистр Смерти, с трудом сдерживая улыбку, смотрел на невероятную картину — отряд из двухсот дроу в черной облегающей форме, маршировал по дну оврага, бодро проговаривая скороговорки на языке темных эльфов. На поясах дроу сверкали ритуальные клинки, причем у половины клинков было по двое.

— Идеально, — произнес он, едва отряд, круто развернувшись, отправился обратно вдоль обрыва.

— Да, результат впечатляет, — согласился лорд Тьер. — Рэн, нескромный вопрос: Хедуши что-то знают?

Эллохар глянул на трех крылатых демонов, зависших над пропастью, посмотрел на остальных, из которых четверо сидели на скалах, держа копья, трое стояли на дне оврага, отдавая команды псевдо-дроу. И да, принц Хаоса не мог не заметить взгляды, время от времени бросаемые демонами на Тьера. Взгляды были настороженные, опасливые, чуть беспокойные.

— Вероятно, знают, — был вынужден признать Эллохар. — Видишь ли, Хедуши — особый клан. Единственный, с кем опасаются связываться даже шайгены, четко осознавая, что уступают им во всем. И ко всему прочему, только у Хедуши существует институт наставничества, в котором наставник до конца своих дней несет ответственность за тех, кого обучил.

— Знакомый принцип отношения к ученикам, — заметил Риан.

Принц Хаоса усмехнулся, но был вынужден признать правоту Друга.

— Полагаешь, СеХарэль перед вылетом, проинструктировал крылатых? — прямо спросил Тьер.

— Убежден в этом, — кивнул Эллохар. — Откровенно говоря, я поступил бы так же. Не раскрывая всей информации, обрисовал бы вкратце возможные последствия твоего гнева.

Магистр Темного Искусства с трудом сдержал смех. Недоуменно вскинув бровь, Даррэн взглянул на друга и, лишь когда Тьер кивком головы указал на расположенный неподалеку, уставленный едой, вином и фруктами стол, и сам был вынужден приложить все усилия к тому, чтобы не сорвать тренировку демонов громким хохотом.

— Они меня с первого дня подкармливать пытаются, — с трудом сдерживая смех, признался Тьер.

— В представлении жителей Хаоса, голодный значит злой, сытый — не злой, — пояснил Эллохар, и простонал: — Монстры Мрака, надо же еще как-то лицо держать, эти же смотрят.

Риан улыбнулся. И оба магистра вновь вернулись к наблюдению за тренировкой.

— Достаточно быстро язык выучили, — заметил Эллохар.

— Ултан занимался с ними, — пояснил магистр Темного Искусства, — плюс я подключил Селиуса.

— И как там дух бывшего главы ордена Огня?

— У него выдающиеся способности к обучению.

Магистры помолчали.

— Когда начинаешь? — задал главный вопрос Эллохар.

— Ночью, — выражение лица Бессмертного утратило эмоциональность.

— Волнуешься? — полувопросительно произнес принц Хаоса.

— Тяжело ждать, — тихо признался лорд Тьер. — Ждать их шага, их удара, предугадывать и пытаться минимизировать последствия. Вокруг всех храмов Темной Империи установлены посты, но учитывая количество верований... У нас тысячи храмов, Рэн.

— Идущим будут неинтересны мелкие секты, Риан, — мягко произнес Эллохар, — они хотят устроить массовый могильник.

— Понимаю, — кивнул лорд Тьер, — но я обязан защитить все храмы. — Ты не император, — тихо напомнил принц Хаоса.

— Номинально нет, — совсем тихо произнес темный.

Эллохар искоса взглянул на друга. Понять его чувства, он понимал, у самого имелась школа и личный домен, но это казалось привычным, правильным, а ответственность Тьера Рэн иначе, чем ярмом не считал. Наставник и ученик... И как наставник, принц Хаоса не мог оставить друга наедине с давящим грузом ответственности.

— Это шесть главных храмов, Риан, — он говорил негромко, почти успокаивающе. — Шесть столичных храмов Тьмы, остальные им не интересны. Используй подвластных возрожденных, Ночную стражу, гончих. Те резервы, которые существуют сейчас, позволят держать под неусыпным контролем объекты возможного нападения. Поверь, у тебя значительно лучше организованы силовые структуры, нежели у твоего деда.

Тьер вновь кивнул, вот только его уверенности в ситуации Эллохар не видел. Магистры постояли еще некоторое время, и Риан неожиданно спросил:

— Что с тобой происходит?

— Мм? — удивился магистр Смерти.

— Ты изменился, — магистр Темного Искусства искоса взглянул на демона.

— Сильно? — совершенно безразлично, поинтересовался Эллохар.

— Что-то неуловимое, — Тьер так же выглядел абсолютно беспристрастно.

Словно разговор велся ни о чем.

Демоны, в личинах темных эльфов, вновь совершили круг по узкому ущелью на дне обрыва, когда магистр Смерти почти беззвучно, прекрасно зная, что великолепный слух аргатаэрра позволит ему расслышать, произнес:

— Тебе не понять, Риан, ты любил лишь раз.

Магистр Темного Искусства некоторое время молчал, перебирая и отбрасывая вопросы, одолевавшие его после признания друга, и когда заговорил, начал с тех вопросов, ответы на которые знал. Полагал, что знал.

— Ты любил дважды? — негромко спросил он.

— Трижды, — голос магистра Смерти прозвучал хрипло. — Я очень любил мать, Риан, она погибла.

Судорожный вздох и Даррэн продолжил:

— Я полюбил Василену, зная, что ведьмочка никогда не будет счастлива со мной... и отпустил, вопреки ее собственному желанию. Эта рана не заживала десять лет, Риан.

Еще одна пауза и хриплое:

— У вас с Дзэй много общего. Мировоззрение, ценности, желания, увлечение наукой. Это важно?

Не сразу осознав вопрос, Тьер и ответил спустя паузу:

— Это значимо, но не значительно.

Затем, спустя недолгую паузу, магистр Темного искусства добавил:

— Сложно было сделать первый шаг — [начать разговор, понять ее отношение, решиться обозначить свое.

Эллохар кивнул, принимая ответ и закрывая тему.

— Есть будешь? — тихо спросил Риан.

— Нет желания, а что?

— Если ничего не съем, твои крылатые обижаются, — еще тише сообщил лорд Тьер.

— А еще одна традиция Хаоса, — передернул плечом Эллохар. — В общем если ты отказываешься от угощения, значит предвкушаешь куда более славную трапезу... крылатого к примеру.

Тьер гневно посмотрел на друга,

— Что? — возмутился магистр Смерти. — Между прочим, крылатый из клана Хедуши считается одним из самых роскошных лакомств в Аду.

— Почему? — удивился Риан.

— Потому что не по зубам, — рассмеялся Эллохар. — Они же крылатые, Тьер, одни из сильнейших в Хаосе, а потому действительно изысканное блюдо, крайне редкое, желанное и недоступное. А чем недоступнее, тем желаннее, сам понимаешь.

И принц Хаоса вновь посмотрел вдаль. Без улыбки, напряженно, сурово.

Решение было принято.

***

Третье королевство. Сарда.

Найрина Сайрен

Профессор Лориес встретил меня на входе в хирургическое отделение, упер руки в бока, перевел взгляд на стонущего мужчину, вновь на меня посмотрел и задал странный и совершенно ненужный вопрос:

— Перелом?

— Открытый, — дала столь же излишний ответ я, потому как ситуация была более чем очевидна.

— И на ровном месте, — догадался целитель.

Я покраснела.

— Сайрен, вы меня пугаете, — нехорошо протянул маг.

— Профессор Лориес, — я не просто краснела, у меня пылало все лицо, — ему больно.

Мужчина на носилках выл, сделавшись совершенно невменяемым и от боли и от кровопотери. Целитель простер руку над его лицом — простейшее заклинание и господин Мирвар погрузился в глубокий сон. Еще одно движение — кровь остановилась.

— В операционную его, — скомандовал маг.

Санитары поспешили исполнять — с Лориесом шутки плохи. У профессора и ранее был непростой характер, но сейчас, когда он и целитель Девенур оказались единственными, к кому вернулась магия, Лориес уверился в своей исключительности. Не просто исключительности, профессор стал проповедником новой идеологии, в которой Магия объявлялась божественным даром, была отобрана по причине того, что маги погрязли в грехах и вседозволенности, и забыли о собственном предназначении — делать мир лучше. О темных в его идеологии не было ни слова. Не демоны — богиня Судьбы лишила сил всех недостойных и лишь достойнейшие вдохнут магию вновь. Итог набирающего популярность учения — все целители вернулись в столицу.

Абсолютно все. Лечебница была переполнена, маги ходили по домам, лечили сообразно своим знаниям, и молясь о возвращении магии.

В результате мне было нечего делать в лечебнице, и я действительно была рада предложению Алеха по поводу чайной. А еще я однажды видела магианну Соер. Декан постояла в приемной, осмотрелась и ушла, сказав, что пока занята, и будет навещаться. К ней тоже вернулась магия. Таким образом, трое, из четырех магов, находящихся на посту во время тех ужасных событий оказались достойными, а я...

— Четвертый случай, магианна Сайрен, — профессор Лориес с усмешкой смотрел на меня. — И знаете, я начинаю замечать некоторую закономерность — все мужчины. И вот вопрос — а не вернулась ли к вам магия, уважаемая? Только не целительская, а та, истинная, которую вы, возможно скрывали?!

Вступать в дискуссию и отрицать в данной ситуации было бессмысленно — стояла, молча, направив на профессора прямой, гневный взгляд.

— Великолепная иллюстрация к праведному гневу, — усмехнулся старик. — Магианна, говорю откровенно — еще один случай и я прикажу взять вас под стражу.

И старец с длинной белой бородой (вновь обретенная магия позволяла отрастить подобное за сутки), величественно повернувшись, удалился. Целители провожали его благоговейными взглядами и, не скрывая неприязни, поглядывали на меня. Не удивительно — трое достойных обрели магию, а я почему-то нет. Почему? Ответ очевиден, я не достойна.

Молча развернувшись, я покинула лечебницу с гордо поднятой головой. Вышла, жестом отпустила извозчика, быстро, решительно прошла по дороге по направлению к городскому парку, раскланиваясь со встречными знакомыми. Свернула на боковую и наиболее пустынную аллею, прошла к растущим у заброшенного пруда, в отличие от центрального озера, ивам, обошла, так чтобы меня не было видно. И только там, скрывшись от всех глаз, я горько заплакала. Молча.

***

Третье королевство. Сарда.

Адепты Смерти.

— И что она там делает? — заинтересованно спросил оборотень, который ждал сокурсницу на аллее, решив, что возможно, целительнице потребовалось уединение, не терпящее мужских глаз.

Вампирша подошла к нему решительно и зло, и не говоря ни слова со всей силы отвесила подзатыльник. Потрясенный адепт моргнул, а после схватил девушку за шиворот, и получил второй удар, на этот раз куда более болезненный.

— Магистр тебя уроет, — вырвавшись, прошипела адептка Смерти, вспарывая ладонь заостренным когтем. — Вот просто уроет.

Через минуту оборотень получил второй подзатыльник, менее болезненный, но куда более обидный. Разочаровывать обожаемого директора адепты не любили.

***

Третье королевство. Сарда.

Наирин Сайрен

Нам рассказывали, что человеческие слезы следствие двух вещей — обиды и чувства жалости к себе. И я не могла разобраться, чего в моей истерике было больше — чувства жгучей несправедливости, или жалости к самой себе. Не знаю. Мне было стыдно и за эти слезы, и за истерику, и за то, что вот так отреагировала на слова профессора. Не правильно отреагировала, ведь в его замечании содержалась изрядная доля истины — случай с поломанной ногой господина Мирвара не первый, и возможно причиной действительно была я. Ведь нас магов тогда было четверо, у троих вернулась магия, а я никогда не забуду, как под моим скальпелем ожил труп.

— И чего мы ревом? — голос, чуть усталый и несколько насмешливый раздался совсем близко.

Я вздрогнула, убрала ладони от лица, и очередной всхлип стал испуганным вскриком.

Передо мной на корточках сидел господин Эллохар. В темно-синем под цвет глаз камзоле, с белоснежной рубашкой, чей ворот и манжеты оттеняли смуглую кожу, и с улыбкой, в которой было так много грусти.

Грусти, а я ожидала злость.

— Да-да, ты не послушалась и не пошла в банк, я знаю, — улыбка стала чуть шире.

— И в-вы не будете злиться? — осторожно спросила я.

На лице мужчины отразились некоторые сомнения, он даже кивнул каким-то своим мыслям, затем подмигнул мне и сообщил:

— Буду. Но попозже.

И мне протянули платок. Белоснежный, мужской, потому что без кружев, и очень приятный на ощупь. И вот стоило мне взять его, как господин Эллохар безжалостно объявил:

— У тебя нос весь распух и красный. Красотка.

Я улыбнулась, и в тот же миг мужчина поднялся и протянул руку мне. Поднявшись, я тщательно вытерла мокрое лицо, нос очень аккуратно, чтобы не распух еще сильнее, а после поняла, что возвращать мокрый платок крайне невежливо и... оставила его себе, спрятав в кармане.

И вот после этого, я рискнула взглянуть на господина Эллохара, с любопытством рассматривающего пруд, и осторожно спросила:

— А... что вы здесь делаете?

— Гуляю, — невозмутимо солгали мне.

Это была очевидная ложь, так как, судя по заинтересованному взгляду, мужчина впервые видел окружающую местность. Я откровенно растерялась от подобного, и в этот миг господин Эллохар повернулся и посмотрел на меня. Прямо, открыто, внимательно. И видимо моя растерянность не укрылась от него, потому что следующими словами стали:

— Увидел тебя, решил поздороваться, невольно проследил, но подойти сразу не решился, ввиду отсутствия информации, но не предположений, на тему чем можно заниматься под деревьями в Отсутствии любопытных глаз.

Я смутилась окончательно, покраснела и уже хотела было возмутиться, как мужчина, улыбнувшись, продолжил:

— Да ладно, ты ревела на весь парк, глухой и то слышал бы.

— Неправда! — возмутилась я. — Ветер, и листья шумят и я... я... я рот закрыла, не было ничего слышно!

— Хорошо-хорошо, не ревела, — он ухмыльнулся, и ехидно добавил, — просто рыдала в голос, вон всю живность в округе разогнала.

На сей раз, у меня даже слов не оказалось.

— Кстати, по какому поводу безутешное горе? — небрежно спросил лорд.

Я опустила голову, глаза вновь наполнились слезами.

— Ладно, меняем тему, — господин Эллохар вдруг стал серьезен и даже суров, — ты выяснила, что происходит после убийства несчастного дракона и до расчленения его бранных останков?

Откровенно удивленная столь жестким тоном, я тихо переспросила:

— Что?

— То есть не выяснила, — расстроился лорд. — И почему все приходится делать самому?

— Что делать? — я так удивилась, что напрочь забыла об имевших место слезах по поводу жгучей несправедливости.

— Пошли, — устало приказали мне, и, заложив руки за спину, лорд двинулся по аллее, по направлению к центру города.

Я поспешила за ним, крайне заинтригованная. Но мысль о том, что мое предположение по поводу умственного здоровья оказалось чуточку верным, почему-то вновь мелькнула в сознании. И я лишь утвердилась в его легкой сумасбродя ости, едва подошедшую меня, лорд взял за руку и повел как маленькую. Куда?

— Хочу один момент прояснить, — словно отвечая на мой невысказанный вопрос, сообщил господин Эллохар.

— Какой момент? — заинтересовалась я.

— С драконом, — невозмутимо сообщил лорд. — А если точнее, то с благодарностью.

Мне ничего понятно не было. Совсем. Но независимо от того, темная эта ночь, или же яркий как сейчас день, ощущение моей ладони в его руке... Это неправильно и непозволительно, я понимала, но отчего-то когда господин Эллохар осторожно сжимал мои пальцы, я чувствовала себя... Я больше не ощущала так остро своего одиночества. Я была не одна, я чувствовала тепло, поддержку, заботу. И слезы на ресницах, ведь это не правильно и недостойно леди, но... И вопросы, так много вопросов, которые я не имела права задавать, но хотелось, очень хотелось.

— Ты улыбаешься, — произнес господин Эллохар, и я поймала его взгляд.

И поняла, что действительно улыбаюсь. Лорд вскинул бровь, затем остановился, развернул меня к себе и тихо спросил:

— А ты рада мне?

— Конечно, — торопливо подтвердила я.

— Правда? — не поверил он.

Улыбнувшись снова, я кивнула и произнесла:

— Я всегда рада друзьям, господин Эллохар.

Мужчина скривился, словно съел что-то весьма кислое и тихо выругался:

— Бездна!

— Что? — не поняла я.

— Без дна этот пруд, — пояснил лорд, вновь беря меня за руку и продолжая путь, как-то излишне резко.

— Ну почему же? — мимоходом взглянула на гладкую водную поверхность. — Очень даже со дном, у нас здесь практикум по судебному целительству был, и со дна двух утопленников достали.

В следующее мгновение, внешне невозмутимый лорд, задал неожиданно язвительный вопрос:

— Ты была им рада?

— Утопленникам? — переспросила удивленно.

— Ага, — бесстрастно подтвердил господин Эллохар. — Но забудь, главное, что выводы я сделал. Идем быстрее.

***

Подземелья.

Западное королевство дроу.

Резиденция шестого жреца великой Тьмы.

Смерть была его любимым развлечением. Любимым изысканным, желанным. Иногда Таэлрану казалось, что смерть то единственное, ради чего он примкнул к Идущим путем ненависти. И оглядывая жрецов Тьмы, дроу частенько раздумывал, почему именно он, столь далекий от идей заговорщиков, каким-то немыслимым образом встал во главе учения. Но быть лидером, Золотому жрецу нравилось. Это дарило ощущение свободы, значимости, вседозволенности. И позволяло убивать. Смерть — богиня, которой был готов поклоняться Таэран, но увы — смерть не была богиней.

«Издевка судьбы», — в очередной раз меланхолично подумал жрец, и обвел взглядом присутствующих.

Черные мантии, рисунок ненависти на лицах, черные когти постукивают по мраморной крышке стола, жаждущие взгляды направлены на него. Ждут, готовые внимать каждому его слову, готовые идти куда прикажет, и даже не подозревают как смешна прежнему недостойному слепая преданность бывших вышестоящих иерархов религии дроу.

— Братья мои, — Золотой жрец произнес это сидя, презирая давно установленное правило — говорящий да устоит, — имя первой жертвы определено.

Жрецы не произнесли ни слова, но все и разом подались вперед, жаждущие услышать великое знание. Таэлран мысленно усмехнулся и произнес:

— Леди Дэя Тьер!

Мгновение потрясенной тишины и началось:

— Нет! — категоричное заявление четвертого жреца.

Таэлран запомнил.

— Это невозможно, — выдохнул девятый.

Эгирок сомневается, что ж Золотой об этом знал.

— Слишком опасно, шестой, — торопливо заговорил первый.

Бывший лидер фактически, а номинально все еще верховный жрец Тьмы, Кахинор всегда осторожничал. «Именно потому я во главе, а ты пресмыкаешься у моих ног», — мстительно подумал Золотой жрец.

И вскинул руку.

Тишина вновь окутала своды великой пещеры Тьмы. Таэлран наслаждался этим упоительным ощущением значимости, но не позволил и тени эмоций отразиться на лице. О нет, шестой жрец был совершенно бесстрастен, спокоен и решителен.

И вновь решился возразить лишь четвертый:

— Судьба говорит, что не время. Жертва слишком опасна для нас, братья.

И с ним были согласны не то, что многие — все. Таэлран отчетливо видел это. Впрочем, он на иное и не рассчитывал, именно поэтому принесший весть скрывался им до сего дня. Потому что именно сегодня, Золотой жрец мог сказать:

— В саду королевы расцвели розы, братья. Золотые розы.

И насладился повисшей тишиной. Жрецы потрясенно молчали, глядя на того, кто возглавил идущих путем Ненависти. Он улыбался, сверкая острыми оточенными клыками, столь ярко выделяющихся на фоне выкрашенных в черный цвет губ дроу. И Таэлран не считал нужным скрывать улыбку.

Да, он бросил вызов верховной власти.

Да, эта ночь станет пиром Смерти, где главным угощением будут королева и ее дочери.

Да, никогда прежде идущие не стремились к захвату власти в королевстве, что стало их пристанищем. Но он Золотой жрец, он великий Таэлран, он тот, кто приведет к победе.

— Отступаешь от канонов, брат, — сухо произнес четвертый жрец.

Золотой улыбнулся шире, пристально глядя на Тагору, и парировал:

— Разве каноны привели нас к победе, брат?

И жрецы переглянулись, а после кивнули, признавая правду Золотого. И только четвертый вновь выступил против:

— Но смерть королевы не приведет к нашей гибели, а леди Дэя Тьер... Братья, готовы ли вы бросить вызов темному? Готовы ли утратить все, что создали, ради прихоти Золо...

— Ее избрал не я, — с глухой яростью перебил Таэлран, — и не я пытаюсь оспорить выбор Судьбы.

А вот это уже намек. С нескрываемой угрозой. Четвертый жрец побледнел, отвел взгляд. Золотой мысленно усмехнулся — Тагор не относился к тем, кто готов был рискнуть и станцевать на лезвии ножа, а потому...

«Скоро, очень скоро я увижу твою смерть, четвертый, — подумал Таэлран». Но сейчас перед ним Стояли иные задачи:

— Леди Дэя Тьер, — повторил Золотой жрец.

— Тьер, — первый нахмурившись, взглянул на Таэлрана и напомнил: — Мы все помним Великий Мрак, брат мой, ты же молод и не ведаешь, что Тьер сын леди Тангирры Анаргат.

— Почему же, мне это известно, — Золотой позволил себе спокойную улыбку. — Как и

то, брат мой Кахинор, что сорок четыре года назад, Судьба указала на леди Тангирру Анаргат, как на дитя Бездны. Но вы, в наивной вере о собственной разумности, вознамерились учить Судьбу, и для свершения ритуала попытались захватить ее племянницу, леди Алитерру. Мне ли напомнить вам, как жестоко наказала Судьба?

И подавшись вперед, Таэлран зашептал, быстро и жестоко:

— Двое выживших их четырнадцати тысяч, братья! Двое! Спасенные чудом!

Жрецы опустили головы, признавая правоту самого молодого из них. И слово взял пятый, самый верный из последователей Золотого:

— Веди нас, брат Таэлран! Веди путем Ненависти! Ты слышишь веления богини, ты готов подчиниться Судьбе, ты приведешь нас к победе! И мы напитаемся силой, брат! Силой великой Тьмы!

— Веди нас! — поддержал первый.

— Веди Ненавистью! — второй.

— К победе, брат! — третий.

— Да будет путь твой верным, — в голосе четвертого прозвучал глухой укор.

Остальные вторили первым трем. Золотой жрец милостиво улыбался дроу, вознамерившимся стать богами, и если хоть кто-то из них мог уловить отголосок его мыслей — кинжалы из ножен достали бы разом. Но все пятнадцать жрецов как покорные бараны послушно следовал плану Таэлрана. Ему верили.

***

Третье королевство. Сарда.

Наирина Сайрен

Едва мы вышли из парка, я осторожно отняла свою ладонь у господина Эллохара, смущенная взглядами знакомых мне торговцев. Лорд не оставил мой жест без внимания и галантно предложил локоть.

— Боюсь, в среднем классе подобное не принято, — прошептала я. Взгляд свысока и неожиданный вопрос:

— С каких пор вы относите себя к среднему классу, леди Сайрен?

Он говорил не громко, и только это спасло меня от внимательных ушей госпожи Варих, проходящей мимо и с интересом разглядывающей как меня, так и моего спутника. Но едва она отошла, я тихо ответила:

— Я не отношу себя ни к какому классу, господин Эллохар, я просто знаю, что в среде торгового сословия такие вольности не допустимы, и мне вовсе не хочется расстраивать госпожу Шилли, приютившую меня в своем доме и, следовательно, в глазах общества несущую за меня ответственность.

На мой монолог господин Эллохар отреагировал внимательным взглядом, и сообщил:

— Почти пришли.

Кто бы мог подумать, что мы пришли в книжную лавку! От удивления, я остановилась, а вот мой спутник, небрежно-ленивой походкой направился в к прилавкам, и не обращая внимания на остолбеневшего торговца, принялся осматривать корешки книг. И глядя на то, с какой уверенностью и грацией двигается мужчина, я окончательно уверилась в том, что обращаюсь к нему совершенно неверно, и мне следует извиниться. Однако дальнейшие события заставили напрочь забыть об извинениях.

— Любезнейший, — господин Эллохар обернулся, с пренебрежением взглянул на господина Ллори, знакомого мне книготорговца, — позвольте узнать, в каком отделе у вас

располагаются любовно-лирические книжечки о принцессах, спасенных из лап драконов?

Торговец утратив дар речи от тона светловолосого лорда, замялся и начал заикаться, едва попытался ответить. Поспешив прийти ему на помощь, я торопливо ответила:

— Господин Эллохар, учебная литература находится в самом здании лавки, на уличных прилавках выложены наименее дорогие и...

Холодный спокойный взгляд серых глаз и меня вынудил позабыть о способности разговаривать. Я оборвала себя на полуслове, от чего то глубоко оскорбленная.

— Благодарю, прелесть моя, — весьма издевательски произнес мой спутник, однако вопрос был адресован не вам, леди Сайрен. — А затем с холодно-издевательской учтивостью:— Со столь низкими речевыми данными, вам не то что в книготорговцы, вам и в гробовщики путь заказан, милейший. Впрочем, речь в данный момент не об этом, так что будьте любезны выполнить мой запрос, согласен даже на жесты.

И после данной тирады, единственной оставшейся у меня мыслью, было: «Кто этот человек?». Решительно миновав те несколько шагов, что отделяли меня от лавки, я стремительно подошла к господину Эллохару, и разгневанным шепотом, потребовала ответа на обоснованный вопрос:

— Что вы себе позволяете?!

Медленно повернувшись ко мне, мой собеседник отреагировал выгнутой бровью и молчанием. Лицо лорда казалось совершенно бесстрастным, зрачок не расширился, что свидетельствовало об отсутствии гнева, но почему-то я всем существом ощутила его ярость. Не визуально, нет а на каком-то интуитивном уровне.

И внутри что-то содрогнулось. И словно тень набежала...

***

Третье королевство. Сарда.

Адепты Смерти.

Оборотень и вампирша потрясенно смотрели на хрупкую целительницу, гневно вззирающую на демона. Высшего демона, раскинувшего черные призрачные крылья и оскалившего клыки.

— Магистр утратил контроль, — потрясенно прошептала адептка.

— Нет, он удерживает иллюзию, человеческие существа ничего не Замечают, — тоже шепотом ответил оборотень.

— Но чувствуют, все чувствуют. Посмотри, сердце торговца едва бьется, у женщины в цветочной лавке приступ аритмии, и кровь... Она застывает в жилах, Хернан.

— А инструкций нет, — простонал оборотень.

— Начнутдохнуть, набрасываем иллюзию и осторожно оттаскиваем трупы в лечебницу, — решила адептка Смерти.

Но прошел миг, и демон вернул облик темного лорда. Вернул решительно, резко, почти болезненно, чтобы услышать от целительницы виноватое:

«Простите, я ни в коем случае не хотела вас обидеть, но вы... вы... Господин Эллохар, вы приводите в ужас господина Ллори, а у него больное сердце».

И черные крылья взметнулись вновь!

— Вот Бездна, — простонала вампирша, — она при нем думает о другом мужчине!

— Ни ума, ни заботы о близких, — вздохнул оборотень. — И магистр еще говорил о каком-то сострадании.

— Да, жестокая, — подтвердила вампирша. — Готовь иллюзию.

***

Третье королевство. Сарда.

Даррэн Эллохар.

Терять контроль снова было досадно. Именно досадно. И из-за чего? Холодно глядя на девушку, магистр Смерти отчетливо понимал — она ведет себя сообразно с собственным отношением к миру. Ее поведение совершенно нормально и понятно. Проблема лишь в том, что и его поведение полностью соответствовало его отношению к женщине, которую демон признал своей.

Вот только из них двоих она имела право вести себя так, а он нет. Еще нет. И принц Хаоса знал об этом. Был готов к этому. Точнее считал себя подготовленным, сдержанным, умеющим держать себя под жестким контролем. И тут это. И огромные испуганные глаза, взирающие на него со смесью укора, и сожаления. И это ее «Простите, я ни в коем случае не хотела вас обидеть...».

— Я не обиделся, Найриша, — с трудом сдерживаясь, процедил Эллохар. — Но согласитесь, поведение столь оберегаемого вами господина Ллори, не поддается объяснению.

Целительница лишь шире распахнула удивленные глаза.

«Сорвусь, схвачу, и приручать буду в Хайранаре! — мрачно пообещал самому себе принц Хаоса. — Но потом, когда повзрослеет!».

И с этой мыслью, магистр Смерти улыбнулся ничего не понимающей магианне, затем повернулся к торговцу и уже совершенно спокойно и даже дружелюбно, поинтересовался:

— Где нужные мне книги?

***

Третье королевство. Сарда.

Наирина Сайрен

Мы сидели на скамье у озера. Господин Эллохар читал, причем обязательно открывал книги на последних страницах и делал пометки карандашом, я же молча следила за тем, как торопливо направляется к нам прислуга из ресторации «Озерная». Ранее, мой спутник щедро расплатился полновесным золотым с господином Ллори, и этой монеты, размером с ладонь ребенка, вполне хватило бы на покупку половины ассортимента лавки книготорговца, но господин Эллохар на все возражения, ответил великодушным:

— Вам за труды, милейший, и берегите сердце, очень не хотелось бы лишиться столь трепетно относящегося к наследию предков ценителя истинной литературы.

Завуалированные извинения были приняты с благодарностью, и лорд, подхватив внушительную стопку книг и попросив не персонал, выслушала требование подать чай и пирожные во-он за ту скамью у озера.

И вот в данный момент, трое подавальщиков сноровисто сервировали стол, принесенный охранниками.

— Мне бы еще мясной пирог, — не поднимая головы и не прерывая деятельность, произнес господин Эллохар.

Прислуга, низко поклонившись, поспешила исполнить повеление.

— Найриша, мне четыре ложки сиропа в чай, пожалуйста, — попросил мой странный спутник.

Я поднялась и отправилась в ресторацию, мыть руки, проигнорировав принесенные пиалы с лимонной водой. Не потому что мне так хотелось, а потому что только мыло

действительно очищает руки, а я сегодня больного перевязывала. И только вернувшись, исполнила просьбу магистра, вливая в его чай четыре ложки болотного сиропа. Сама я предпочитала мед, но не в чай.

Расположила чашку и блюдо ближе к господину Эллохару, который словно и не заметил моего возвращения, и невольно вздрогнула, услышав:

— Спасибо, моя прелесть.

— На здоровье, господин Эллохар, — ответила я, присаживаясь на скамейку.

Вскинул голову, взглянул на меня, улыбнулся и вновь погрузился в чтение. Странный человек. Очень странный, но странно и то, что сидя рядом с этим лордом, я вовсе не хотела уходить. Сегодня открытие чайной, масса дел требует моего внимания, от расстановки сервизов, до принятия песочной и миндальной выпечки от господина Сайка, а я... Я сижу в парке, с самым странным человеком из всех, кого когда-либо встречала и мне совершенно не хочется уходить.

Странно? Более чем, я сама себя не узнавала. Рядом с господином Эллохаром почему-то становилось тепло, где-то там, внутри, в душе. И я смотрела на профиль с хищным чуть с горбинкой носом, на тонкие губы, на резкие черты лица — и понимала, что человек с такой внешностью добрым быть не может, но...

И вдруг господин Эллохар, не поднимая головы, произнес:

— Скажешь что-то про моих предков уб... отшлепаю.

Я едва чай не расплескала от удивления, да и возмущения тоже.

— Простите, но...

И осеклась на полуслове, едва мужчина повернулся, хмуро посмотрел на меня, а после недовольно произнес:

— Ну как же, сейчас ты меня рассматриваешь внимательно, после заявишь, что у меня внешность странная, вроде как волосы северянина, глаза степняка, нос горца, а в итоге скатишься к обсуждению морального облика моих предков, допустивших столь неординарное смешение национальностей.

Хотела было возразить, что и в мыслях не было, но... говоря откровенно, внешность господина Эллохара действительно была странной с точки зрения разбирающегося в народностях целителя, так что да, некоторые мысли на счет неразборчивости в связях невольно появились.

— Простите, а ваша мать... — начала было я.

И была остановлена достаточно грубым:

— Ее убили.

Я едва не обронила чашку. И обронила бы, не подхвати ее господин Эллохар, совершив какое-то невероятно быстрое, молниеносное движение. Затем мужчина отобрал у меня и блюдо, поставил все на стол и посмотрел. На меня. Прямо, угрюмо и даже зло.

— Мне так жаль, — прошептала я, глядя на мужчину и начиная догадываться, почему он оказался настолько благороден, что в первую нашу встречу сопровождал меня до лечебницы, а во вторую нес на руках через весь город, чтобы доставить в дом госпожи Шилли.

Теперь я поняла все, и стало бесконечно жаль его, до слез жаль.

— Не реви, — мужчина не улыбнулся, нет, но глаза потеплели.

— Глупо выгляжу, — я торопливо достала платок, его собственный, вытерла слезы. И попросила: — Простите.

— За что? — переспросил господин Эллохар. — Мне впервые так искренне посочувствовали, даже не ожидал. Хотя зная тебя...

Мой собеседник отставил книгу, взял чашку, сделал глоток, и, глядя на озеро начал рассказывать:

— Она была целительницей... — пауза, словно он хотел что-то добавить, но не решился и продолжил: — Знаешь, существуют настолько добрые, светлые и чистые создания, что их требуется неустанно беречь и охранять, потому что они не способны выжить самостоятельно. Совершенно не способны. Как и подумать о себе. Нет, вас заботит всеобщее благоденствие, какие-то вечно-сопливые чужие дети, и подонки, которых убивать, а не лечить следует. Но вы же этого не видите.

Господин Эллохар замолчал, сделал еще один глоток чая, и негромко, все так же глядя на водный простор городского озера, сказал:

— Она спасла чужого ребенка и погибла, оставив собственных двоих детей. Мне было чуть больше десяти, сестричка... совсем еще кроха. Отец... отец сначала искал виноватых, после винил себя, еще чуть позже утешился в объятиях другой женщины. Мы с сестрой после смерти мамы переехали к бабушке. Потом, когда отец завел новую семью, Риш вернулась в дом и даже стала называть «мамой» эту... особу.

Он замолчал, и я не могла не спросить:

— А вы?

Ответа не последовало и могло показаться, что он не расслышал вопроса, но... он услышал. И на хищном лице угрожающе шевельнулись жгуты желваков, судорожно дернулся кадык.

— Моя мать погибла, — после недолгого молчания, произнес господин Эллохар.

Вот и все. Я на мгновение закрыла глаза, понимая гораздо больше, чем он сказал. Мальчику было десять, он очень любил маму, очень. Другую женщину возненавидел сразу, как и отца, предавшего память его матери. Так больно. Больно за маленького мальчика, который внезапно остался один, ненавидя и проклиная за смерть матери весь мир, всех детей, и отца, не желавшего скорбеть вместе с ним. Больно за женщину, отдавшую свою жизнь, выполняя долг.

Больно за господина Эллохара, так и не простившего отца.

— Найрина, вы опять рыдать собираетесь? — язвительно поинтересовался он.

Отрицательно покачала головой, и торопливо вытерла слезы. Даже улыбнуться постаралась. Мы помолчали и вдруг мужчина грубовато спросил:

— Тебе действительно настолько жаль мою мать? Вы же даже не встречались.

— Нет, — прошептала я, глядя в свою чашку, — мне очень жаль вас. Даже не совсем вас, а того маленького мальчика, который остался совсем один и ему до сих пор больно.

Я не смотрела на господина Эллохара, он ничего не сказал мне. Мы в тишине допили чай, после я поднялась, и налила нам еще по чашке, а мужчина, подтянул себе ближе тарелку с булочками, мне же пододвинул пирожные и мы продолжили наслаждаться вкусом чая, ароматами цветов, прекрасным пейзажем городского озера, и мелодией, которую где-то вдалеке играли бродячие артисты.

— Красиво здесь, — заметил господин Эллохар.

Кивнув, я продолжала молчать. И внезапно поняла, что впервые за всю прошедшую неделю, позволила себе сесть и вот так наслаждаться чаем, глядя вдаль и ни о чем не думая. Не было счетов, не было договоров, планов, мастеров, заказов, рисунков с интерьером...

Только спокойствие и умиротворение. Рядом с этим удивительным человеком, все проблемы почему-то стали казаться решаемыми. Абсолютно все.

— Как вы тут без меня поживали? — весело поинтересовался господин Эллохар.

Искоса взглянув на него, я поймала такой же осторожный взгляд и улыбнулась.

— Плодотворно, — маленький глоток, а после я решила не скрывать того, в чем была практически уверена: — Спасибо вам за лорда Экнеса, господин Эллохар.

— Мм? — подчеркнуто искренне удивился он.

Вот только в серо-синих глазах словно искрилась улыбка.

— Просто — спасибо, — не стала я развивать тему.

— Кстати, о благодарности, — господин Эллохар поставил свою чашку на стол, затем отобрал мою чашку, так же водрузил на блюдце, и протянул мне книгу с закладкой. — Третий абзац сверху, — уведомили меня. — Ознакомьтесь и сделайте необходимые выводы, леди Сайрен.

Более чем заинтригованная я, открыла, нашла нужный абзац и зачитала вслух:

«Прекрасная юная, свежая как лепесток розы Иллитиэль выбежав из пещеры, на краткий миг прижала ладони к хаотически вздымающейся груди. Сердце ее трепетало!»

— Долго бежала, — вскользь заметила я, — видимо не пещера, а лабиринт.

— Хм. Почему вы так решили? — задал вопрос мой спутник.

— Молодой организм и характерные для преклонного возраста проявления... Странно, согласитесь, — я взглянула на мужчину.

Лорд нахмурился и попросил:

— Дальше, Найриша.

Вновь углубившись в строки, я зачитала: «Взгляд ее блуждал по сильному телу отважного воина, гордо возвышающегося над трупом поверженного дракона».

— Дракон размером с лошадь? — скептически спросила я.

— Это образное выражение, — прорычал вдруг господин Эллохар. — Здесь автором использовалась метафора, способствующая демонстрации того, что воин возвысился над убитым врагом, потому как оказался сильнее.

— На счет сильнее, я бы поспорила, — невольно улыбнулась мужчине. — Ну, господин Эллохар, как вы себе это представляете: человек сильнее дракона? Вы драконов видели? Это три-четыре человеческих роста и огромная масса мышц.

Нервно схватив чашку, лорд махом допил чай, швырнул фарфоровое изделие на стол, и прошипел:

— Это — метафора. Что касается силы — леди Сайрен, ну о какой силе может идти речь там, где есть победитель и побежденный? В такой ситуации априори сильнее тот, на чьей стороне победа. Читайте дальше!

Вздвигнув от его приказного тона, я послушно прочла:

«— О, мой прекрасный воин, — воскликнула юная Иллитиэль, — о светоч чистоты и света!»

Я рассмеялась. Наткнулась на взгляд господина Эллохара и вмиг умолкла, а после сочла необходимым объяснить свою реакцию:

— Воин только что сражался с драконом, и, судя по замыслу автора, даже победил, а для этого требуется перерезать артерию рептилии, следовательно, как минимум воин сейчас полностью в крови, как максимум он еще и в пыли и грязи, так как драконы дорого продают свою жизнь и...

Меня откровенно удивило выражение лица господина Эллохара — его глаза
ширились, промелькнуло что-то до боли напоминавшее мимику наших преподавателей,

столкнувшихся с откровенным отсутствием ума у адептов, более того, обычно так смотрели на тех, кто был совершенно безнадежен.

— Допустим, — прорычал через некоторое время лорд.

И вот тогда я позволила себе спросить:

— А в чем смысл?

Глухой, полный невыразимой муки стон огласил окрестности.

После чего господин Эллохар откинулся на спинку скамьи, сложил руки на груди, и зло произнес:

— Бездна!

— Да нет же, у этого озера тоже есть дно, — возразила я.

— Угу, я догадался, — мрачно и, глядя четко вперед, съязвил мужчина. — Полагаю, трупам, которые оттуда достали, вы так же были безумно рады.

Обиженно смотрю на господина Эллохара, он хмуро взглянул на меня, разозлился еще сильнее, но произнес тоном, в котором не было ни тени сожаления:

— Прошу прощения, неудачно пошутил.

Отвела взгляд, посмотрела на свои руки, платье, вспомнила, что нужно еще съездить к госпоже Линкин, забрать наряд для сегодняшнего вечера, и в чайной еще так много дел, и я просто не могу позволить себе тратить время и...

— Вы закончили с чаем? — сухо спросил господин Эллохар.

— Да, спасибо, — прошептала я.

— Чудненько. Идемте, я провожу вас.

И он поднялся, не глядя на меня и не протянув мне руки. И от этого стало как-то пусто и одиноко, и грустно до слез.

Я поднялась, привычно разгладила юбку и вышла из-за стола. Господин Эллохар величественно направился вперед, предоставив мне догонять его. Впрочем, едва я зашагала рядом, он стал идти медленнее, но смотрел строго перед собой, зло, раздраженно. И я не выдержав, тихо спросила:

— Я чем-то обидела вас?

Ожидала любого ответа, кроме злого:

— Да.

Вздрогнула и прошептала:

— Простите, я не хотела.

— Знаю, и от этого в тысячу раз досаднее! — хрипло и зло ответил он.

От одного тона его голоса в данный момент, хотелось бежать прочь и не только мне — упорхнули испуганной стайкой птицы, бросилась прочь по дороге кошка, две собачки, мирно спавшие неподалеку под деревом, вскочили и... тоже убежали.

И вдруг я сделала то, что вероятно не следовало бы — я взяла господина Эллохара за руку, сама, невзирая на то, что это белый день, вокруг десятки людей, а в среднем сословии нравы куда как жестче, чем среди магов и аристократов. Просто коснулась его ладони, и мужчина мгновенно сжал мои пальчики, осторожно, но крепко. И солнце словно стало сиять ярче.

— Знаете, — продолжила я делать глупости, от которых становилось теплее на душе, — сегодня открытие чайной, в которой я управляющая и...

Я запнулась, господин Эллохар улыбнулся и переспросил:

— И?

Насколько допустимо правилами приличия приглашать совершенно незнакомого мужчину на мероприятие такого уровня? Я не знаю. Но сегодня предстоял действительно сложный вечер и почему-то мне казалось, что если там будет господин Эллохар, я не стану так сильно переживать. А потому, зажмурившись, единым махом выпалила:

— И мне будет очень приятно, если вы зайдете на чашечку чая как... мой личный гость.

Сказала, и хотя мы продолжали идти, я все так же держала глаза крепко зажмуренными и, затаив дыхание, ждала ответа. Ответа не последовало, был ехидный вопрос:

— И вы будете мне рады?

— Конечно! — не задумываясь, заверила я.

И вот тогда мужчина елеиным голосом поинтересовался:

— Как труп?

На мгновение я замерла, широко распахнув глаза и возмущенно глядя на господина Эллохара. А потом лавиной накатила обида. Невероятная, жгучая обида на него и на несправедливость его намека. Но уже в следующий миг я вырвала ладонь из его руки, резко повернулась и ушла, быстрым шагом, не оглядываясь.

Мне вслед понеслось «Найри!», но я лишь ускорила шаг. А после и вовсе почти побежала, пересекла улицу, едва не попав под копыта проезжающего экипажа, и даже не извинившись перед возницей, миновала дорогу и вбежала в чайную. И Герман и Алех, заметив мое появление, позвали, но даже не ответив, я бросилась внутрь, поднялась по витой лестнице наверх, на второй этаж, где мы готовили детскую комнату, заперлась в туалетной и вот там дала волю слезам. Истерика в парке оказалась столь несущественной, потому что стыдно мне было как раз за эту.

И кто бы мне объяснил, откуда столько слез и обиды, столько негодования, столько горечи, стоит вспомнить сказанное им «Как труп?».

— Найри, — Герман настойчиво постучал в дверь. — Найри, что случилось? Найрина, я же дверь выбью.

Дорогую, к слову сказать. Потому что художник разукрашивал, для детской же.

— Нет! — воскликнула я, торопливо вытирая лицо полотенцем. — Я сейчас.

— Так и знал, что сработает, — весело заявил парень.

Я промолчала.

— Найри, — нетерпеливо позвал младший Шилли.

— Уже выхожу, — прошептала я.

И умылась холодной водой. Бесполезно. Заплаканные глаза, красный распухший нос, губы тоже распухли, и подбородок красный. «Красотка».

Открыла дверь, слабо улыбнулась Герману и постаралась сразу пресечь любые вопросы:

Младший Шилли скептически вскинул бровь.

— Моя вина, правда, — почему-то голос упал до шепота.

Герман мрачно оглядел меня с головы до ног, словно даже свысока. Как он это делает, учитывая, что рост у нас почти одинаковый, не знаю, но умеет. А после и вести себя начинает как старший, не взирая на разницу всего в десять месяцев.

— Опять этот странный тип с юга? — прямо спросил Герман.

Я не ответила.

— Да брось, о вас тут весь квартал гудит, после того как лорд половину книжной лавки у господина Ллори скупил.

— Всего двенадцать книг, — поправила я.

— Да? — Шилли искренне удивился. — Странно, по последней информации два стеллажа вынес.

Удивленно смотрю на Германа, парень улыбнулся и добавил:

— Не переживай, самое интересное услышим вечером, уверен, к тому моменту пойдут слухи, что лорд у господина Ллори всю лавку скупили и вообще дело теперь сам вести будет. Ну да мелочи, поехали платье забирать.

— А костюмы? — тут же встревожилась я.

— Уже доставили, — торжественно объявил Герман.

И я постаралась отвлечься на текущие проблемы. Форму нашим служащим шили в спешном режиме, но не так дорого, как запросили вначале — с ними Сэм поговорил, и почему-то цена была мгновенно снижена втрое, а на карте города в тот же день была изображена швейная мастерская сестер Олрин.

Спустившись вниз, обнаружили охранника, чинно выходящего из подсобки в черном костюме с зелеными манжетами и воротничком стоечкой. Выглядел бывший наемник очень солидно и внушительно.

— Прекрасно! — торжественно объявил он мне. — У вас, госпожа Сайрен, вкус отменный.

— Спасибо, — разглядывая его с улыбкой, ответила я, — рада, что вам нравится.

Вошел Сэм — остановился на пороге, с самым довольным видом осмотрел интерьер чайной, весело подмигнул мне, одобрительно кивнул охраннику Санру, показывая, что оценил его внешний вид, и сказал Герману:

— Пирожные не привезут.

Я едва на ногах удержалась.

— Как не привезут? — голос дрогнул. — Сэм, — торопливо подошла к среднему Шилли, — мы вчера были у господина Сайка, еще раз перепроверили списки заказа, к выпечке должны были приступить еще ночью.

Парень покивал, с самым разгневанным видом, затем хмуро посмотрел на Германа и повторил:

— Вы вчера были у Сайка... — нахмурился и уже зло: — И что, ничего не заметил?

Герман тоже подошел к нам, и выглядел несколько виноватым, что откровенно удивило меня. И я удивилась сильнее, едва младший Шилли произнес:

— Не заметил. Прости.

— К чему «прости»? — Сэм был взбешен. — Я же предупредил, Герман. Изначально предупредил, что Сайку доверять не стоит! У этого вонючего отпрыска тролля был договор с Мирваром. Они ничего для нас не сделали, Герман. Ни-че-го. Ровным счетом. Сайк милс вам вчера поулыбался, покивал и... распустил рабочих.

С тихим стоном я опустилась на ближайший стул. Кондитерскую господина Сайка выбрала я — у господина Мирвара вкуснее выпечка, но только господин Сайк превращал сладости в некоторое подобие искусства, и выглядели его пирожные изысканно и изящно, самое то для чайной.

— Откуда узнал? — хмуро спросил Герман.

— Аа, — Сэм неожиданно улыбнулся, — а это самое веселое. Найри, ты два года назад ребенка лечила от ветряной лихорадки, помнишь?

Я подняла голову, с некоторым недоумением посмотрела на Сэма.

— Ну, мальчик, ему пять было, маленький такой, с погрызенным ухом.

Погрызенное ушко я вспомнила — недоглядели за ребенком, ему соседский пес откусил кусочек еще когда малышу два было. Вот с ушком я провозилась куда больше, чем с лихорадкой — не хотела, чтобы мальчик так ходил.

— Судя по глазкам — вспомнила, — сделал правильные выводы Сэм. — Так вот, маму его помнишь?

Я отрицательно покачала головой.

— А зря, — с улыбкой пожурили меня, — ибо самое интересное в матери заключается, так как именно госпожа Иверли в известность нас и поставила.

— Вот те раз, — выдохнул Герман.

— Остолоп, — высказался ему злой Сэм, и снова мне: — Давай в двуколку, погнали домой. У нас до открытия пять часов, часть выпечки госпожа Иверли успеет сделать, мама всех мастеров по сдобе подняла, а часть нам закупить нужно.

Растерянно глянула на Германа.

— За платьем сам съезжу, — сходу понял он меня. — Меню возьми с собой, проверь пункты по закупке, что-что, а продукты сегодня закончиться не должны, иначе это провалом будет.

Подскочив, я помчалась в кабинет, уже ни о чем кроме открытия не думая.

***

Третье королевство. Сарда.

Даррэн Эллохар.

Магистр Смерти молча вышел из чайной. Остановился на пороге. Огляделся — оба адепта Смерти стояли перед террасой, оборотень неловко переминался с ноги на ногу, чувствуя себя виноватым, вампирша смотрела с вызовом, демонстрируя всем своим видом, что виновата вовсе не она. За столом сидел Алех Шилли и ругался отборными фразами, которым позавидовали бы и портовые грузчики.

Вышедший из чайной Сэм Шилли даже не осознал, почему по дуге обошел совершенно пустое на его взгляд пространство, прошел к брату, остановился.

— Как Найри отреагировала? — спросил старший.

— Расстроилась, — тихо ответил средний. — Больше всего рецептов жаль, Найрина две ночи в библиотеке сидела, искала, выписывала.

— Отберем, — мрачно пообещал Алех Шилли.

— Уверен? Старый козел явно времени даром не терял.

— Да знаю я, Сэм! — вспыхнул Алех. — Знаю, а ты знал, что Герман такие подставы не сечет, должен был сам с ней поехать! А теперь что? К демонам деньги, не на чайной, так на другом вытащим, а Найри жалко. Она только-только отходить начала.

Братья помолчали. Алех поправил перевязанную ногу, тихо выругался, но когда в чайной послышался торопливый перестук каблучков, быстро сказал:

— Разберемся. Найри ничего не говори больше. Когда оставишь ее у матери, съезди на окраину к Олшану, попроси двух поваров.

— Пять часов осталось, — совсем тихо напомнил Сэм.

— Знаю я! — прорычал Алех. — Езди быстрее.

Когда магианна выбежала на порог, оба брата Шилли уже выглядели совершенно спокойными и даже улыбались.

Магистр Смерти посмотрел на адептов, кивнул, указывая на девушку, и исчез во вспыхнувшем пламени.

***

Темная Империя. Приграничье.

Ардам.

Кондитерская мастера Мелоуина работала круглосуточно. С раннего утра выпекались сдобные булочки, воздушные пирожные и ароматные печенья, раскупаемые окрестными жителями к чаю, и спешащими на занятия учениками и адептами, просто чтобы быть съеденными по дороге.

К обеду пеклись мясные пироги, слоенки с грибами, зеленью, овощами, а так же по особому рецепту запекалось мясо всех девяти разрешенных в империи видов, чтобы по приготовлению быть завернутыми в тонкое полупрозрачное тесто особых лепешек Мелоуина. А едва солнце начинало клониться к закату, в печах уже поспевали торты с разнообразными начинками, пирожные подобные произведениям искусства, вручную делались особые шоколадные конфеты.

Но самое интересное начиналось ночью- уважаемый мастер-кондитер Мелоуин, был крайне благодарен одному памяtnому делу, которое расследовала контора частного сыска «ДэЮре» и тому удивительному рецепту, что был предложен самой что ни на есть чистокровной госпожой Риате. Именно с ее легкой руки в кондитерской открылось новое, особое, ночное направление.

И теперь по ночам штат поваров увеличивался втрое, а вся продукция шла на экспорт. И такая это была продукция — заварные пирожные с кремом из чертополоха, полынное сладкое масло, бисквитные торты с пралине и семенами толокнянки, чесночные булочки и многое-многое другое, что пришлось по вкусу жителям Хаоса.

Так что мастер-кондитер был доволен, крайне доволен, и, оглаживая длинную бороду не раз задумывался о выражении искренней благодарности той, что уже носила имя леди Тьер и являлась гордостью всего Приграничья — как-никак, а брак с самими лордом Тьером дорогого стоит, значит оценили высшие власти крепость духа жителей самой опасной в империи территории. Но о благодарности расчетливый гном только задумывался, ибо одно дело сама Дзя Тьер, ей просто приятно будет, но офицер Найтес даром что не гном, этот своего не упустит и процент потребует.

От выбора между искренней благодарностью и гномьей бережливостью, мастера-кондитера отвлек странный шум за дверью. Шум был до крайности неприятный — с таким глухим стуком падать могут исключительно бездыханные тела служащих, клиенты обыкновенно молча падать не желают и оглашают окрестности громкими воплями, а вот служащие падают молча — исключительно чтобы клиентов не распугать, ибо прибыль священна.

Но едва распахнулась дверь, и в кабинет уважаемого мастера Мелоуина согнувшись, ввиду низких потолков, вошел самый одиозный из всех темных лордов империи — почтенный гном сам с трудом сдержал крик и из последних сил удержался, дабы не последовать примеру своих служащих.

— Ужасающих, мастер Мелоуин, — войдя, произнес лорд Эллохар.

«Принц Хаоса, сам принц Хаоса!» — с ужасом думал гном.

— Я, говорю — кошмарных, — напомнил о вежливости магистр Смерти.

Мастер Мелоуин с ужасом осознал, что сползает с кресла. Увидев отсутствующий взгляд и побледневшее лицо гнома, магистр Эллохар улыбнулся и произнес волшебную фразу:

— Я к вам с деловым предложением, уважаемый.

Почтенный мастер-кондитер мгновенно встал, поклонился, произнес традиционное «Жутчайших, лорд Эллохар», и вновь сев, вежливо произнес:

— Готов к диалогу. Присаживайтесь.

Магистр Смерти занял кресло напротив стола уважаемого гнома, задумчиво огляделся и задал отвлеченный вопрос:

— Как продвигаются ваши дела?

Станным образом мастер-кондитер вновь почувствовал себя дурно. С коллегами в мирах Хаоса мастер Мелуин общался, приходилось, и потому о взрывном характере наследника Ада был осведомлен даже сверх меры.

— Вижу, у вас все замечательно, — с улыбкой, от которого почтенный гном мгновенно вспомнил, про последние контрабандные поставки, произнес магистр Эллохар.

«Знает!» — решил мастер Мелуин. — «Убьет!» — решил он же, спустя мгновение. «Нет, не убьет, утащит в свою школу Смерти и отдаст адептам на опыты!» — эта мысль была последней, и мастер-кондитер решил, что пора принимать превентивные меры.

— Налоги выплачу незамедлительно, — пролепетал гном.

Темный лорд медленно, но крайне коварно растянул тонкие губы в улыбке и произнес:

— Натурой.

В следующее мгновение почтенный гном беззвучно свалился в обморок.

***

Третье королевство. Сарда.

Наирин Сайрен

Дом госпожи Шилли в обеденное время по обыкновению пустовал, но не сегодня. Несмотря на то, что Сэм подгонял лошадей, на подъезде нас обогнала двуколка управляющего, в которой правил один из поваров пекарни, а старший повар не поднимая головы, вчитывался в какой-то список. Перед самыми воротами, обогнавшая нас двуколка затормозила, совершила крутой поворот и снова умчалась в город.

Удивленно смотрю на Сэма.

— Все хорошо, — заверил меня средний брат Шилли, — видимо просто не все составляющие по рецепту купили.

Нехорошее подозрение закралось в душу. Очень нехорошее.

— Сэм, — осторожно начала я, — господин Сайк не только ничего не сделал, но и забрал собранные нами продукты?

Он не ответил, подъехал к воротам, подождал, пока нам откроют, въехал во двор.

— Сэм, — вновь позвала я.

— Было бы о чем переживать, — весело ответил он. — Кстати, а рецепты у тебя сохранились? Черновики в смысле?

Яркий весенний день мгновенно стал сумрачнее. Подозрение теперь стало вполне обоснованным, и даже более чем.

— Найри, — Сэм обнял за плечи, — Найри, ну чего ты?

— Никогда не смогу понять человеческой подлости, — тихо ответила я.

Сэм прыгнул с двуколки, протянул мне руку, помог спуститься. Почти сразу открылась дверь, выбежала госпожа Шилли, заторопилась к нам и едва подойдя, вся запыхавшаяся и покрасневшая, торопливо зашептала:

— Сэмик, мы должны взять ее на работу. Уговорить, перекупить, как угодно, у

женщины дар, Сэмик, просто дар.

А затем она повернулась ко мне, широко улыбнулась и как маленькую заверила:

— Все хорошо, Найришенька, все успеваем. Вы нам только сейчас миндаль найдите, и вот те хрустящие орешки, что в прошлый раз...

Я тихо застонала, Миндаль нам везли четыре дня, под заказ! Орешки шакассy — пять суток, с южных провинций.

— Заменим другими, — решительно сказал Сэм.

Не нашла в себе силы даже кивнуть. Все летело прахом. Все попросту летело прахом. Все, к чему я прикасаюсь... Пять случаев сломанных ног, полный провал с чайной, неприятности...

— Найрина! — жестко прикрикнула госпожа Шилли. — Опускать руки и плакать мы будем ночью, после того как открытие состоится и все клиенты счастливые и восхищенные по домам разойдутся. А сейчас соберись! Может оно и к лучшему, что сами печь будем, и ни от кого не зависеть! А Сайк этот еще покусает локти от досады, это я тебе обещаю!

Кивнула. Придерживая подол платья, побежала наверх, в кабинет госпожи Шилли, где должны были черновики остаться — для господина Сайка я все переписала на белые листы, аккуратно, четким каллиграфическим почерком... Кто же мог знать!

Все нашла где и оставила вчера — в нижнем ящике стола. Подхватила, ринулась вниз, в пекарню. Туда, из задней комнаты дома вел закрытый коридор, потому что все повара через дом проходили строго. Подойдя к проходной комнате, торопливо вымыла руки, затем надела белый платок, белый халат, переобулась, и по выскобленным доскам прошла в пекарню.

Шуму здесь было! Пекари выходили на работу по ночи — к двенадцати обычно. Муку просеивали, опару ставили, выпекали хлеба, булки, рулеты, пирожки, и успевали все к рассвету. На рассвете горячую выпечку по лавкам развозили, а повара как раз домой шли, спать. Сейчас же госпожа Шилли вызвала большинство поваров, фактически подняв с постелей. И не удивительно, что встретили меня хмурые, недовольные лица. Все, кроме повернувшейся невысокой женщины, которая сразу широко улыбнулась и сказала:

— Доброго дня, магианна Сайрен. Вот, стало быть, могу и я вам хоть частичку вашей доброты вернуть.

Глядя не ее худенькое, приветливое лицо я могла сказать лишь одно — совершенно не помню ее. Вот глаза эти большие карие помню, только на другом, детском лице, а женщину...

— Да что ж вы переживаете, — улыбнулась она, — не помните оно и ясно, вы на меня и не глядели вовсе, все за Захари моим доглядывали, глаз с него не спускали, зато и вырвали из лап безглазой.

— Здравствуйте, госпожа Иверли, — смущенно поздоровалась я.

— Хотела спросить, как мальчик, но тут запыхавшись, вбежала госпожа Шилли и, схватив меня за руку, потянула обратно. Молча, но очень решительно. Быстро передав рецепты удивленной таким поворотом событий госпоже Иверли, я безропотно заторопилась вслед за вдовой булочника, и едва мы вышли из коридора в проходную комнату, я испуганно спросила:

— Что еще случилось?

— Ох, деточка, — госпожа Шилли стащила платок с моей головы, — мужчина там, странный очень. Тебя требует. И у него все с собой, и миндаль, и орешки южные, и специи странные, да весь запахом сдобы пропах. А тебя требует, пошли скорее.

И едва ли не волоком за собой повела. А едва мы вышли в гостиную, остановилась и меня вперед подтолкнула.

— Ага, — произнес низкий басовитый мужской голос, — стало быть, это и есть магианна.

И из кресла поднялся невысокий коренастый мужчина с бородой, большими карими глазами, пронизательно выглядывающими из под кустистых бровей и внушительным носом. И в этом мужчине все было неправильно! Вот все. Нет, с первого взгляда самый обычный, низкорослый просто, но в то же время... Для низкого человека у него был слишком длинный торс и большие руки. То есть с точки зрения целителя — он был неправильным. А так самый обычный торговец с севера, разве что одежда излишне новая... И сапоги слишком новые. И...

— Ну, — упирая руки в бока начал мужчина, — стало быть лечили вы меня когда, а теперича верну вам толику доброты вашей.

Госпожа Шилли в нервно-радостном возбуждении покивала, и на меня вопросительно посмотрела. Вот только одно но:

— Простите, уважаемый господин, но я вас не лечила, — тихо однако очень уверенно, произнесла я.

А незнакомец вдруг расстроился. У него даже плечи поникли, но спустя миг он вновь встрепенулся и выдал:

— Точно, деток вы моих лечили!

Еще раз, с искренним сомнением оглядела странного человека. Отрицательно покачала головой и еще тише ответила:

— Простите, но если бы я лечила детей с такими особенностями костной ткани, я бы непременно... запомнила.

Вот после этих слов лицо у мужчины стало обиженно-злое. После чего он топнул ногой, и вдруг выдал:

— Знаете что, врать никогда не любил, особенно за бесплатно! Не лечили вы меня, и слава Бездне. Еще чего не хватало, чтобы сопливая целительница в организме моем копошилась! Доучись сначала, кладбище наполни, а потом и суйся к почтенным гно... торговцам, вот! Пекарня где?

Потрясенная госпожа Шилли растерянно указала на проходную комнату. А мужчина, указав Сэму на мешки, сваленные у дверей, скомандовал:

— За мной неси.

И Сэм даже пошел и, подняв мешки, собрался последовать указанию, и только я осталась стоять в проходе, и на пути этого странного индивида. Ровно до его раздосадованных слов:

— Чего стоишь? И вот чего ты встала?! Вот всем честным мастерам работать надо, а она стоит, от дела отлынивает! Одним словом — аристократия. Тьфу на вас, трижды! От лорда Эллохара я, по его приказу и в дело ваше неприбыльное ввязался, ясно тебе? Уйди, кому сказал.

И я отошла. Потрясенно осознавая услышанное.

А деловитый незнакомец, за которым торопливо поспешила восторженная госпожа Шилли, уверенно двинулся к пекарне. При этом, похвалил вдову пекаря за организацию, и место для переодевания, и за чистые халаты, правда потребовал что-то чтобы бороду перевязать, раз уж тут о почтенных мастерах не позаботились, и когда он уходил по

коридору, властный басовитый голос все слышался и слышался.

Сэм, бросив на меня взгляд, поторопился следом.

А я... я так и осталась стоять, посреди гостевой, думая только о словах бородатого мужчины «От лорда Эллохара я». Значит мой странный незнакомец лорд. Действительно лорд, а я же его постоянно господином называла.

И когда Сэм вернулся, я все так же стояла, растерянно обнимая себя за плечи.

— Ну и мужик, — произнес средний Шилли, — всех поваров вмиг построил. Твои рецепты взял, сказал сделают за три часа. Специи у него с собой. Вот только...

— Только что? — переспросила я.

— Дорого это, — нехотя признался Сэм. — За один мешок ванили половину нашей чайной купить можно, а там еще много всего. Мешками. То есть у него с собой три мешка, в каждом мешочки со специями. Дорогими.

После услышанного первым моим порывом было пойти и прекратить все это. Сэм прав, он за миндаль до хрипа торговался, там цена была внушительная, а тут...

— И специи все здесь оставляет, еще тише продолжил Сэм. — Уже пересыпали, разделили, как хранить указания дал.

У меня слов не было. Деньги верну, все, обязательно, но сам поступок.

Пришла госпожа Шилли, она глубоко дышала и видно было, что находится в состоянии приятного потрясения, но едва увидев, что мы стоим:

— И чего встали? — возмутилась вдова булочника. — Найриша, Сэмик, неужто все сделано? Найри, за платьем! Сэм, коли дело такое, что тут уж справимся, все перепроверь. Все поставки!

— Да все уже на месте, мам, — успокоил он.

— Так ли все? Перепроверяйте! — госпожа Шилли была неумолима.

— Все перепроверьте!

И мы поторопились все проверить. Я торопливо сняла фартук и халат, переобулась, Сэм успел сбегать в кабинет, взять все отчеты и списки.

***

Дорога до чайной заняла немного времени, я даже перепроверить отчеты не успела, и потому, вернувшись в чайную, мы вместе с с Алехом засели за проверку. Алеху все рассказал Сэм, вкратце, после чего оба брата некоторое время на меня смотрели, а я поторопилась встать навстречу Герману с платьем. После переодевалась. Платье черное с белым воротником и манжетами, из мягкой ткани, скромное и элегантное, как раз отличный выбор для управляющей.

После пришла госпожа Арна, и еще с час ушел на мою прическу, о чем никто не предупредил, потому что модистку наняла госпожа Шилли, о чем мне ни слова не было сказано. Но еще до того, как последний локон был уложен, по чайной вдруг разнесся удивительно-вкусный аромат. Я, сидящая перед зеркалом, закрыла глаза и вдохнула, и госпожа Арна тоже втянула носом воздух, и едва я уже хотела было кликнуть кого-нибудь, чтобы спросить, как раздался уже знакомый басовитый командный голос:

— Салфетки где?

И мне как-то разом выходить из кабинета расхотелось. А странный мужчина уже вовсю поучал братьев Шилли и персонал, причем до нас доносились только его реплики:

— ... Запас должен быть! Запас! У тя клиент пришел, деньги то есть ножками, а утереться и нечем! Запас должен быть! Что значит, на такое количество не рассчитывали?

Так рассчитай! Чай не за бесплатно думки думать будешь!

— ... Семьдесят мест? Усего-то семьдесят мест? На открытие?! Ааа, где мои тапки! Кто считал?! Управляющая?! Где ваша управляющая, во имя Бездны? Аа... магианна... Не, звать не надо. Сорвусь, наору, а мне потом ноги переломают.

Я побелела. Госпожа Арна, несомненно прислушивающаяся к происходящему, но тем не менее занимающаяся моей прической, удивленно спросила:

— Что-то не так?

«Сорвусь, наору, а мне потом ноги переломают» — эта фраза заставила забыть, что такое дышать. Я и не дышала. Я с ужасом смотрела на свое отражение, а вспоминала падение Алеха... открытый перелом господина Миравара... двух юношей, приставших ко мне на дороге...

— Все хорошо, госпожа Арна, — прошептала я, решительно.

— Да куда же вы! — возмутилась модистка. — Шпильки еще...

— Сейчас вернусь, — заверила я.

И торопливо вышла в общий зал, невзирая на платок, на время работы с прической, покрывший мои плечи. И на торчащие шпильки я так же не посмотрела. Ни на что. А едва вышла, и про вопрос на мгновение забыла, потому как у стены в данный момент спешно строились два длинных узких и высоких стола.

— Стоячие места быть должны, — напутствовал бородатый мужчина работающих братьев Шилли и даже находящегося рядом на костылях Алеха. — Оно как — пришел клиент, стало быть денежки твои, а местов нет, и что делать то? Почитай ушел клиент, ушли деньги. Твои вот деньги из твоего кармана ушли. Правильно это?

Неправильно! А коли стоячие места есть — то клиент есть, постоит, чайку попьет, аппетит нагуляет, а как столик освободится, тут ты его и сажай, с аппетитом-то нагуленным, так и заказ вдвое больше будет, уж проверено. Во-о-от! Думать надо. Глазами клиента смотреть, головой клиента думы думать!

Не знаю, о чем тут можно было думать — я смотрела на цветы, которые сдвинули в сторону, на столики, которые теперь сдвигали, так как места стало меньше, а после все таки возмутилась:

— Не совсем согласна с вашей позицией, господин...

— Мелуин, — благодушно сообщили мне.

— Господин Мелуин, — поправила я.

И едва хотела продолжить, как мужчина небрежно оглянулся, смерил меня внимательным взглядом и произнес:

— То что несогласные вы, леди, это и так ясно, вам до торговли, как умертвию до рождения, в смысле не ваше это! Не ваше. А вот парни все с первого раза секут, прямо среди своих себя чувствую.

И что самое удивительное — и Герман, и Сэм и Алех ему кивнули, словно действительно все понимали. Они, не я. Я поторопилась подойти ближе, и постаралась объяснить:

— Понимаете, чайная — место спокойное. Где можно посидеть, обсудить дела за чашкой чая, поговорить, подумать...

— Угу, — перебил меня насмешливо господин Мелуин, — они будут разговоры разговаривать, а вам, стало быть, без денег сидеть?

После его слов я умолкла, потрясенно глядя на мужчину. А он, хмыкнув в бороду,

наставительно начал:

— Коли беседы беседовать, так кабинеты отдельные есть. Видел уже, маладца, хорошо придумали, леди. Да только оплату в кабинетах не за чай, а за аренду помещения брать надобно.

Алех сел, достал блокнот, внес пометку.

А я... у меня слов не было.

— За комфорт платить клиент должен, леди, клиент и только клиент, продолжал учить меня господин Мелоуин. — А вкус у вас есть, да, как-нибудь пригласил бы, в качестве декоратора. Умеете вы, чтоб элегантно да приятственно. Тут у вас, знаете ли, вампиру и то понравится.

Я вздрогнула.

— Комплимент это, леди, комплимент, не бледнейте.

Видимо я действительно вновь побледнела, едва увидела, как едва сколоченные столы покрывают темно-зеленой плотной гардиной. Которая предназначалась для отделения залы с кабинетами от общего зала.

— Вы, леди, неправильно акценты расставляете, — заметив мое возмущение, продолжил господин Мелоуин, — вот здесь место для стоячих, оно темное должно быть, неприметное, общая зала в ровных тонах, а вот кабинеты привлекать внимание должны, манить, чтобы каждый кто за столиком сидит о кабинете мечтал, думки о нем думал, деньги на него копил, за красивую жизнь, за нее, леди, народ завсегда платить готов. — Пауза, и вдруг несколько смущенное: — Я тамочки ценники у вас чуток поменял, леди. Стало быть обычный чай по одной цене, а вот авторский, тот который вы сами смешали, знатный купаж, кстати, вот он по иной цене быть должен.

— Да там же состав один! — не выдержала я.

— Состав один, — согласился господин Мелоуин, — а идея особая, авторская. Элитный чай, стало быть. От того и цена другая.

И снова все три брата Шилли радостно головой закивали. Они были с господином Мелоуином целиком и полностью согласны!

Но неожиданностью даже для них, стали следующие слова:

— А, господин уважаемый хлебных дел мастер Шилли-старший, по поводу чая я с деловым предложением к вам, что скажете?

— Уважаемый мастер-кондитер почтенный господин Мелоуин, всегда готов к диалогу, — мгновенно отозвался Алех.

Бородатый мужчина кивнул, заложил руки за спину и начал:

— Чай то посредственный, но так, в качестве эксперимента, я бы скупил... часть. Небольшую, процентов восемьдесят.

Чай посредственный?! Я молча опустила на ближайший стул, уже совершенно ничего не понимая. А Алех видимо что-то понял, потому как важно ответил:

— Чай, уважаемый мастер-кондитер почтенный господин Мелоуин, авторский, элитный, и цена у него, сами понимаете...

— Ну так, господин уважаемый хлебных дел мастер Шилли-старший, автор то у вас свой, местный, стало быть еще намешает.

— Да, — согласился Алех, — но, уважаемый мастер-кондитер почтенный господин Мелоуин, вдохновение требуется, а высшие материи у них и стоимость особая.

Молча поднявшись, я покинула приступивших к торгам мужчин. Мне на этом празднике

звонкой монеты делать было нечего. Разве что...

— Господин Мелоуин, можно вас на мгновение? — уже отойдя от них, попросила я.

— Запомните вашу мысль, господин уважаемый хлебных дел мастер Шилли-старший, приказал мужчина, развернулся и поспешил ко мне.

Причем шел он до крайности неправильно — как-то не так. Диссонанс мне, целителю, был заметен.

— И я вас очень внимательно слушаю, уважаемая леди, — произнес господин Мелоуин, подойдя.

Я же в очередной раз обратила внимание на несоответствие строения его тела и собственно походки. Учитывая, как господин двигался, у него ноги должны быть значительно короче, но... Но не об этом сейчас речь.

— Господин Мелоуин...

Я кусала губы, не зная как спросить, а пытливые черные глаза пристально смотрели на меня из-под кустистых бровей, и я все же решилась:

— Господин Мелоуин, а что вы имели ввиду, когда сказали Алеху фразу «Сорвусь, наору, а мне потом ноги переломают»?

И пытливым взгляд мгновенно перестал быть. Более того, мужчина отвел глаза несколько смущенно закашлялся и произнес:

— Так метафора, леди Сайрен.

Недоверчиво смотрю на мастера-кондитера, он прекратил смущаться и почему-то зло взглянул на меня. И вот тогда я решилась уточнить:

— То есть чисто метафорически, господин Эллохар переломает вам ноги?

Ответом мне стала широкая и даже счастливая улыбка, и мужчина переспросил:

— Ноги?! Лорд Эллохар? Ух, леди, вот насмешили! — и посмеиваясь, господин Мелоуин пояснил: — Вот кто-кто, а лорд Эллохар никогда не опустится до банального перелома ноги. — Улыбка пропала и уже хмуро, мастер-кондитер добавил: — С его-то способностями, воображением и исследовательским энтузиазмом — ноги это как-то мелочно. И хватит стоять, за работу, леди.

С этими словами господин Мелоуин ушел обратно к нетерпеливо ожидающим его братьям Шилли, которые взирали на мастера-кондитера как мы на леди Соер во время лекций — с обожанием и жадой знаний в глазах.

Мне ничего иного не оставалось, кроме как вернуться к госпоже Арне, доделывать прическу. И глядя на лежащиеся волнами завитки, я с некоторой долей грусти вспомнила приоритет, который позволяли себе магини — распущенные волосы. В среднем сословии подобные вольности не допускались, и даже коса считалась чем-то неопрятным и неприличным. Впрочем, в торговом сословии запретов и ограничений было множество и в самых разных областях, возможно именно поэтому мне все чаще не хватало той свободы, что царила в среде магов.

Осторожный стук в двери и почти сразу заглянувший Герман.

— Тебе просили передать, какая-то девушка, — младший Шилли протянул мне конверт. — И да, как ты?

— Все хорошо, — улыбнулась я, разворачивая слой необычайно плотной бумаги.

В конверте оказался прямоугольный лист черной тисненной золотом бумаги, на которой было выведено:

«Я с радостью приму ваше лестное предложение».

Вероятно, я и самой себе не смогла бы объяснить, почему после прочтения этих слов на душе вдруг стало легко и радостно. И все сложности предстоящего открытия чайной показались преодолимыми, несущественными и приятными даже. Но еще более странным стало то, что я впервые взглянула на себя в зеркало, и взглянула на прическу с точки зрения не правильности и сообразности обстановке.

— Вам очень идет, — по-своему растолковала мой взгляд госпожа Арне.

И я с запозданием осознала, что женщина увидела написанное.

— Спасибо, — неловким торопливым движением вернула послание в конверт. — Еще долго?

— Пара незначительных штрихов, — заверила меня модистка.

С нетерпением дождавшись завершения работы над прической, я поблагодарила госпожу Арне, и поторопилась вниз — дел было невпроворот, необходимо было приготовить свечи для столов, проверить всю чайную, добавить фонарей для созданной стараниями господина Мелуина зоны со стоячими местами.

И я более совершенно не была против предложений мастера-кондитера, невероятным образом мне абсолютно все начало нравится.

***

Третье королевство. Сарда.

Даррэн Эллохар.

Магистр Смерти сидел за столиком в углу, медленно делая очередной глоток восхитительного чая, который для него сделала адептка Варнаи. Сама вампирша угрюмо стояла рядом.

— Отвратительная иллюзия, — заметил директор школы Искусства Смерти следя за гномом, которого весьма коряво переделали в мужчину. — Не соотносить шаг почтенного гнома, с шагом наложенной иллюзии. Отвратительно, Варнаи.

Вампирша покраснела. В теории, вампиры относились к хладнокровным существам и краснеть были неспособны в принципе, но сейчас девушка отчетливо ощутила прилив крови к щекам. Было стыдно, весьма.

— Краснеешь — значит стыдно, — категорично заметил Эллохар. — А вот встретилось бы тебе пара целителей по циничнее, и за столь корявую иллюзию было бы не только стыдно, но и обидно до крайности.

Адептка Смерти опустила голову еще ниже. О том, что разнос только начинается, она не просто догадывалась — четко знала, будучи как и все выпускники в курсе, на счет зловредного характера магистра.

Но обидных слов более не последовало. Вампирша еще несколько минут стояла, ожидая продолжения неприятного разговора, но директор молчал. Осторожно скосив взгляд на демона, адептка поняла причину — Принц Хаоса неотрывно следил за спустившейся в зал целительницей, следуя взглядом за ее легкими шагами, и улыбаясь все шире. Ему не потребовалось долгих размышлений, чтобы прийти к вполне определенным выводам по поводу улыбки, уже не покидавшей бледное лицо магианны Сайрен, ведь в том, что послание было открыто и прочитано, магистр не сомневался — обоняние отчетливо ощущало запах керонской бумаги на тонких пальцах целительницы. Как впрочем, и то, что конверт Найрина разместила в кармане платья, то есть носила с собой.

И в сердце закрался первый лучик уже обоснованной надежды.

— Магистр, вы хотели что-то мне сказать? — надеясь на неадекватность директора,

напомнила вампирша.

— О да, — не отрывая взгляда от леди Сайрен, протянул магистр Эллохар, — хотел...

Адептка мысленно нарисовала знак удачи, надеясь что, несомненно проявивший чувства к целительнице, темный лорд сейчас не в состоянии распекать ее и далее.

Но просчиталась.

— Хотел, — задумчиво повторил принц Хаоса, — но смысла не вижу, так что, драгоценная моя, пахать тебе в драконьем питомнике, пока ты не впаришь чешуйчатым стог сена.

— Но, магистр, вы же знаете — драконы не питаются сеном! — возмущенно воскликнула девушка.

— И что? — меланхолично поинтересовался лорд Эллохар. — Я это знаю, ты это знаешь, и даже, я так думаю, драконы в курсе своих кровожадных наклонностей. Но пока, прелесть моя, ты не научишься создавать настолько достоверные иллюзии, что и сено сумеешь обратить в кусок свежего мяса, ни о каком выпуске речи быть не может.

Адептка сникла.

Темный лорд бросил на нее насмешливый взгляд, издевательски подмигнул, и вновь повернулся к порхающей по зале целительнице. Черты его лица мгновенно смягчились, глаза слегка затуманились, улыбка заиграла на тонких губах. Вампирша, уязвленная перспективой не менее года проторчать среди заносчивого племени драконов, ядовито выпалила:

— К чему все эти сложности, и так ясно чем все закончится!

— Чем же? — не отрывая взгляда от Сайрен, любопытствовал магистр.

Умом адептка Варнаи понимала, что лучше не развивать тему, но остановиться уже не могла:

— Вас, мужчин, все равно ничего кроме постели не интересует!

Эллохар улыбнулся, откинувшись на спинку стула, сделал глоток чая, и лишь после этого наставительно произнес, даже не глядя на вампиршу:

— Девочка моя, искренне жаль, что ты еще никого не любила.

Вампирша нахмурилась и даже попыталась возразить, но была остановлена жестким:

— Вот только избавь меня от подробного рассказа о своей бурной интимной жизни, поверь, я и так в курсе.

Оторопевшая девушка потрясенно выдохнула:

— Насколько в курсе?

Искоса взглянув на нее, магистр Смерти лишь многозначительно улыбнулся. А после, вновь уделив все внимание Найрине, задумчиво произнес:

— Мы темные, Хеарин, мы неутомимы в страсти, но нежность просыпается лишь в любви, и только в любви мир открывает новые грани. Попробуй, разница между страстью и любовью примерно как между троллей сивухой и изысканным эльфийским вином. По сути, опьянение ощущаешь и в первом и во втором случае, но на этом сходство и заканчивается.

Незабываемый дразнящий вкус эльфийского вина вампирша знала, и потому едва слышно поинтересовалась:

— Значит, сейчас вы наслаждаетесь вкусом любви?

— Скорее предвкушаю, — с усмешкой ответил Эллохар. — Опасаясь раньше времени открыть бутылку и сделать глоток.

Несколько минут девушка молчала, а затем спросила о том, о чем адепты в школе

Смерти только шептались:

— Потому что дважды были несчастны в любви... — она запнулась, и торопливо вернулась к аллегории, — то есть вино не оправдало ожиданий?

Улыбка магистра стала горькой, но ответил он неожиданно честно:

— Вино было превосходно, Хеарин, но я задушил на корню желание совершить хотя бы глоток.

Вампирша потрясенно выдохнула, но спросить что-либо еще уже не решилась, магистр и так был необыкновенно откровенен, не сведя в своей излюбленной манере все вопросы в нескрываемое издевательство над собеседником. Разговор был окончен, и темный лорд отчетливо продемонстрировал это, поднявшись и приказав:

— Глаз с нее не спускать.

— Да я уже поняла, — адептка тяжело вздохнула, — у девушки редкая склонность к поведению, не способствующему выживанию.

— Что есть, то есть, — невесело усмехнулся Эллохар.

Вспыхнуло синее пламя, невидимое ни единому находящемуся в чайной человеку, и только вампирша привычно погасила тепловую волну, замаскировав ее под порыв воздуха из распахнутого окна.

И в этот момент девушка ощутила магию. Близкую, человеческую. Хеарин бросила стремительный взгляд на стоящего у двери оборотня, и подняла два пальца. Ааран мгновенно наложил щиты на собственную иллюзию, вампирша прикрыла и себя и гнома, и, отступив к стене, напряженно уставилась на вход — интуиция вопила об опасности.

Оборотень ощутил угрозу на миг позже — он не обладал способностями одного из самых опасных вампирских кланов, но звериное чутье отчетливо различило запах подземелий и в том, откуда явился гость, парень уже не сомневался. В отличие от Хеарин — вампирша лишь благодаря веками отточенной интуиции клана Росхан, почувствовала опасность в невысоком пожилом человеке, небрежно остановившемся на пороге чайной. Но уже в следующее мгновение, адептка отчетливо увидела сканирующее заклятие неизвестного двадцатого уровня и мысленно возблагодарила взбалмошного директора школы Смерти, приучившего адептов мгновенно мимикрировать под окружающее пространство, а потому вошедший заметил присутствие лишь людей, одного нечистокровного гнома и собственно лишенной магии магианной Сайрен.

Но если бы вошедший был оборотнем, а не человеческим магом, он почувствовал бы запах крови, использованной вампиршей для мгновенного вызова магистра.

***

Подземелья. Западное королевство.

Резиденция шестого жреца великой Тьмы.

Золотой жрец с нежной, почти любящей улыбкой смотрел на молодого мага, с неизменным наслаждением вдыхая запах крови, в кортом совершенно отсутствовала примесь страха.

— Похвальное упорство, — растягивая слова, произнес Таэлран, — весьма похвальное.

Молодой маг мрачно сплюнул кровь, и, вскинув голову, направил полный ненависти взгляд на дроу. Но жест дался ему нелегко — попытки продолжались четвертые сутки, ввергая пленника в пучины боли разнообразной степени силы и продолжительности, и заставляя терять все больше и больше крови. Сколько он еще продержится, Ниран не знал, но отчетливо понимал главное — убивать его дроу не станет, урдена нет собственных

некромантов, а возможности обратиться в седьмое королевство великая Судьба им не предоставит — главный министр своих держит крепко, не то что... пытки продолжатся!

Парень сплюнул повторно, уже не столько от ненависти к мучителю, сколько от досады. Досады на себя, свою наивность и веру, ту безграничную веру, которую он испытывал к ордену.

— Злишься, — безошибочно догадался Золотой жрец.

Маг не ответил, у него не осталось сил что-либо говорить, но юноша был искренне рад этому. Молчать, молчать и только молчать.

— Ниран Сайрен, — растягивая слова, протянул Таэлран, поигрывая позолоченным метательным кинжалом, — жаль, искренне жаль...

Оружие сверкнуло в полете. Неприятный звук стали, вошедшей в тело, хриплый стон пленника. А затем тишина и лишь монотонный плеск срывающихся вниз капель воды. Монотонный, мерный, постоянный. Маг концентрировался на нем при каждом взрыве боли, стискивая зубы и отсчитывая количество капель. Двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять — он сумеет, он выдержит. Все выдержит.

— Одно из двух, — легкий шелест ткани свидетельствовал, что Таэлран поднялся со своего места, — либо маг говорит правду и действительно не знает, либо он лжет.

Коленопреклоненные дроу переглянулись — оба палача не могли понять — это вопрос, обращенный к ним, или очередное изречение в духе шестого. В любом случае решили промолчать — так безопаснее. Странное дело — гордые, не ведающие страха дроу трепетали от ужаса едва завидев Золотого жреца, одного из красивейших темных эльфов Западного королевства, чья красота была признана эталонной.

Эталон красоты истинных дроу меж тем медленно приблизился к прикованному юноше, когти его, царапая подбородок до крови, приподняли лицо мага, золотые глаза эльфа пристально взглянули в потемневшие от боли человеческие. Пристально, внимательно, испытующе.

«Я ничего не знаю. Все что я знаю, я сообщил ордену. Я предан истинному пути. Я верую» — снова и снова проговаривал про себя Ниран.

Маг не знал, способен ли Золотой жрец читать мысли, среди людей ходили такие слухи, но даже если и нет...

«Я ничего не знаю. Все что я знаю, я сообщил ордену. Я предан истинному пути. Я верую!»

Таэлран растянул губы в снисходительной усмешке, потрепал юношу по щеке и великодушно произнес:

— Я верю тебе, маг Сайрен. Ты доказал свою преданность ордену. Извлеки мои орудия из своего тела, вытри, отполируй каждый клинок и принеси мне не позднее этого часа. Ты прощен.

И величественный жрец покинул тюремную камеру, дав знак палачам отпустить пленника. Едва он покинул камеру из темноты слабоосвещенного коридора шагнули двое магов, оба склонились перед Золотым, ожидая распоряжений.

— Он что-то знает, — задумчиво проговорил Таэлран, рассматривая давно не мытые волосы магов с плохо скрываемой брезгливостью, но говорить не станет. Доставьте его сестру, уверен, в ее присутствии маг Сайрен станет гораздо словоохотливее.

Оба человека поклонились еще ниже, прежде чем старший задал вопрос:

— Его изолировать?

— Только следить, — отдал распоряжение Золотой жрец, покидая слуг ордена Возрождения.

***

Палачи — дроу синхронно шагнули к измученному юноше, лязгнули затворы затворы наручников и Ниран мешком повалился на пол, зарывав от боли — при падении лезвия ножей вошли глубже. Но помогать ему никто не собирался. Цепи отстегнули, факелы унесли, оставив лишь тускло горящую свечу на столе, после чего оба темных эльфа покинули камеру.

На рык мага, выдирающего из собственного тела клинки, никто не обернулся. И стоя на коленях, юноша дрожащими, обессилевшими ладонями обхватывал следующий кинжал, чтобы сцепив зубы, рвануть его рукоять.

В голове шумело, кровь струилась по искалеченному телу, клинки, один за другим, покидали тело жертвы, пока сверкающей горкой не легли на пол, возле не сдерживающего слез мага. Встать Ниран не смог — две попытки закончились болезненным падением на колени, и потому, обвернув кинжалы остатками плаща, юноша пополз в угол камеры, туда, где продолжала монотонно капать вода.

Ополоснул трясущиеся ладони, смыл кровь с клинков, а затем, не поднимаясь, тщательно отполировал каждый, чувствуя, как жизнь покидает его тело. Следовало заняться собой. Найрина, в обход всех правил касты магов, обучила его основам исцеления, и он мог, мог спасти себя. Но приказ Таэлрана был жесток, сделав первоочередной задачей уход за оружием, без возможности исцелить себя.

Время от времени Нирану казалось, что вот сейчас он упадет, потеряет сознание от голода и ран, но дрожащие пальцы сжимая ошметок ткани, упрямо натирала каждый клинок до блеска, а боль... боль маг терпел, привычно отсчитывая падающие капли воды.

Скрипнула дверь, Ниран не оглянулся, но по легким шагам мгновенно узнал Вилиан, и уже куда более угрюмо принялся полировать железо, покрытое тонким слоем золота.

— Прости, прости, пожалуйста, — девушка опустилась за его спиной, накладывая ладони, светящиеся от призванной магии, на напряженные плечи, — но так будет лучше, Ниран, так лучше. И Найри будет здесь, с нами, чтобы в едином порыве...

Ему хотелось орать на нее, заставить уйти, оскорбить, и даже ударить. Хотелось, но маг молча полировал кинжалы, не испытывая даже тени благодарности к целительнице, старательно залечивающей его раны.

— Ведь там, там война, — продолжала торопливо шептать магианна, — а здесь мы все в безопасности.

«Дура, — мрачно подумал Ниран».

Но промолчал. За последние четверо суток маг отчетливо понял — нужно молчать. Всегда молчать. Неизменно. Молчать и делать вид, что покорно внимаешь руководителям ордена, не замечая, что прославленные убеленные сединами архимаги лишь жалкие марионетки дроу, что идея о Возрождении лишь кусок сыра в искусной мышеловке, что взгляды окружающих становятся полны фанатизма после каждого глотка разносимого за вечерней трапезой вина. И Ниран молчал, молчал и делал вид, что пьет — как научил его декан Ингер, как поступали многие из старших магов. Молчать и покоряться каждому бредовому повелению. Молчать, и не вспоминать о родных, тех, кто остался в Третьем королевстве.

И все работало. Он не выделялся из толпы, а после вина, как и все с обожанием смотрел

на жрецов Тьмы, виртуозно научился лгать и притворяться, особенно когда очередной попавший в подземелье притворяющийся покорным маг осторожно сообщал, что сестра его ищет, что растратила все оставшиеся от родителей деньги на его поиски, что не останавливается... В тот вечер, когда он услышал об этом впервые, Ниран раздумал напасть с кинжалом на охранника из дроу. Он просто понял — его ждут, на его возвращение надеются, он нужен и важен.

И то глухое звериное желание убивать, что зрело в душе чрезмерно наблюдательного юноши, отступило. Он будто повзрослел в единый миг, стал осторожнее, расчетливее. Увы, в ту ночь, когда Вилиан скользнула под его одеяло, парень потерял голову. Ненадолго и не сразу, но шли ночи, и целительница становилась все роднее, именно ей он и рассказал о том, что сильные некроманты, так нужные «союзным» дроу, существуют не только в седьмом и четвертом королевствах.

О том, что проболтался напрасно понял уже утром, когда неожиданно был призван к самому Золотому жрецу.

— А знаешь, нам теперь выделяют отдельную комнату, мне лорд Таэлран лично пообещал, благодаря за содействие, и, ты знаешь, оказывается это действительно стало решением проблемы, Нир! Ведь обученные некроманты их защищают, и подобраться не повредив ауру мы не могли, но теперь...

«Ненавижу!» — едва не выдохнул парень.

И поднялся. Теперь он мог, как целительница Вилиан была превосходна, а как человек... Ниран отчетливо знал — более никогда не обнимет эту женщину. Не сможет. Предательство не прощают.

— Мне нужно идти, — глухо произнес он.

— Но раны... — попыталась возразить магианна.

— Залечу сам, — пересохшее горло саднило. — И я рад, что «ты» переселяешься в отдельную комнату.

— Нет, Ниран, мы переселяемся, — вскочив, поправила девушка.

— Ты! — отрезал маг. — Точнее «вы», магианна Далар.

И юноша, сжав клинки, направился к Золотому жрецу, отчетливо осознавая — впереди новое унижение, но выбора не было.

***

Третье королевство. Сарда.

Кондитерская «Пышечка».

Полноватый мужчина преклонных лет, время от времени потирая сухие ладони, уповательно переписывал четкие пропорции, меняя лишь названия в рецептах. Так, к примеру, «Миндальное печенье» превратилось в «Миндалек хрустящий», а «Гаренские эклеры», в «Шоколадные пышки». В том, что новый ассортимент его кондитерской придется по вкусу клиентам — господин Сайк даже не сомневался — у леди Сайрен оказался на редкость изысканный вкус, так что кондитер рассчитывал на внушительное увеличение прибыли уже с завтрашнего дня. К тому же, договор с братьями Шилли обязывал его ни в коем случае не использовать в коммерческих целях двенадцать предоставленных рецептов со следующими названиями, к примеру «Миндальное печенье». Ну так печенье и не будет, зато уже сегодня вечером кондитеры приступят к выпечке «Миндалька хрустящего», а сие ни законом, ни договором не запрещается.

Подхихикивающий кондитер не сразу обратил внимание на тихий, но настойчивый стук

в дверь, а когда среагировал, было уже поздно — высокий светловолосый мужчина распахнув створку уверенно шагнул в его кабинет.

— Эм... простите, — начал было Сайк, вороватым движением собирая листы, исписанные аккуратным женским почерком.

— Прощаю, — с поистине царственной милостью произнес мужчина, запирая дверь.

Щелкнул проворачиваемый ключ, заставляя господина Сайка почувствовать себя несколько неуютно.

— Совесть, — отходя от двери, и весьма нагло присаживаясь на край жалобно скрипнувшего стола, представился странный хорошо одетый мужчина, — исключительно ваша совесть.

А вы полагали, что меня не существует?

Безгранично удивленный торговец слабеющим голосом спросил:

— Что?!

Незнакомец растянул тонкие губы в насмешливой улыбке, затем подался ближе к сжавшемуся кондитеру, и выдохнул:

— Совесть.

— Чья? — вконец перепугался господин Сайк.

— Ваша, уважаемый, — снисходительно напомнил магистр Смерти, — исключительно ваша.

Торговец нервно икнул. В силу возраста и профессии господин Сайк в людях разбирался превосходно, и вот сейчас он отчетливо понимал — перед ним очень высокопоставленный человек. Пальцы, сжимающие листки с рецептами, нервно задрожали.

— Пппростите, — простонал старик, испуганно втягивая шею в плечи.

Эллохар усмехнулся, и язвительно поинтересовался:

— Это все, что вы желаете сообщить собственной совести?

Господин Сайк вздрогнул, затем потянулся в верхний ящик стола, где для вот таких вот ситуаций всегда имелось несколько кошель с золотом, но едва раздался чуть металлический звук, магистр улыбнулся, почти кровожадно и спросил:

— Уважаемый, я кто?

— Ссовесть, — прошептал господин Сайк.

— Правильно, — подтвердил темный лорд. — А совесть она что? Моргнув, торговец прошептал:

— Дорого стоит.

Чуть нахмурившись, Эллохар задумчиво произнес:

Интересная логика.

И одного этого Сайку хватило, чтобы осознать — подкупить не получится. Никак. Старый торговец растерянно взглянул в сторону запертой двери, после на свою... совесть. Совесть широко улыбнулась, продемонстрировав неожиданно появившиеся внушительные клыки...

В следующий миг на столе кондитера вспыхнули листы бумаги, все, какие там были, но Сайк даже не пошевелился, в ужасе глядя на лицо монстра, еще более ужасающее в свете всполохов огня.

— Страшно? — любопытствовал магистр.

— Дда, — едва слышно выдохнул торговец.

Клыки моментально исчезли, улыбка мужчины вновь стала иронично-насмешливой, а

голос обманчиво мягким с поучительными нотками:

— Совесть не продается, уважаемый.

Листы бумаги догорели, оставив черные ошметки сажи на столе, и темный лорд уже собирался продолжить воспитательную беседу, как его настиг вызов вампириши:

«Магистр, здесь человеческий маг полный силы. При появлении был использован портал. Излишне бледная кожа и потускневшие волосы свидетельствуют о длительном пребывании вдали от солнечных лучей. Применил сканирующее заклинание не ниже двадцатого уровня, значит — архимаг. Его взгляд следует за магианной Сайрен, давая основания предположить, что именно она является целью его прибытия. Ваши приказания?»

Первым приказом, который собирался отдать Эллохар было — ждать.

Но секундное размышление, взгляд на остолбеневшего господина Сайка и адептка услышала иное:

«Найрина его видит?».

Спустя несколько мгновений пришел ответ от оборотня:

«Нет, магистр. В данный момент маг прикрывается иллюзией».

Кивнув собственным мыслям — темный лорд отдал приказ вампирише:

«Хсарин, прикрой его иллюзией. Максимально качественной, чтобы его и дальше никто не видел и не слышал. Свое присутствие не обнаруживать».

«Вас поняла!» — мгновенно отрапортовала адептка.

Магистр Смерти взглянул на торговца, виновато развел руками и пояснил:

— Повезло, на сегодня мучительная смерть откладывается. Но я обязательно зайду в следующий раз, я же совесть.

Вспыхнуло синее пламя.

Глядя вслед фигуре, вошедшей в нестерпимо яркий огонь, торговец сотворил знак защиты... и еще один. И еще.

В том, что он более никогда не совершит ничего, что могло бы потревожить его совесть, Сайк был решительно уверен.

***

Третье королевство.

Сарда.

Ислан Габор стоял на пороге изысканно-элегантной чайной, пристально разглядывая свою добычу — Найрина Сайрен, маг-целитель лишенный силы.

Год назад, при отборе магов для ордена, взгляд его не задержался на магианне, и Габор избрал иных из группы, курируемой деканом Соер. Взял лишь троих, зная, что воспитанники несговорчивой магини отличаются гораздо более независимым мышлением, нежели иные адепты. И был прав — из троих отобранных преданным последователем не стал никто. Двое сбежали, третий гнил в застенках жрецов Тьмы. Это стало уроком для ордена, и более воспитанники Соер никогда не привлекались к работе. До этого дня.

Сегодня Габор собирался нарушить им же введенное правило, и пристально следил за магом, найти которого удалось с трудом. Помогла адептка Вилиан, сообщившая, что у Нирана Сайрена имеется личная вещь его сестры. Поисковое заклинание было запущено накануне, но точное местоположение девушки выяснилось лишь час назад. Сильные эмоции поколебали ауру, позволяя заклинанию четко наложиться поверх. И вот он, один из сильнейших архимагов Третьего королевства здесь, вглядывается в безмятежно улыбающуюся магиню, подбирая правильные слова для начала беседы. Габор знал — первые

слова важнее всего разговора, и потому он начнет с новостей о Ниране Сайрене, которого девушка так безуспешно разыскивала, неоднократно посещая и кабинет самого архимага. Он испытал нечто сродни мрачному удовлетворению, глядя, как с трудом сдерживает слезы одна из самых лучших учениц Соер. Что ж, тогда он фактически мстил декану целительского факультета, сейчас же ему нужна была сама Найрина Сайрен. Причем, желательно как преданный последователь.

И архимаг сняв иллюзию, уверенно шагнул в чайную. Шаг его был решителен, спина прямая, взгляд сочувствующий, улыбка открытая и дружелюбная он шел покорять очередное юное пламенное сердце, он собирался внушать идеи о свободе магов и высоких идеалах, в которые так наивно верит молодежь, и у него был острый крючок — информация о Ниране. Так что в успехе маг не сомневался, и величественно подойдя к девушке, полностью игнорируя при этом остальных имеющих в чайной, произнес:

— Рад видеть вас в добром здравии, магианна Сайрен!

Магианна, удивительно хрупкая в темном обтянувшем стан платье, вблизи показалась Габору поразительно прекрасной — такая юная, светлая, чистая, и эта нежная радостная улыбка на ее губах, и блеск каре-зеленых глаз, ныне с таинственным зеленоватым отблеском, и светлые, искусно уложенные волосы... Залюбовавшись девушкой, архимаг не сразу разобрал ее слова:

— Алех, я полагаю, что цветов должно быть больше. — Она обернулась к крепкому молодому торговцу, опиравшемуся на костыль, и добавила: — Все же открытие, это практически праздник.

Потрясенный тем, что ни на него, ни на его слова Найрина Сайрен не обратила ни малейшего внимания, архимаг вскинул подбородок, и хмуро глядя на зарвавшуюся адептку, величественно сказал:

— Магианна Сайрен, с каких пор вы позволяете себе...

— Герман, нет! — перебила его девушка. — Расположи справа от двери, влево посетители будут поворачивать к столикам.

— И стоячим местам, — ворчливо добавил странного вида приземистый мужчина, сидевший за одним из столиков и что-то торопливо пишущий. — Не забывают, леди, о стоячих местах.

Веселый смех, серебряными колокольчиками прозвеневший в чайной, и следом веселый ответ магианны:

— Как же я могу забыть о них, уважаемый мастер-кондитер господин Мелуин! — девушка улыбнулась. — Видите ли, занавеси, пошедшие на эти столы в качестве скатерти, я сшивала самостоятельно, так что забыть не получится, при всем моем желании.

Бородатый мужчина поднял голову, взглянул на магианну Сайрен, усмехнулся, и весело подмигнув, произнес:

— Так-то оно так, леди, да только опосля меня ваши компаньоны не раз добрым словом вспомнят, уж поверьте.

Разговор показался архимагу странным, как и мысль, что магианна может шить, но все это не имело никакого значения в сравнении с тем, что его, великого Ислан Габора нагло игнорировали! Взбешенный этим, маг применил заклятие извещения, усилившее его голос в десятки раз, и прорычал:

— Адептка Сайрен!

Никто не вздрогнул.

Не загудели окна, не затряслась посуда, не повернулся ни один из присутствующих. А наглая девчонка, вновь рассмеявшись, ответила бородатому:

— Я вам верю, господин Мелоуин, заметьте, мы все признали ваш опыт и покорно следуем всем указаниям.

— То-то же, — проворчал торговец. — Так поспешайте же, поспешайте, нечего разговоры-разговаривать, дел еще полно. Ценники то все поменяны, а?

— О, — девушка прижала ладони к груди, — о... Благодарю за напоминание, господин Мелоуин.

И совершенно не обращая внимания на застывшего мага, леди Найрина Сайрен торопливой летящей походкой устремилась куда-то вглубь чайной, даже не оборачиваясь. Терпение архимага лопнуло!

Мгновенно призвав силу, Габор сплел заклинание Харанской Боли, вскинул ладони и...

— И вот будьте столь любезны, милейший, пролить свет на свои дальнейшие намерения? — насмешливым глубоким голосом произнес кто-то за его спиной. — Любопытно, знаете ли.

Маг замер. Неожиданно пришло понимание того, что леди Найрина Сайрен слишком воспитана, чтобы проигнорировать кого бы то ни было, да и окружающие вряд ли обделили бы вниманием столь одиозную фигуру, как архимаг Габор. А значит, они его не видели и не слышали. Действительно не заметили. Никто. Кроме обладателя нахального голоса, посмеявшегося заговорить столь неуважительно.

«Ты сейчас сдохнешь!» — принял решение архимаг и стремительно развернулся.

Чтобы задохнуться от ужаса в то же мгновение, едва заглянув в мерцающие синим пламенем глаза смерти.

Магистра Смерти.

Чтобы осознать — все кончено.

Демон насмешливо улыбнулся стремительно бледнеющему архимагу и иронично-издевательски поздоровался:

— Темных и ужасающих, милейший.

Вспыхнувшего синего пламени Габор уже не увидел — он был напуган настолько, что замерев от ужаса, смотрел лишь в серые глаза наследника Хаоса.

***

Темная Империя.

Ксарах. Школа Искусства Смерти.

— За время вашего отсутствия произошло двадцать четыре стычки между адептами, шесть срывов лекций, два нарушения на полигонах, одни неуставные отношения, — бодро сообщил Тараг, явившемуся господину.

Магистр Смерти едва заметно скривился, анализируя информацию и старательно игнорируя начавшего подвывать от ужаса архимага, тяжело вздохнул и выдал вердикт:

— Скучно.

— Так вы пить бросили, вот все и притихли, — развел хвостом Тараг, встретивший магистра в облике синего призрачного змея.

Понимающе кивнув, Эллохар поинтересовался:

— Неуставные отношения чьи?

Возрожденный дух развернул призрачный экран, на котором отразилось, как маленькая гномочка с веселыми кудряшками чинно отсчитывает деньги, пока адепт троллей

национальности, выписывает долговую расписку.

— Пресечь? — спросил Тараг.

Магистр Смерти задумчиво улыбнулся и отрицательно покачал головой, после чего отдал приказ:

— Фиксируй суммы и должников, уроком будет и им, и этой мелкопакостной ростовщичке.

Синий змей кивнул, после чего спросил, указывая на трясущегося архимага:

— Новый учебный материал?

— Не совсем, — Эллохар ухватил пытающегося упасть мага за шиворот и потребовал: — Соер ко мне.

После чего директор школы Смерти поволок потрясенного Габора в собственный кабинет.

Войдя, темный лорд швырнул трясущегося человека в ближайшее кресло, и сел за стол, молниеносно приступив к изучению документов, сложенных стопкой на краю столешницы. Читал магистр быстро, но неизменно крайне внимательно, и потому завизирована была лишь часть предоставленных бумаг, те, что лорд Эллохар счел несоответствующими, ложились в стопку на другой край стола.

Открылась дверь. Стройная дриада Сумрачного леса вплыла в кабинет директора, бросила быстрый взгляд на трясущегося архимага, чарующе улыбнулась мужчине и спросила:

— Чай, вино, аперитив, сливовицу?

Ислан Габор ощутил! как нервная дрожь отступает, и не смотря на излишне бледную кожу явно кровососущей дриады, невольно почувствовал расположение к девушке, и даже уже собирался было ответить, как магистр Эллохар, не отрывая взгляда от бумаг, произнес:

— Айшарин, радость моя, это не гость.

Сердце архимага замерло.

Девушка же улыбнулась теперь куда шире, продемонстрировав острые клыки, и повернулась к темному лорду, ожидая распоряжений.

Распоряжений не последовало, имелись вопросы:

— Это что? — магистр Смерти указал на белоснежную, перевитую зеленой лентой папку.

— План постройки ведической школы, — пропела дриада. — Василена Владимировна лично доставила.

Темный вскинул голову, с некоторым удивлением взглянул на секретаря и прямо спросил:

— Где она?

Айшарин молча указала на дверь.

— Зови, — последовал краткий приказ, затем резкий взмах руки.

И кресло, в котором сидел Габор, отшвырнуло к стене, после архимаг ощутил, как его по ногам и рукам сковывает заклинание, а затем исчезла четкость очертаний кабинета и самого демона, накрывая человека пеленой иллюзии.

Магистр Смерти не стал терять время на ожидание Верховной ведьмы, и вновь вернулся к изучению документации. Проще всего было собственно со школой, и все темно-синие листы просматривались им стремительно и быстро, но в стопке текущей документации располагались и черные тесненные красными сверкающими символами листы от

управляющих демонов подвластного ДарНахеса, и вот с ними требовалось быть крайне осторожным и внимательным. Куда как более внимательным, чего стоило прошение от лорда Хашрага:

«О великий и могучий властитель Смерти, кошмарнейшего вам неба, господин мой»

И мелким почерком: «Памятуя о нелюбви вашей к пиетету, пропускаю все ваши семнадцать титулов».

Далее вновь витиеватыми символами Хаоса:

«Коленопреклоненно молю тебя, о наследник миров Ада, снизить до просьбы моей низжайшей и позволить заселить мельчайший из клочков твоего великого домена, что расположен в низовьешке устья реки Крови».

Лорд Эллохар мысленно окинул взглядом подвластный домен, вспомнил собственно устье полноводной реки Крови, протяженностью не менее двенадцати дней пешего пути, оценил наглость главы клана низших демонов, и с самой милой улыбкой поверх прошения написал резолюцию: «Выделить лорду Хашрагу устье реки Кары для немедленного и полноценного заселения. Приду, проверю».

И позвал:

— Айшарин.

Дриада поспешно вплыла в кабинет.

— Отправь немедленно, — магистр протянул прошение.

Бегло просмотрев его, девушка приоткрыла рот, закрыла, с сомнением посмотрела на директора и осторожно спросила:

— Кара, это та самая мелкая речушка, что протекает по ядовитым землям на границе вашего домена?

Ответив ей самой что ни на есть коварной улыбкой, лорд Эллохар поднялся, приветствуя входящую в его кабинет ведьму.

Василена Владимировна вступила в пору рассвета женской красоты — чуть округлившиеся контуры тела, сияющие материнским теплом глаза, добрая, спокойная улыбка, плавные движения. Магистр не скрывал искреннего восхищения, улыбнувшись женщине.

— Доброго дня, лорд Эллохар, — певучим приятным голосом произнесла Василена.

— Доброго, — ответил демон, указывая на диван у окна. — Очень рад тебя видеть.

Айшарин подавила привычное желание широко, во все сорок два клыка, улыбнуться, отлично зная нетерпимость Эллохара в присутствии его любимой ведьмы, и лишь осведомилась:

— Чай, вино?

— Василене вино нельзя, — холодно напомнил Эллохар, обходя стол и не забыв при этом прихватить папку, — лучше сок.

— И уже обращаясь к верховной: — Яблочный?

Женщина кивнула, присаживаясь на край дивана и удивляясь собственной странной настороженности — ведьма отчетливо ощущала чье-то постороннее присутствие.

— Магистр, — васильковые глаза испуганно взглянули на лорда, — в вашем кабинете есть еще кто-то?

Айшарин, не умевшая врать, как ни старалась постичь эту тонкую науку, стремительно вышла, принц Хаоса лгать умел виртуозно, и потому, улыбнувшись настороженной ведьме, весело ответил:

— Дипломный проект Влада.

О том, что вампир приходится родным племянником магистру Василина знала, так что не удивилась присутствию учебного материала в директорском кабинете, и перешла к вопросам:

— Как вы себя чувствуете?

Эллохар улыбнулся шире, пристально глядя на ведьму. Верховная смутилась, осознав что вопрос, учитывая недавний идейный запой темного лорда, прозвучал не слишком тактично.

— Простите, — окончательно смутившись, произнесла женщина.

— У Риш язык всегда был излишне... длинным, — заметил Эллохар.

— Благодать Никаноровна о вас беспокоилась, — парировала Василина.

— Чрезмерное беспокойство типично для родных сестер, — темный лорд сел удобнее, и теперь постукивал длинными пальцами по папке. — Как дети, муж?

Василина пожала плечами, затем неожиданно для самой себя призналась:

— Что-то нехорошее происходит.

Эллохар прекратил улыбаться и теперь смотрел внимательно, без тени насмешки, позволяя ведьме выговориться. А говорить ей было практически не о чем. Женщина нервно разгладила складки на платье, затем пальцы сжались, сминая ткань, но слов не было.

— Ты что-то чувствуешь, но не можешь понять что именно, — догадался демон.

Ведьма кивнула.

— Как давно началось? — задал вопрос магистр.

— Девять дней назад, — прошептала Василина, удивляясь тому, что своему бывшему учителю рассказывает то, что не смогла сказать даже любимому мужу.

А потому она замолчала, пытаясь взять себя в руки и сдержаться.

— Сдается мне, ты опять ждешь ребенка, — неожиданно произнес Эллохар.

Василина вскинула голову, возмущенно взглянув на него и только увидев хитрую улыбку магистра, поняла, что над ней тонко подшутили. По-доброму, и исключительно для того, чтобы успокоилась.

— Иди сюда, — позвал демон, похлопав по дивану рядом с собой, и едва Василина придвинулась, осторожно обнял за плечи, наклонился, и прошептал: — Девять дней назад идущие путем Ненависти приступили к активным действиям и совершили первое убийство. — Женщина вздрогнула, но демон, обняв крепче, так же шепотом продолжил: — Ты очень сильная ведьма, Василина, сильнейшая из всех кого я встречал, но, прелесть моя с васильковыми газами, откуда столько неуверенности в себе, а?

Тяжелый вздох был ему ответом.

— Василина-Василина, — он осторожно погладил ее по щеке, — если ты что-то почувствовала, значит оно, нехорошее, есть. Ты ведьма,

ты что-то почувствовала, значит оно, нехорошее, есть. Ты ведьма, ты Верховная ведьма, ты должна доверять себе.

И он отпустил успокоившуюся женщину, вновь откинувшись на спинку дивана и иронично-покровительственно глядя на вконец смутившуюся Василину. Ведьма недолго смущалась, слова о том, что она все-таки Верховная заставили вспомнить об ответственности и о статусе. И Василина Владимировна села ровнее, вскинула подбородок и уже увереннее начала задавать вопросы:

— Что это за идущие путем Ненависти? Насколько это опасно для нас? Для седьмого

королевства?

Улыбка демона стала чуть шире.

— Не опасно, — догадалась Василина.

Эллохар кивнул.

— Почему же тогда я почувствовала? — на последнем слове ее голос дрогнул.

— Ты ведьма, — протянул магистр Смерти, — ты ощущаешь изменения в силовом поле, а идущие сейчас разворачивают спираль силы, начиная подготовку к ритуалу пробуждения Тьмы.

Верховная удивленно посмотрела на него, но отвечать подробно Эллохар не стал, лишь пояснил:

— Ни шанса, Василина. Они затронули личные интересы Тьера, и, Соответственно, мои.

— Да, вы своих учеников не бросаете, — улыбнулась ведьма.

Темный лорд кивнул.

Он казался мудрым, спокойным, уверенным в себе и совершенно расслабленным. Лгать и притворяться Эллохар умел виртуозно и ведьма совершенно успокоилась, потому что была человеком. А люди не способны ощутить ярость высших демонов, как не способны почувствовать ее те, кто был рожден вне Хаоса.

И потому многие преподаватели в школе Смерти были крайне удивлены тем, что в этот миг вдруг тихо зарычали адепты двух младших групп боевого факультета, пропустили удар шайгены из средней, замерли низшие демоны, оскалили клыки оборотни, уронила пересчитываемые деньги адептка Ликаси. И возможно, Василину насторожил бы звук разбившейся посуды, выпавшей из вмиг ослабевших пальцев Айшарин, но Тараг среагировал мгновенно, и подхватил поднос.

Так что когда спустя мгновение улыбающаяся сумеречная дриада вошла в кабинет директора, Эллохар лишь весело подмигнул секретарю, вынуждая бледную Айшарин улыбаться.

Не более пятнадцати минут магистр потратил на обсуждение проекта постройки филиала Ведической школы, после чего, сославшись на дела, проводил Василину. И лишь когда Верховная покинула территорию школы Смерти, запах крови наполнил кабинет магистра и вдаль понеслись слова:

«Дело дрянь, Риан».

Магистр Темного Искусства отозвался спустя несколько секунд: «Откуда информация?».

«У меня только что была Василина».

«Бездна! — взбешенный рык поколебал связь. — В прошлый раз ведьмы изменений не ощущали».

«О чем и речь, — глухо отозвался Эллохар. — Мы что-то упустили. Что-то значимое».

В кабинет осторожно постучали.

Прервав связь магистр Смерти приказал войти и едва высокая худощавая магианна Соер шагнула в кабинет, рывком снял иллюзию со скованного заклятием архимага. Целительница замерла, потрясенно глядя на посеревшего от ужаса Габора.

Но не закричала, не выронила папку, которую сжимали пальцы с коротко обрезанными ногтями, не стала задавать вопросы. Решительно подойдя к сидящему за столом директору школы Искусства Смерти, протянула ему папку с надписью «Полекционный план».

И более ни единого взгляда на мага.

— Знаете, — задумчиво подперев подбородок соединенными пальцами, произнес Эллохар, — я все больше вами восхищаюсь, магианна Соер.

Женщина удивленно вскинула бровь.

— Шикарная выдержка, — улыбнулся демон.

Леди невольно ответила грустной улыбкой, затем подавила порыв задать вопрос и... вновь выжидающе посмотрела на магистра.

— Вы ведь его знаете, не так ли? — прямо спросил Эллохар.

Соер кивнула. Затем глухо произнесла:

— Когда ваш возрожденный дух сказал, что нас убивали задолго до появления темных лордов в королевстве, мои смутные подозрения в отношении архимага Габора утвердились. Выводы... неутешительны. Если отдадите старшему курсу на опыты — с удовольствием поприсутствую.

Темный лорд перевел задумчивый взгляд на мага и протянул:

— Архимаг Габор... Хм. Значит Третье королевство?

Магианна, удивленная тем, что темный не знал имени плененного, кивнула, затем добавила:

— Заместитель ректора магической академии. Куратор выездных практик.

Пауза и затем с трудом Соер произнесла:

— За неделю до вторжения Темных я, декан Охан, и профессор Дакастар написали докладную на имя ректора, выразив

обеспокоенность тем, что два выпускных курса в течение полугола находились на практике, в то время как в учебном плане на данный вид обучения выделено всего две недели.

Медленно, очень медленно лорд Эллохар повернул голову в сторону скованного мага. И Ислан Габор неожиданно осознал — сейчас его будут убивать. Максимально жестоко. Осознала это и Соер, но вместо сочувствия, ощутила искренне восхищение демоном, которого взбесил факт возможной гибели адептов.

— Вы свободны, — глухо произнес Эллохар. — Полекционные планы я просмотрю позднее, уже утром Тараг вернет их вам.

Леди, чуть склонив голову, торопливо вышла из директорского кабинета.

Почему-то Соер казалось, что в светлом помещении неожиданно пахнет кровью.

Слов магистра «Тьер, ко мне немедленно», она уже не слышала.

Как и полного ужаса воя архимага. Впрочем, этот крик не услышал никто — Тараг позаботился.

***

Магистры сидели молча в полумраке кабинета директора школы Искусства Смерти. Эллохар пил излюбленное белое вино прямо из бутылки, Тьер медленно потягивал глоток за глотком терпкого красного из высокого бокала. Говорить не хотелось ни одному.

На полу, скорчившись от невыносимой боли, умирал архимаг Ислан Габор, время от времени сотрясаясь в судорогах и выхаркивая сгустки крови — Рука Смерти, примененная в полной мере, оставляет мало шансов на выживание. Темные спокойно рзирали на предсмертные муки. С убийственным спокойствием.

— Столько детей, — с яростью прорычал Даррэн, вновь запрокидывая бутылку.

— Они не дети, — лорд Тьер тоже сделал глоток.

— Дети, Риан, просто дети, — магистр Смерти разжал пальцы, и пустая бутылка упала

на пол. — Двадцать-двадцать пять, даже не выпускники, наивные, свято доверяющие своим преподавателям... Да дети они, Риан, по всем параметрам — дети!

Магистр Темного Искусства спорить не стал — не видел смысла. За прошедшие четыре часа перед их глазами развернулись события, жестокость которых поражала.

— Гнилое королевство, — тихо произнес Тьер.

Кивнув, Эллохар крикнул:

— Айшарин!

Дверь открылась почти мгновенно и сумеречная дриада вплыла в кабинет, держа в руках поднос с вином. Не глядя на гибнущего архимага, поднесла новую бутылку директору, долила в бокал магистра Темного Искусства, и так же беззвучно вышла.

Тараг, решив, что уже можно, высунул светящуюся призрачную голову синего змея из пола, и прошипел:

— Господинсссс, вы собиралисссс...

Большого возрожденный дух говорить не стал, и Тьер мгновенно осознал, что от него что-то скрывают. Искоса взглянул на Эллохара, магистр Смерти хранил самое невозмутимое выражение.

— Есть что-то, о чем я должен знать? — поинтересовался Риан.

— Нет, — последовал совершенно спокойный ответ.

— Личное? — не скрывая ироничную улыбку, задал следующий вопрос Тьер.

— Скажем так, — Эллохар криво усмехнулся, — соваться не советую.

— Личное, — мгновенно определил магистр Темного Искусства.

И тема была закрыта.

Почти.

— Я рад, что ты нашел... замену, — проговорил Тьер.

Магистр Смерти медленно сделал глоток вина, перевел взгляд с друга на гибнущего мага. Затем отставил бутылку, несколько секунд барабанил черными когтями по подлокотнику, после чего резко встал и направился к сотрясающемуся в агонии Габору. И к удивлению темного лорда, опустившись на колени, принялся лечить.

— Сентиментальность? — поинтересовался Риан.

— Расчетливость, — парировал Эллохар. — Двух демонов-метаморфов мне вернешь. Так сказать, на замену.

— Когда?

— Сейчас.

***

Ислан Габор медленно открыл глаза. Чудовищная боль отступила, но ощущение чего-то плохого и уже свершившегося, не отпускало архимага. А едва мужчина смог сфокусировать взгляд на маячившем перед ним темном силуэте, он испытал чувство дикого сожаления, что это была не смерть.

Перед ним на корточках сидел демон!

Из низших обитателей Хаоса. Невысокий, с темно-зеленой чешуйчатой кожей, огромными змеиными глазами, раздвоенным черным языком, то и дело мелькавшим в приоткрытой пасти, и внушительными когтями, на трех из которых Габор разглядел желтые капельки яда — меняющий!

Хрип вырвался из саднившего после пытки горла, маг попытался отшатнуться и застыл, едва на лице демона начала медленно растягиваться улыбка — человеческая! Совершенно

человеческая улыбка, но архимаг испугался не этого — улыбка принадлежала ему! Ему, Ислану Габору! Свои так тщательно лелеемые зубы он узнал мгновенно!

Сердце стареющего мага замерло, а затем отчаянно забилось, вынуждая Габора захрипеть, глядя на то, как начинает меняться демон, полностью перенимая облик человека! Как по зеленой чешуе пробегает сверкающая кромка и ровным слоем ложится человеческая кожа, как хрустят кости, меняя скелет. Как поднимается обнаженный человеческий маг, с презрительной усмешкой глядя на свой оригинал.

— Копируй все, — раздался меланхоличный приказ.

— Да? — удивился демон клана Аклора. И напомнил: — Он же не переживет этого.

— Да? — издевательски спародировал его тон магистр Эллохар. — Что, правда? Серьезно-серьезно? — и уже без тени усмешки: — Приступай.

Ихар плотоядно оскалился — дарай даровал ему истинное удовольствие. Удовольствие, за которое демон был готов отдать сотни лет жизни. И вновь присев на корточки, аклора с предвкушением потянулся к архимагу, собираясь выпить его личность.

***

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ликаси Ойoko вошла в кабинет секретаря директора школы и остановилась, глядя на чрезмерно бледную Айшарин, которая сидела, широко распахнув глаза, и едва дышала.

— Да ладно, — гномочка мило улыбнулась, — было бы чего переживать, на следующей неделе отдашь.

Дриада сумеречного леса вздрогнула, повернулась к адептке и выдохнула:

— Что?

— А, ты же не в должниках, точно, — стукнула себя по лбу малышка.

— А чего тогда притворяешься?

И побелела сама, впитывая энергию близкой мучительной смерти сильного мага. Очень сильного! Очень мучительную смерть. Медленную! Заставляющую энергию жизни не хлынуть вверх могучим потоком, а растекаться ручейками боли...

Кровь пожирателей проснулась мгновенно, глаза покраснели, уши заострились, когти выступили из-под розовых коротко стриженных ногтей. Из груди раздалось тихое утробное рычание.

— Ой-ой, напугала, — издевательским шепотом произнесла Айшарин.

Ликаси вздрогнула, взглянула на свои ладони и мгновенно втянула когти. Затем невинно поинтересовалась:

— А что здесь происходит?

Нервно передернув плечами, Айшарин не ответила.

— Кого-то убивают, — догадалась гномочка, — кого-то сильного.

— Он умирает сам, — почему-то сообщила дриада.

Впрочем, секретарь уже давно заметила, что адептка Ойoko умеет вызвать на откровенность.

— Правда? — испуганным шепотом переспросила Ликаси. — А магистр, он ему не поможет?

— Не поможет, — дриада тяжело вздохнула, — видимо не тот случай, когда магистр Эллохар готов проявлять милосердие.

— Значит, маг совершил что-то ужасное, — догадалась Ликаси.

— Приходила зачем? — сменила тему разговора Айшарин.

Девочка молча протянула послание. Дриада вопросительно взглянула, и получила разрешение:

— Читай уже, — Ликаси тяжело вздохнула.

Развернув послание, секретарь с изумлением увидела список имен, и в самом низу сообщение от лорда Микхара «С женихом нужно определиться в самое ближайшее время». Прочла трижды, взглянула на расстроенную гномочку, и тихо спросила:

— Хочешь, чтобы лорд директор вмешался?

— Нет-нет! — оживилась девочка. — Хочу, чтобы не вмешивался.

И на миленьком личике появилась самая что ни на есть гномья ухмылочка. Айшарин понятно улыбнулась, а затем все так же тихо сказала:

— Магистр не будет против.

— Правда? — оживилась Ликаси.

— Вероятнее всего — да. Но оставь послание, как только магистр освободится, я получу точный ответ.

Ликаси кивнула, церемонно поклонилась и выбежала из секретарской. В тот же миг из стены показалась голова призрачного синего змея.

— Мне уже жаль Микхара, — задумчиво произнес Тараг.

Айшарин не ответила, ощущая последнюю волну жизни. Возрожденный дух тоже ощутил, прикрыв глаза он совершил призрачный вдох, словно тоже хотел подпитаться силой, а затем прошептал:

— Ты чувствуешь?

— Что? — спросила дриада.

— Изменения, — Тараг взглянул на нее светящимися провалами глаз, — что-то меняется. Ощущение, словно просыпаются забытые боги.

Секретарь промолчала.

— Что если вернется Хаос, Тьма, Смерть? Что если...

Остаточная энергия смерти разлилась по территории. Айшарин вздрогнула, Тараг впитал все, что находилось в пределах его досягаемости, облизнулся, и, прикрыв глаза от удовольствия, прошептал:

— Вкусно.

Фыркнув, дриада произнесла:

— Спустись в седьмую лабораторию, там всегда «вкусно».

— Нет, не так, — все еще с полужакрытыми глазами ответил возрожденный дух, — адепты не позволяют никому гибнуть в мучениях. Ммм, какое послевкусие, как воспоминание о прежних временах.

— Когда был жив? — уточнила Айшарин.

— Когда был свободен, — вздохнул Тараг.

Секретарь и дух переглянулись, дриада улыбнулась, возрожденный насупился и уже обижено:

— Нет, не говори ему, не хочу обратно.

— Так на свободу же, — съязвила Айшарин.

— Там одиночество, здесь — семья. Я не хочу обратно во Мрак. Понятливо кивнув, дриада вернулась за стол, и попросила:

— Сообщи, когда магистр Тьер покинет территорию школы.

— Есть разговор к господину? — заинтересовался Тараг.

— Магистр покровительствует Ликаси, нужно предупредить его о новом маневре пожирателя.

— Магистр покровительствует всем адептам, — усмехнулся возрожденный.

— Да, — не стала спорить Айшарин, — но только Ликаси без покровительства наследника Хаоса погибнет.

Удивленный взгляд духа, секретарь проигнорировала. Но когда взгляд стал вопрошающим, раздражено пояснила:

— Клан лорда Микхара из Бездны, Тараг, думаешь почему пожиратели Хаоса столь старательно уничтожали их? Микхар чужой в Хаосе. Был бы он своим, у него был бы куда более широкий выбор наследников, нежели гномья полукровка.

— Так значит Ликаси по крови из Бездны?

Передернув плечами, Айшарин не ответила.

***

Ислан Габор не скрывая презрения, смотрел на двух темных лордов. Светловолосый потягивал белое вино, второй, чьи глаза словно вмещали тьму, крутил в пальцах бокал с красным, и оба внимательно следили за ним, одним из величайших архимагов Третьего королевства.

— Зачем вам понадобилась девушка? — холодно поинтересовался магистр Смерти.

— Ее брат не отличается сговорчивостью, — фыркнул Габор. — Три дня пыток и ничего, пацан на редкость стоек. Но, едва великий Золотой жрец займется его сестричкой, мальчишка выдаст нам все!

Темные переглянулись.

— Идеально, — произнес Тьер, — он скопировал абсолютно все — воспоминания, манеры, образ мышления — абсолютно все.

— Аклора — лучшие в деле имитации.

Демон, принявший облик Ислана Габора величественно кивнул, но с сожалением произнес:

— Вашу смерть провести не удалось.

— Это же я, — с усмешкой произнес Эллохар.

— Смерть? — переспросил Тьер.

— Одна из легенд Хаоса, — отмахнулся магистр Смерти.

Риан несколько мгновений смотрел на прежнего учителя, затем напряжено кивнул.

— Расслабься, серьезно, — посоветовал Эллохар.

Затем повернулся к Ислану Габору — настоящему. Закрыв глаза, вдохнул — в скрючившемся теле больше не было жизни. Никакой. Даже мозг прекратил излучать что-либо, погасла и аура. Ничего.

— Правильно выпил, — похвалил принц Хаоса демона, — абсолютно.

— Вы доставили мне редкое удовольствие, — оскалился демон.

Легкий кивок и магистр Смерти начал отдавать приказания:

— Вызов на крови — адептка Хеарин, скопируешь ауру магианны Сайрен, осторожно скопируешь, безболезненно! Затем передашь слепок Тахиру и вместе вернетесь в подземелья дроу.

— Поведение? — уточнил демон.

— Соответственное высосанному объекту.

— Связь? — последовал следующий вопрос.

— Никакой, — Эллохар помрачнел. — Действовать исключительно по обстоятельствам.

— Задача?

— Первая — Вытащить мага Сайрена. Этим займется Тахир. Тебе надлежит остаться при дроу.

Ихар с хрустом размял шею — жест, выдавший нервозность демона. И страх был обоснован — низший опасался разочаровать повелителя.

— Ты мой козырь, — успокоил его магистр Смерти. — Оставайся преданным слугой Таэлрана, добивайся его доверия, не вмешивайся ни во что. — Усмешка и с намеком: — Будь истинным сыном Хаоса.

Демон понимающе улыбнулся и низко склонился перед повелителем.

В следующий миг по кабинету отчетливо разнесся запах демонской крови.

***

Третье королевство.

Сарда.

Хеарин ощутила чужой разум. Чуждый настолько, что волосы на затылке приподнялись, но канал был защищенным, зов доносился из кабинета магистра Смерти и вампирша подчинилась.

«Призови» — раздался хриплый рык.

Содрогнувшись, адептка ответила вызовом.

Закружилась голова, тело напряглось, переживая приступ панического ужаса, а в следующее мгновение ее пальцев коснулись когти низшего демона клана Аклоры. С трудом подавив едва не вырвавшийся вопль, девушка нервно отступила. Меняющий облик улыбнулся — это была страшная гримаса, пугающая настолько, что Хеарин, уроженка Хаоса, ощутила как задрожали ладони.

— Вкусно пахнешь, — демон оскалился еще шире.

Еще шаг назад, невольный. Она не смогла полностью контролировать страх.

— Мне нужна магианна Сайрен, — перестав улыбаться, сообщил Ихар.

Вампирша остановилась. Напряглась. Темные глаза мгновенно приобрели рубиновый оттенок.

— Я сыт, значит смогу быть осторожен, — пояснил Ихар, — Смерть приказал.

Именно последняя фраза заставила адептку успокоиться. Смерть — прозвище принца Хаоса, звучавшее в ее родном мире чаще полного титула магистра Эллохара. Легкий кивок головы, и она указала на стройную девушку, с несколько натянутой улыбкой стоявшую недалеко от дверей. Ноздри Ихара затрепетали, прикрыв глаза, демон вдохнул, улыбнулся:

— Чистая аура. Кристальная. Тьмы нет ни капли. Как капля росы в пустыне.

— Ты — сыт! — напомнила Хеарин.

Демон промолчал.

— Причинишь вред — убью, — утратив всяческий страх, предупредила вампирша.

Ихар окинул ее насмешливым взглядом, насмешливо ухмыльнулся.

— Школа Искусства Смерти, боевой факультет, выпускная группа, — отчеканила адептка.

Улыбка демона сошла на нет. Зато улыбнулась Хеарин, уверенно и спокойно. Демон Аклора был ей по силам, теперь был по силам, двенадцать лет назад встреча с низшим грозила бы мгновенной смертью.

— Я буду осторожен, — заверил Ихар.

Вампирша кивнула, не сводя с него глаз. В воздухе медленно формировался боевой аркан. Демон поежился, затем перевел взгляд на магиню.

***

Третье королевство. Сарда.

Наирина Сайрен.

Вынуждена признать — без господина Мелоуина открытие чайной было бы обречено на провал. Но мастер-кондитер оказался истинной находкой, и, несмотря на то, что против его идеи «Первая чашка чаю бесплатно» выступили все братья Шилли, сумел настоять на своем. В результате за час до открытия я спешно выводила черной краской заветные слова про первую бесплатную чашку, на плакате, который для меня держали натянутым Сэм и Герман. Выводила трижды — первые два варианта уважаемый мастер забраковал. А после данный плакат повесили над входом на террасу, так чтобы было видно всем, «даже очень быстро по дороге проезжающим». Видно было действительно всем, и все торговцы не преминули остановиться, чтобы посмеяться с «утративших последние мозги Шилли». Мне было стыдно, Герману тоже, Сэм вовсе на улице больше не показывался, Алех, сжав зубы, сказал «доверимся господину Меллоуину», бородатый мастер-кондитер потирал ручки и выдал нам лишь одну фразу «Клянусь Бездной, мне понравится видеть их раздосадованные рожи».

После упоминания бездны Алех как-то напрягся, хмуро взглянул на нашего бородатого консультанта, но ничего не сказал мне, даже заметив мой вопрошающий взгляд. Он никому ничего не сказал больше до самого открытия.

А в семь часов вечера перед чайной собралась толпа. Нарядная, предвкушающая, в ожидании поглядывающая на городские часы, песок на которых вдруг стал сыпаться очень медленно... или мне так показалось.

— Най, здесь человек двести! — потрясенно пробормотал стоявший рядом со мной у окна на втором этаже Герман. — Двести! У нас всем места не хватит!

Я не успела ответить, как в глубине чайной раздалось «Магианна, Мрак тебя... ой, в смысле, где вас демоны нося... эээ... Леди Сайрен, можно вас на... минуточку!». И я поспешила к уважаемому мастеру кондитеру, который ожидал меня у входа с самым суровым выражением лица.

— Уважаемая, — вконец нахмурился мужчина, — вы где, простите за выражение, шляетесь, в оплаченное работодателем время?

Я оторопела.

— Ваша задача, — продолжил мастер Мелоуин, — стоять вот здесь, — он указал рукой, где именно, — и озарять самой радушной из улыбок каждого входящего. Каждого, леди Сайрен, и коли уж взялись за эту работу, так выполняйте достойно. Стоять, гостеприимно улыбаться! Вы все поняли?

Неуверенно кивнула.

— Улыбка! — приказал мастер.

Нервно улыбнулась.

— Ну кто так улыбается?! — всплеснул руками он. — Так высокопоставленному поклоннику дают понять, что и без него проблем хватает. Вы радостно улыбнитесь, Найрина. Как вот господину Герману улыбаетесь, или же Алеху с Сэмом... — вдруг, с самой лукавой усмешкой, произнес: — О, лорд Эллохар пожаловал!

Я стремительно обернулась, а там... никого.

— Не, вот так улыбаться не нужно, — господин Мелоуин тяжело вздохнул. — Давайте лучше как для Алеха.

Я гневно взглянула на нашего консультанта, но тот, фыркнул из-под бороды, и миролюбиво заметил: — Дело прежде всего, леди Сайрен, кроме этого должен же я получить моральную компенсацию за потраченное время, а вытянувшиеся рожи ваших конкурентов самое приятное зрелище в мире. За работу, дорогая моя, и не забывайте — клиент, любой клиент, должен вызывать у вас улыбку. Мгновенно.

И он уже собрался уходить, как вдруг развернулся и произнес:

— Набор фраз, леди Сайрен: «Мы рады вас видеть», «Приятного вечера», «Вам прекрасно выглядят», «Мы очень вас ждали», остальное расскажу после, запишите под диктовку и выучите. До открытия две минуты, тренируйте улыбку!

Я улыбнулась. Скорее вымученно, чем радостно. Мужчина покивал, почесал бороду, демонстративно махнул на меня рукой и ушел. Не знаю, где господин Эллохар нашел этого человека, но в одном я точно убеждена — уважаемый мастер-кондитер баснословно богат. Иначе просто и быть не может, учитывая его подход к делам.

И вдруг что-то произошло. Со мной.

Закружилась голова, я пошатнулась и, несомненно, упала бы, не окажись поблизости Герман.

— Найри, — младший Шилли придержал за плечи, — Найриша?

Перед глазами все плыло, мелькали образы, видения, события из недавнего и далекого прошлого... Мой дом, объятый пламенем... улыбка мамы, ее нежный поцелуй в кончик носа, последний поцелуй... я, крепко-накрепко обнимающая маму и ее тихое «Отпусти»... Отец, потрепавший по волосам и взявший маму за руку, чтобы увести в ночь...

Навсегда. Ниран, загадочный, куда-то торопливо собирающийся ночью... Чтобы исчезнуть... Я, перед зеркалом той безумно грязной таверны, с остервенением моющая ладони... Господин Эллохар, осторожно взявший меня за руку...

***

— Не могу! — Ихар тряхнул головой, прогоняя последние остатки.

Вампирша, встревожено переводившая взгляд с демона, на побледневшую девушку и обратно, удивленно выгнула бровь.

— Не могу больше! — рыкнул аклора. — Сердце болит.

— Какое? — насмешливо поинтересовалась адептка Смерти.

— Третье, — демон выдохнул, затем сделал медленный вдох, — на первые два я бы не обратил внимания.

И пошатываясь, словно от накатившей вековой усталости, изменяющийся прошел к ближайшему столику, отодвинул стул, не обратив внимания на перепугавшуюся от движения мебели служанку, сел, ссутулившись и обхватив голову руками.

— Эй, — Хеарин подошла, присела перед ним на корточки, заглядывая в лицо, — ты чего?

Мотнув головой, демон попытался ответить, но вышло только сдавленное шипение.

— Да что с тобой? — встревожилась вампирша, прикоснувшись к чешуйчатой щеке.

Ихар стремительно накрыл ее ладонь собственной, чтобы удержать это прикосновение, судорожно вздохнул и едва слышно произнес:

— Ее последнее воспоминание о родителях... они уже были мертвы.

— Что? — потрясенно переспросила Хеарин, не делая попытки убрать ладонь, хотя

сама мысль о прикосновении к изменяющемуся ужасала.

— Не поймешь, — демон отпустил ее, поднялся. — И она не поняла, хорошая магия, сильная, но демон мертвое с живым не перепутает.

Он встряхнулся, размял плечи, хрипло попросил:

— Вызывай Его высочество.

— Магистра Смерти, — поправила Хеарин поднимаясь.

— Это для вас он магистр, — фыркнул Ихар, — а для нас он Смерть, наследник Миров Хаоса. Придет время, и Ад содрогнется от его могучей поступи.

Адептка с сомнением посмотрела на демона.

— Пробегись по пескам Хаоса — песок стонет и рвет цепи, — усмехнувшись, произнес Ихар.

— Зайди в школу Искусства Смерти — у нас нет смертности, демон, и, пожалуй, только наша школа во всей Темной Империи может

подобным похвастаться. Магистр не тот, кто станет поливать кровью пески Хаоса, — парировала вампирша, делая крошечный надрез на ладони.

Синее пламя вновь осталось незамеченным для всех.

Ихар бросил последний взгляд на стоявшую в окружении двух молодых торговцев девушку, содрогнулся, посмотрел на адептку, и с самой лукавой из улыбок, притронулся к тому месту, которого касалась ее ладонь.

— Я запомнил твой запах, — промурлыкал демон.

Вздернув подбородок, вампирша меланхолично спросила:

— Это угроза?

— Предложение, — Ихар медленно окинул ее взглядом с ног до головы, провокационно подмигнул.

И тут из пламени донеслось:

— Я тебе сейчас это предложение!..

И демон и вампирша мгновенно вытянулись по струнке. Ихар стремительно шагнул в переход, Хеарин неосознанно поправила волосы, и о том, какую ошибку совершила, поняла, лишь поймав взгляд изменяющегося — он все правильно понял.

— Адептка Варнаи, — насмешка в голосе магистра заставила девушку мгновенно забыть о демоне, — я вообще не это имел ввиду при нашем с вами последнем разговоре.

Пламя погасло.

Подошедший оборотень, недоуменно взглянул на напарницу.

— Ааран, контролируй вход, — прошипела вампирша.

— Магине плохо, — рассматривая адептку, протянул он.

Вампирша резко повернулась, вгляделась в леди Сайрен, прищулив глаза, присмотрелась к биению сердца...

— Будет обморок, — все так же совершенно спокойно, сообщил оборотень.

— Гнома в оборот! — приказала адептка Смерти. — Живо!

***

Третье королевство. Сарда.

Наирина Сайрен.

Я не знаю, почему вспомнила маму и отца, но с той самой секунды мне стало плохо. Сжалось и наполнилось болью сердце, помутилось в глазах, пальцы дрожали. Герман стоял рядом, Сэм принес воды, я пыталась взять себя в руки» и чувствовала, как теряю силы.

Ощущение, словно на меня воздействовали какой-то на редкость неприятной ментальной магией, но в то же время отчетливо понимаю — это не так. Магов нет. Больше нет. Да и ментальная магия может привести к сильнейшей головной боли, у меня же стонало сердце.

— Нервная вы особа, леди Сайрен!

Господин Меллоуин появился совершенно неожиданно, и так же неожиданно отобрал у меня стакан воды, взамен сунул чашку с чем-то темным и безапелляционно приказал:

— Пей! Живо-живо, давай, мне полуоборочные работники здесь без надобности, пей.

— Найри не работник! — грубо произнес Герман.

— Вот только не надо мне за минуту до открытия начинать копания в статусе леди, — мастер-кондитер бросил суровый взгляд на парня.

— А ты, немочь бледная, пей, кому сказал.

И я поспешно выпила все, в три глотка.

И только потом осознала, что это было красное вино со специями!

Закашлялась, мгновенно бросило в жар, щеки запылали, но голова кружиться перестала.

— Работник в норме, — бодро заключил господин Меллоуин, затем хитро глянул на Германа и поправился: — Виноват, «не работник» в норме.

Младший Шилли хмыкнул, и тихо спросил у меня:

— Как ты себя чувствуешь?

— Да тьма с ней, — господин кондитер огладил бороду, — но не отходи от девчонки, мало ли, ненадежная она у вас какая-то, я бы такую на работу взял исключительно с ненормированным графиком.

Не знаю как остальные, а я провожала господина Меллоуина крайне возмущенным взглядом.

— Идем, наверху посидишь пока, — предложил Сэм.

— О нет, все хорошо, — поспешила я заверить. — Да и открытие уже.

***

Хеарин плавно приблизилась к мастеру кондитеру, последовательно сняла два из четырех слоев сложной иллюзии, и прошипела:

— Гном, тебе было сказано увести Найрину.

— А работать ты за нее будешь, красноглазая? — ничуть не испугался почтенный господин Меллоуин. — Чай не в игрушки играем, открытие у нас, а это дело поважней ваших приказаний будет. Стоит магиня, не падает да и ладно. Изыди, дел полно, отвлекаешь ведь!

Адептка Смерти медленно сомкнула слои иллюзии, раз двадцать помянув Бездну и корыстного гнома, но воздействовать на кондитера силовыми методами магистр права не давал.

***

Западное королевство дреу.

Пустошь.

Ислан Габор, поправив мантию, как делал всегда, когда ощущал некоторую нервозность, шагнул навстречу открывшему портал жрецу и склонился в поклоне. Хрустнула поясница, жрец Тьмы поморщился, этот отвратительный старый маг всегда вызывал стойкую неприязнь. И потому дреу перевел взгляд на девушку. Мысленно присвистнул, внешне окатил холодным презрением испуганно сжавшуюся магиню. Невысокая, хрупкая, с белоснежной полупрозрачной кожей, блестящими от с трудом сдерживаемых слез глазами, и по юному влажными нежными губами...

«Во имя Бездны, спать с мужиками я не собираюсь! — не сдержался Тахир».

«Принц отымет большее и обиднее, учти, — предупредил Ихар, медленно, со скрипом разгибаясь».

«Зато морально, — пробурчал демон».

Но бунтовать прекратил мгновенно, и уже гораздо спокойнее следил, как взгляд старательно демонстрирующего презрение дроу, жадно ощупывает девичью фигуру, жадно и с предвкушением.

«Не успеет, — успокоил Ихар. — Ты раньше погибнешь».

«Ловлю на слове, — Тахир с трудом подавил желание уменьшить грудь и нарастить плечи».

Между тем жрец величественно повернулся к человеческому магу, и произнес:

— Ты долго.

— Простите, великий, — вновь со скрипом кланяясь, просипел архимаг Габор.

— Я разочарован, — продолжил дроу.

— Исправлюсь, великий, — демон усиленно кланялся.

И вместе с тем старательно придерживал край мантии, скрывая отрастающую из ноги когтистую лапу демона. Проворачиваемый маневр был бы невозможен для любого иного существа, помимо демонов клана Аклора, ведь отращенной конечностью нужно было владеть в совершенстве, без ошибок, без неровностей, без срывов линии выводимого символа.

Слишком многое зависело от точного отображения.

— Таэлран ожидает, — следующая фраза дроу означала, что им требуется немедленно пройти в подземелья.

Но маленькая загвоздка была в том, что символ Иххар не завершил.

«Падай, — ускорив процесс, приказал демон».

«Эффектно, или так, с вызыванием жалости? — меланхолично поинтересовался смилившийся с женским обликом Тахир».

«Совместить» — буркнул Ихар, чувствуя как о гранит стираются отращенные когти.

Найрина Сайрсн, смахнув вмиг набежавшие слезы, робким, дрожащим голосом, едва слышно позвала:

— Лорд Габор... Лорд Габор, вы сказали, что я увижу брата и...

Девушка сделала порывистый шаг, нога соскользнула с отполированной временем и водой гранитной поверхности, магианна неловко взмахнула руками и рухнула так, что юбка взметнулась до колен, открывая стройные девичьи ноги.

И Иххар был забыт.

— Прекраснейшая, — дроу поспешил к лежащей девушке, — вы не ушиблись?

Тихий всхлип, вынудил жреца поспешить, а едва он склонился над магианной, на миг задержал дыхание, встретившись с огромными полными слез глазами.

«Не переигрывай!» — прошипел Ихар.

«Отвали» — ответил Тахир, с самым жалобным видом протягивая руку неприступному дроу.

И позабывший о символе Ислан Габор, с изумлением увидел, как гордый темный эльф подхватывает жертву предстоящих пыток на руки, осторожно прижимает к себе, и уносит прочь, даже не оглянувшись на позабытого архимага.

«Талант» — уважительно заметил демон.

«Отвали, — повторил Тахир, — меня впервые на руках носят».

«Так мужик же».

«Мой конь тоже не женского пола».

Ухмыльнувшись, Ихар завершил рисунок, втянул выращенную конечность и по-стариковски, чуть постанывая, поспешил за уходящим жрецом.

***

Западное королевство дроу.

Резиденция шестого жреца великой Тьмы

Золотой жрец с ленивой досадой читал доносы. «Лорд Тьер навещал леди Арраку Таэ, главу подразделения Дочерей Тьмы». Выкрашенные золотом когти Таэлрана нервно постукивали по подлокотнику. Новость его не порадовала — высокомерная глава безопасности королевы могла потрепать нервы, а денег гордая Аррака не возьмет. Плохо, возможно с устранением королевы и ее дочерей возникнут сложности.

Последующие сообщения обрадовали еще меньше:

«Лорд Тьер усилил меры безопасности в Темной Империи» «Лорд Тьер выставил охрану у каждого храма империи». «Лорд Тьер отозвал императорских гончих с дальних пределов и дал им неограниченные полномочия». «Леди Тьер исчезла и о ее местоположении никаких данных». «Леди Тьер отсутствует в Лангреде». «Лорд Тьер отстранил наследного принца от управления внутренними делами империи на время чрезвычайного положения».

В тронном зале шестого жреца раздался отчетливый скрежет зубов. Таэлран медленно приходил в состояние бешенства! Бесило все — от мер, принятых племянником императора, которому Анаргат доверял похоже больше, чем самому себе, до действий, имевших целью перекрыть воздух им, идущим путем Ненависти.

— Иэркан, — негромко позвал жрец, и едва личный телохранитель предстал перед шестым, лениво осведомился, — а что у нас с неуязвимостью лорда Риана Тьера?

— Орден Бессмертных, — отрезал дроу.

Когти Таэлрана вновь со скрипом прошли по подлокотнику.

— Его нужно устранить, — прошипел Золотой жрец. — Слишком... деятелен. Слишком.

Телохранитель дернул плечом, словно отгоняя мысль, и произнес:

— Слишком силен.

— Да брось, — хмыкнул жрец, — в прошлый раз мы уничтожили императора и его брата, темные с трудом поднялись с колен.

В черных, столь редких для расы дроу, глазах Иэркана отразилась едва заметная насмешка, однако на лице не дрогнул ни один мускул. «Темные с трудом поднялись с колен» — формулировка, коей жрецы Тьмы, потерпевшие сокрушительное поражение от лордов более сорока лет назад, пытались оправдаться.

— За спиной лорда Риана Тьера стоит сила, с которой вам лучше не сталкиваться, — глухо произнес телохранитель.

— Орден Бессмертных? — вскинув тонкую бровь, спросил Таэлран.

— Принц Хаоса, — так же ровно сообщил Иэркан.

— Принц Хаоса? — переспросил Золотой жрец.

— Наследный, — припечатал телохранитель. — Надеюсь, путь возглавляемой вами

религии не желает пересекаться с интересами Ада?

В вопросе четко прозвучала насмешка, и жрец не оставил это без внимания, но говорить что-либо не стал — он был более чем уверен в преданности родного брата.

— Что ж, задача становится сложнее, — задумчиво проговорил Таэлран. — Но вместе с тем — увлекательнее.

Телохранитель промолчал.

Таэлран некоторое время смотрел на доносы, после на телохранителя, вновь на доносы. Очевидным было одно:

— Тьера следует отвлечь.

Иэркан не возражал, безразлично слушая шестого.

— Чем-то масштабным, значимым, — продолжил Золотой жрец, мечтательно откинувшись на спинку кресла. — Чем-то, что вынудит его распылить силы...

— Нападение сказнов? — предложил Иэркан, привычно стараясь максимально сократить потери среди своих соплеменников.

— Мелко, — вздохнул жрец.

— Спровоцировать магов-отступников? — внес еще одно предложение телохранитель.

Насмешливо хмыкнув, Таэлран произнес:

— Отступники умны, не смотри, что они когда-то были людьми, между ними и той толпой овец для заклания, коими мы наполнили подземелья, нет ничего общего.

Дроу был вынужден признать его правоту, но прежде, чем успел внести следующее предложение, Золотой жрец задумчиво протянул:

— Люди...

Затем шевельнул пальцем, прогоняя телохранителя и едва тот отошел за трон, создавая для Таэлрана видимость одиночества, жрец задумчиво повторил:

— Люди!

И больше он ничего не произнес, потому что чувствительный слух дроу уловил шаги младшего жреца и сопровождаемого им старика Габора. А вот шагов той, за кем посылал мага, не расслышал, и клыки сверкнули в свете флуоресцирующих светильников.

Таэлран не терпел, когда его приказы не исполнялись, и следом за клыками, в ладони жреца сверкнули два метательных кинжала...

И оба клинка едва не выпали, когда в тронный зал вошел Бертран, один из его лучших младших жрецов, гордый носитель истинной крови темных эльфов, ревнитель чистоты расы, ни разу за все годы не соблазненный человеческими женщинами вносил в тронный зал Золотого хрупкую магианну. Вносил с видом собственника, и Таэлрану хватило лишь взгляда, чтобы осознать — свой выбор Бертран совершил далеко не в пользу интересов Ордена.

Но золотой кинжал все же просвистел, чтобы плавно войти в тело показавшегося вслед за жрецом архимага Ислана Габора. Старик охнул, и мгновенно склонился в поклоне, даже не пытаясь извлечь оружие. Второй метательный кинжал пронзил его ладонь.

— Виноват, — торопливо шептал маг, — виноват, больше не повторится!

И третий кинжал Золотой жрец вернул в ножны не из жалости, нет, исключительно из чувства брезгливости — об Габора ему не хотелось даже пачкать оружие.

«Слабак, — заметил Тахир».

«Кто так наказывает? поддержал Ихар. — Хоть бы ногу оторвал, пару пальцев на крайний случай. Слабак».

Но внешне отреагировали соответственно своим обликам — Найрина Сайрен вскрикнула, Ислан Габор шипел от боли. И о своем вскрике демон пожалел.

— Не бойся, — дроу постарался улыбаться, не демонстрируя клыки.

«Что-то мне как-то не по себе становится, — мысленно посетовал Тахир».

«А как ты хотел, это тебе не конь, — хохотнул Ихар».

Подумал и добавил:

«А представь себе, если бы и конь тоже...» «Заткнись и поторопись с моей смертью» — потребовал Тахир, чувствуя, как ладонь держащего магиню дроу плавно передвигается к округлым линиям его тела.

— Отпустите, пппожалуйста, — прошептала вмиг покрасневшая девушка.

Младший жрец плавно поставил магианну на ноги, осторожно оправил ее одежду, и ощутил то, о чем Таэлран уже догадался — леди Найрину Сайрен жрец воспринимал своей. Действительно своей. Напряженный взгляд на Золотого, шестой ответил едва заметной насмешкой и лишь после этого уделил внимание той, которую планировал подвергнуть особенно жестоким пыткам.

— Дитя, — приятный, обволакивающе мягкий, бархатистый голос Таэлрана разнесся по тронному залу, — подойдите.

«Слушай, а он мне нравится, — заметил Тахир, — сразу видно — любит кровь и предпочитает тупые ножи телячьим ласкам».

«Да, он явно готов откочеряжить тебе пару конечностей, — уважительно согласился Ихар. — Знаешь, я бы его съел».

«У самого слюнки текут, — признался Тахир, поднимая влажный взгляд карих глаз на дроу».

И сердце Золотого жреца дрогнуло.

В единый миг он ощутил себя не в мрачных подземельях под Великой Пустошью, а где-то среди облаков, под сизым от предстоящей грозы небом, в окружении тускло сияющих цветущих лишь во мраке цветов, в объятиях...

«Что со мной? — в ужасе подумал тот, кто подпускал к своему телу лишь высокородных темных эльфиек. — Что это? Что за...».

А сумрак тронного зала все больше заполняли, затмевая собой, огромные влажные светло-карие глаза юной девушки, и в глубине ее удивительных глаз, Таэлран почему-то чувствовал, ощущал, видел родственную душу.

«Сильный маг, вкусно, — пробормотал Тахир».

«Очень ссильный, такого и убить будет не просто, — вторил Ихар».

«Ррредкое лакомство, — вздохнул демон. — Я бы убивал медленно и пил, пил, пил...»

Золотой жрец откинулся на спинку кресла, с ужасом осознавая, что капли влаги на его гладком лбу — пот, пальцы дрожат вовсе не от ярости, а тело наполняется сладким, тягучим огнем желания.

«Как такое может быть? — с ужасом размышлял Таэлран. — Она — ничтожная грязная человечка, грязь под ногами истинных дроу, отброс, мусор, мясо, что мы швырнем в пасть Тьме. Ноя... я чувствую в ней что-то родное, созвучное мне, способное понять меня, родное, близкое... Неимоверно!».

Взгляд золотых глаз хаотично заметался по фигуре девушки, чтобы вновь вернуться к ее глазам и мысли жрец понеслись вскачь: «Она прекрасна! Юная, нетронутая, чистая... и в то же время я вижу жестокость, словно ртуть сверкающую в глубине ее глаз. Жестокость

равную моей. Прелестное создание. Такая восхитительная, столь желанная».

«Так, я не понял, — занервничал Тахир.»

«Кажется и этот... конь, — хмыкнул Ихар».

«Нет, я отказываюсь в этом участвовать! — возмутился демон. — Я...»

Его мысли прервал мягкий голос Золотого жреца:

— Подойди ближе, девочка.

Магианна Сайрен сделала робкий шаг, и чисто по-человечески не услышала судорожного вздоха дроу, скрипа его вцепившихся в подлокотники когтей, хрипа, едва неловко оправив юбку. Она вела себя так, как и должна была бы вести девушка, но демон видел все!

«Если ты, хоть когда-то, хоть кому-то, — шипел Тахир».

«Нет, с твоей гибелью придется повременить, — словно не слыша, протянул Ихар, — любопытно наблюдать, как ломает дроу. Кстати ты понял?».

«Понял что? Тут, знаешь ли, и так все понятно, — продолжал беситься демон».

«Нет, ты не понял, — уже без тени улыбки сказал Ихар, — этот не на магиню запал, вовсе нет. На тебя. У дроу крайне редкий дар».

«Не понял?».

«Он видит суть, Тахир, истинную суть вещей. Он — видящий!».

Демон содрогнулся, но исключительно внутренне — внешне лже — Найрина Сайрен робко приблизилась к трону Золотого жреца, испуганно подняла ресницы, и мгновенно вновь опустила взгляд, в то время как Таэлан поедал ее глазами, как оголодавший зверь Мрака. И если бы в нем играло только желание, нет, жрец впервые ощутил азарт охотника, возжелавшего разгадать и выведать все повадки своей дичи.

— Леди Найрина Сайрен, — чуть растягивая слова, произнес он.

Девушка присела в реверансе, не в силах ответить.

— А вам, — Таэлан чуть подался к магине, — уже говорили, как вы... К он запнулся, поймав встревожено-испуганный взгляд.

«Я убью его! — окончательно заволновался Тахир. — Если только попытается в постель, я его просто убью!»

«Это вряд ли, — Ихар, стремительно перенастраивал доставшееся ему неважное старческое зрение. — Действительно вряд ли, Золотой опасен. Очень.»

— У вас удивительный взгляд, — продолжил Таэлан, вглядываясь в лицо магини, — удивительный, чарующий, нежно-игривый и мне кажется, вы, как и я, цените боль.

«А вот это по-нашему, — внутренне оскалился Тахир, — я очень-очень-очень ценю боль, но тебе это не понравится».

Однако отреагировал, как и полагалось.

— Что? — девушка стремительно отступила. — Что вы имеете ввиду? Архимаг Габор гарантировал мне неприкосновенность и обещал, что я встречу с братом, я...

Таэлан мрачно откинулся вновь на спинку кресла. Его золотые глаза пристально вглядывались в магиню, словно он слой за слоем снимал ее кожу, намереваясь добраться до сути.

«Опасный тип, — нехотя признал Тахир».

«Более чем, — Ихар стремительно перебирал впитанные воспоминания Габора, пытаюсь найти выход из ситуации».

— Ты хочешь увидеть брата... — задумчиво проговорил Золотой жрец.

«Используй эмоции, — скомандовал Ихар, — все ее эмоции!»

— Да, — пробормотала магианна Сайрен, — у меня больше никого нет...

И в глазах девушки дроу увидел отблески горящего дома, беснующуюся толпу, грязный доходный дом, госпожу Урас... и дикое чувство одиночества и потерянности. Дикое, болезненное, страшное.

— Бертран, — жрец между тем не отрывал взгляда от девушки, — приведи мага Сайрен.

Девушка вздрогнула всем телом, как тростинка на ветру, стремительно обернулась к выходу, туда, куда уходил крайне не довольный, но не посмеавший возразить даже жестом, дроу.

— Это произойдет не скоро, — Таэлран взял свитки с доносами, поднял с колен и тот час же один из младших жрецов возник словно из ниоткуда, поклонился, принял переданное, и отступил в сумрак.

«Мы сможем перехватывать послания, — сделал вывод Тахир».

«Мы — сомневаюсь, потребуются еще наши, — ответил Ихар. — А теперь сосредоточься на роли, и никаких ошибок!».

Но случившееся дальше потрясло обоих демонов — Золотой поднялся. Легко, тягуче, как дроу, а затем шагнул к девушке. Испуганная Найрина Сайрен отшатнулась, но была поймана в тот же миг, обхватившим ее за талию жрецом. А затем медленно, неотрывно глядя в глаза своей новой жертве, Таэлран одну за другой вынул все шпильки, распустил темно-русые волосы, все так же неторопливо намотал на свой кулак и дернул, вынуждая магианну запрокинуть голову и вскрикнуть от боли.

Дроу улыбнулся, сверкнув клыками, и едва слышно попросил:

— Громче.

Ихар завершил просмотр воспоминаний и уже осознал, что будет дальше! Осторожно, стараясь не привлекать внимание и старательно демонстрируя испуг, он попятился к выходу, но был замечен:

— Следовало бы уползать, — насмешливо проговорил Золотой жрец.

Ислан Габор мгновенно опустился на четвереньки и бросился наутек, стараясь ползти по-стариковски, и не забывая о кинжалах, застрявших в его теле. Успел!

Едва поднялся, покинув тронный зал Таэлрана, увидел дроу, ведущего за собой бледного, осунувшегося, с серебром седины на висках юношу. Узнал мгновенно — видел в воспоминаниях магианны, но едва шагнул к парню, жрец вскинул руку.

Бесконтактный бой, что считался прерогативой лишь клана шайген, и воздушная волна смела демона напрочь. Сползая по стене вниз, Ихар уже понял — он не успеет вмешаться. Просто не успеет.

И все, что ему оставалось сделать, это отдать приказ:

«Не проси пощадить. Ты должен поверить в его смерть сразу!».

«Мне как-то не по себе, — сдавленно признался Тахир».

Ниран Сайрен шел как на заклятие — уже знал, чем завершаются аудиенции у Золотого жреца. Знал и боялся. Не хотел признаваться в этом самому себе, но боялся до дрожи, до крика. И все равно шел, стараясь не выглядеть трусом. Он им и не являлся, просто имел представление о том, что сейчас будет. Темные коридоры, которые

становились все темнее, по мере удаления от человеческих пещер — дроу не нуждались в ярком свете, мрачные охранники, их как раз становилось все больше, пасть входа в тронный зал. Именно пасть, вход был стилизован под зубы пещерных монстров.

Единственное, что удивило Нирана — это бросившийся к нему архимаг Габор, и юноша испытал некоторое удовлетворение, от того как это пресмыкающееся существо отбросил жрец Бертран. Габору не сочувствовал никто, все, что осталось к этому человеку ненависть и презрение. Подлец просто обрек их на смерть. Всех их. И они гибли, медленно, но верно, один за другим... Но не время было думать о бывшем преподавателе.

Чем ближе Ниран подходил к тронному залу, тем сильнее билось сердце. Юноша ожидал худшего, самого худшего, но едва вошел, осознал что все гораздо хуже, чем он мог представить даже в кошмарном сне.

— Найрина! — он не узнал свой голос, когда увидел дрожащую в объятиях жреца сестру. — Найри!

Она не ответила. Ничего не ответила. По щекам его младшей сестренки бежали слезы, она не отрывала взгляда от склонившегося над ней Золотого жреца, и словно замерла, застыла, боясь даже пошевелиться.

— Не трогай ее! — молодой маг рванулся к сестре, но был мгновенно остановлен телохранителями Таэлана. — Не смей, ты, ублюдок! Не смей!

Золотой жрец не обратил внимания на его выкрики. Ни малейшего внимания, лишь его рука соскользнула с волос магианны чуть-чуть ниже, позволяя ей повернуть голову, и тихо приказал:

— Посмотри.

Найрина медленно повернулась к брату, слезы текли не переставая...

«Вот ублюдок, — не сдержался Тахир. — Просто ублюдок!»

«Не проси, Сайрен им нужен, так что скорее это будет имитация, так что не проси, изображай шок, — приказал Ихар».

— Увидела? — ласково спросил Золотой жрец.

Ни звука. Перепуганная, шокированная магианна, лишь судорожно вздохнула.

— Вот и славно, — промурлыкал Таэлан, касаясь губами ее виска, и все так же негромко, отдал приказ: — Убить.

Испуганный женский крик дроу безжалостно накрыл рукой, не позволяя девушке отвернуться и вынуждая увидеть все — как изогнутый клинок дроу вспарывает грудную клетку, как хлещет яркая алая кровь, как падает на колени, беззвучно шепча «Найри», ее брат... Как в агонии, он заваливается набок, безжизненно глядя в потолок...

— Теперь, у тебя остался только я, Найри-ша, — дроу вновь намотал волосы сильнее, дернул, вынуждая магнию смотреть исключительно на себя. — И никого, кроме меня. Одиночества больше не будет.

«А можно я в обморок, а?» — не выдержал Тахир.

«Давай, самое время, — согласился Ихар».

«Кошмарненько, — обрадовался демон».

И юная магианна повисла в руках дроу, уже совершенно безразличная к жестокому, болезненному поцелую.

— В мои покои, — отрываясь от нежного приоткрытого ротика, приказал Таэлан, и насмешливо передал свою новую игрушку в руки подошедшего Бертрана.

Золотой ждал хотя бы малейшего сопротивления, недовольства, злости — но ничего. Младший жрец был совершенно покорен, в единый миг уступив то, что желал назвать своим, Золотому жрецу.

И ни тени недовольства. Ни единой.

«Ты слаб, как и все, — усмехнулся про себя Таэлран».

И едва девушку унесли, неторопливо подошел к содрогающемуся в агонии магу, с улыбкой глядя на то, как гибнущий маг отчаянно пытается выговорить «Ненавижу», и приказал:

— Излечить.

Ихар, ощутив как возвращается жизнь в тело Нирана Сайрен, облегченно передохнул и поспешил прочь, ему предстояло отправить сообщение своему дараяу.

***

Третье королевство. Сарда.

Даррен Эллохар

«Нужен третий, с гибелью девушки не вышло, Тахиру предстоит ночь с Золотым. Золотой опасен — видящий, редкий дар. Нужен третий. Искренне молю о прощении, ваше смертейшество, моя ошибка, готов понести наказание, но юношу вывести не удалось. Нам требуется третий».

Сообщение сжалось под злым взглядом магистр Смерти, сжалось, а после вспыхнуло синим пламенем.

И демон, медленно развернувшись, побрел к озеру центрального парка Сарды. Здесь было малоллюдно, темно, горело лишь несколько смоляных фонарей и бездействовали магические. Даррэн с трудом подавил желание вдохнуть силу в освещение. Затем, он, отчетливо видящий в темноте, увидел многочисленные лодочки, сваленные на противоположном берегу. Они тоже управлялись магией и сейчас были абсолютно никчемны. Как и маленькие кареты, и летающие фонари, и многое другое. Мир без магии — пустой мир.

Но в то же время — мир во главе которого поставлена магия обречен на вымирание, Эллохар это знал. Маги, по сути те же ученые, власть в их руках очередной повод поставить эксперимент, не более. И пройдет не много времени, как в столице Третьего королевства зашумит не один центральный парк, а несколько, как начнут развиваться ремесла, торговля, экономика. И это будет то, что никто не сможет отнять одним взмахом руки.

Шелест ветра, за которым она пыталась скрыть шаги. Магистр улыбнулся и не поворачиваясь, произнес:

— Хеарин.

— Вы в облике темного лорда, — не выходя из тени ближайшего дерева, осторожно сообщила вампирша.

— Не важно, я собираюсь вернуться в империю, — ответил лорд Эллохар.

Адептка Смерти несколько замаялась, а после едва слышно, произнесла:

— Но вас... ждут.

Кивнул, но остался стоять на месте, ощущая усталость и опустошенность. Перед глазами мелькали лица, события, эмоции — не его, Ислана Габора. И эти образы не отпускали, вызывая бесконтрольное бешенство и желание убить архимага повторно. Хотелось выпить, забыть отвлечься. Хотелось женской ласки, утонуть в простынях, в столах, в тепле. Согреваться...

— Магистр, — Хеарин выступила из сумрака, приблизилась на несколько шагов, но слишком отчетливо ощущала напряжение, чтобы рискнуть подойти ближе, — сюда идут.

Прислушался. Женщины. Трое. Втянул воздух — молодые, доступные. Более чем доступные. Задышал глубоко и часто, попытался вспомнить, когда в последний раз

погружался в тепло женского тела... Перед затуманенным яростью взглядом промелькнули испуганные широко распахнутые глаза Найри. Скрипнул зубами — не то! Ведь были женщины, были. Точно знал. Просыпался в чужих постелях, это помнил. Но почему их словно не существовало?! Сосредоточился, заставляя себя вспомнить... И словно наяву — тонкие черты бледного лица, встревоженный полный сочувствия взгляд, чуть приоткрытые влажные губы, к которым он так и не прикоснулся, светло-карие с зеленым оттенком удивительные глаза юной целительницы. Всего лишь воспоминание, но это видение затмило все. Прошрое, настоящее, прожитое не им. И ярость начала затихать, уходить с каждым выдохом, теряться в этом ощущении света, чистоты, нежности, что несло для него одно только воспоминание о ее глазах...

Кровь!

Резкий запах и следом далекий голос Айшарин:

«Срочное послание из вашего домена ДарНахес от лорда Хашрага».

«Ну?» — ощущение света и спокойствия стремительно сметалось вновь вернувшейся яростью.

«Лорд Хашраг, которому вы выделили устье реки Кары, прислал сообщение о том, что его смерть останется на вашей совести... — последнее Айшарин проговорила едва слышно».

«Что? — переспросил взбешенный принц Хаоса».

«Магистр, он собирается совершить ритуальное самоубийство...»

«Заччем?!»

«Чтобы... воззвать к вашей совести и чувству справедливости, как тут написано» — пробормотала дриада.

Несколько секунд Эллохар потрясенно смотрел в темноту. Затем набросил на себя иллюзию, скрывая свое присутствие от трех проходящих мимо женщин и с некоторым недоумением спросил:

«Где лорд Хашраг набрался этой гадости? Он же коренной житель Хаоса.»

«Он да, — секретарь несколько замялась, — но с некоторых пор в Мирах Хаоса ходит слух, что столь длительно проживая в излишне лояльной Темной Империи, вы поднабрались всей этой гадости, вроде милосердия и совести.»

Некоторое молчание, затем угрожающее:

«Я понял».

Вспыхнуло синее пламя.

***

Миры Хаоса.

ДарНахес.

Две черные лягушки печально смотрели на демона, старательно прикладывающего клинок к первому из сердец. Печально журчали красные воды речушки Кары, неспешно скользя по острым черным камням долины Смерти, ветер лениво трепал серый песок и скудную одежду собравшихся демонов. Семь кланов — Шакарра, Асхе, Дакта, Иллору, Акха, Ршаг и наиболее заинтересованный Харрагаша, взирали на попытку ритуального самоубийства.

Лорд Хашраг ждал!

Поглядывал на четвертое из имеющихся солнц, ныне как раз заходящее и окрасившее в красные тона заката все вокруг, и ждал появления раскаявшегося дарая и собственного спасения. Он им докажет, он всем докажет! Ведь известное дело — наследник Хаоса месят

пил по всем тавернам, и никого, абсолютно никого не убил! А это о чем говорит? Правильно, раскис его смертейшество, стал слабый.

И друг его — Тьер, все знают, как магистр Темного Искусства ценит жизни, все, каждый в Хаосе, а ты скажи мне кто твой друг и я скажу... То-то же, сейчас заявится, сейчас...

Лорд Хашраг чуть-чуть поправил острие кинжала, чтобы удобнее было держать, и с трудом подавил улыбку, услышав гул синего пламени.

Принц Хаоса возник трех шагах от «жертвы», мрачно огляделся. Толпа из низших демонов мгновенно повалилась на ноги, прижав правые ладони к груди и склонив головы. Ненадолго. Эллохар, прищурившись, пронаблюдал за тем, как низшие, прекратив изображать покорность, стали следить за событиями. С интересом. С ожиданием. С готовностью отказаться от вассальных обязательств. Тяжело вздохнув, магистр повернулся к лорду Хашрагу.

Демон, осознав, что представление можно начинать, собственно начал с патетичного:

— Смерть моя...

— Почему сразу смерть? — насмешливо поинтересовался лорд Эллохар.

Хашраг недоуменно взглянул на своего дарая, ощутил неуловимый подвох, но решил продолжить:

— Смерть моя, на вашей совести останется, о, повелитель!

— Вот Бездна! — заметно расстроился принц Хаоса.

Демоны заволновались. Судя по тому, что они видели, план лорда Хашрага уже осуществлялся, и низшие готовы были начать требовать, но...

— Нет, смерть, — начал Эллохар, — это как-то все милосердно, не находишь?

И принц Хаоса улыбнулся. Зло. Взбешенно. Предвкушающе.

— Мы поступим иначе, Хашраг, — голос высшего разнесся по всей долине Смерти. — Гораздо более... практично.

И в следующее мгновение правая рука низшего лорда выронила кинжал. Но самого лорда Хашрага это уже не волновало — потому что его рука ему более не принадлежала — высший держал ее, оторванную, истекающую кровью, двумя пальцами, даже не скрывая отвращения. Затем легко отшвырнул прочь, в сторону черных лягушек. Первая из них неверяще дернула лапкой, вторая от счастья свалилась с камня. Но тут же хор осчастливленных лягушек огласил окрестности и сотни маленьких зубастых обитательниц речушки бросились на неожиданно приваливший ужин.

— Да, — глядя на пиршество, меланхолично произнес принц Хаоса, — я милосерден и добр. Кого бы еще осчастливить?

Шорох — и толпа демонов растворилась в пространстве, беззвучно и мгновенно, как и все жители Хаоса, нисшие демоны умели правильно оценить обстановку.

Лишившийся руки лорд Хашраг тихо взвыл, но даже этим не разжалобил своего дарая.

— А мне понравилось быть милосердным, — Эллохар повернулся к демону, — что там тебе еще в жизни мешает?

— Пповелитель? — демон в ужасе упал на колени.

— И вообще, тебя чем-то проявленная мною милость не устраивает? — продолжил издеваться магистр.

— О нет-нет, что вы, прекрасная река, чудное низовье, — затараторил Хашраг.

— Рад, что ты оценил мою милость и щедрость, — Эллохар не скрывая презрения

взирал на низшего. — Заселение начнете немедленно.

Регенерация твоей конечности займет месяц — и ровно через месяц я проверю результаты работ по освоению долины Смерти. И учти, Хашраг, я могу быть еще куда более... милосердным.

Вспыхнуло синее пламя.

Оставшись один, демон взвыл уже не скрываясь, стащив ремень, попытался перевязать оставшийся от руки обрубок, и даже глаз не поднял, на подошедших демонов его клана.

А в десяти шагах, у рода Чернолапых шел самый настоящий пир — демоны редкое лакомство, особое, лягушки довольно квакали, вгрызаясь в подаренный ужин, славя на веки имя великого и милосердного принца Хаоса.

***

Западное королевство дроу.

Резиденция шестого жреца великой Тьмы.

Одна часть демона спала с того самого момента, как он упал в обморок, имитируя страдания юной магини. Тахир спал, пока его нес на руках младший жрец, спал, когда его положили, пытался спать, когда в спальню вошел Золотой жрец.

Больше спать не выходило. Со смесью малоприятных чувств, демон сквозь полуопущенные ресницы, пронаблюдал, как дроу медленно обнажается... Как стягивает мантию, нижнюю рубашку, сапоги, штаны... Невольно, чисто по-мужски, сравнил размеры, самодовольно хмыкнул про себя, отметив собственное преимущество в данном вопросе, и занервничал, когда распутивший волосы жрец шагнул к постели.

Но нервозность лишь усилилась, едва Таэлран произнес:

— Ты не спишь, Найрина, это знаешь ты, это не укрылось и от меня. Как и твоя насмешка, при виде моего достоинства. Полагаешь, размер заслуживает неуважения?

«У него не выдающийся, — чисто из вредности сообщил Тахир напарнику. — Вообще с точки зрения демона смотреть не на что».

«А с точки зрения дроу?» — заинтересовался Ихар.

Ответить Тахир не успел, потому что подошедший вплотную жрец, ласково попросил:

— Прикоснись.

«Все, я отказываюсь в этом участвовать! — запаниковал демон».

«Обморок?» — предложил Ихар.

В спальне Золотого жреца магианна Сайрен стремительно потеряла сознание. На этот раз искренне и без притворства.

Великий Таэлран перевел потрясенный взгляд с девушки на собственное достоинство, и не нашел ничего столь ужасного, что могло бы вызвать обморок. Прошел к стене, подошел к зеркалу — посмотрел еще раз.

Поразмыслив несколько мгновений, накинул мантию и вышел из спальни.

«Все, он ушел, — сообщил Ихар напарнику».

«Отвянь, у меня культурный шок, — отказался выходить из несознанки Тахир».

«Да ушел же он, — раздраженно повторил Ихар. — Прекрати панику и выбирайся».

В спальне Золотого жреца Найрина Сайрен медленно открыла глаза, осторожно села на постели, огляделась увидела дверь. В следующее мгновение дверь открылась, пропуская шестого жреца с вином и двумя бокалами в руках. Девушка затаила дыхание. Таэлран же шумно выдохнул, прищурил глаза и резким движением руки распахнул полы мантии. Оно предстало свету.

«Все, я в спасительный обморок! — решил Тахир».

Несколько секунд Золотой жрец смотрел на девушку, вновь бессознательно лежащую на кровати. Затем тяжело вздохнул, переставил вино и бокалы на полочку у двери и пошел надевать штаны. Он слишком поздно вспомнил, что между невинными и уже познавшими мужчину человеческими женщинами лежит огромная, трудно преодолимая пропасть, которую влюбившемуся Таэлану только предстоит преодолеть.

***

Третье королевство. Сарда.

Наирин Сайрен.

— Мы очень рады вас видеть, — в который раз произнесла я заученную фразу, улыбаясь двум аристократам.

Лорд Дегори и лорд Аенаэри, как и полагается высокородным, прибыли без супруг. Оба приветствовали меня сдержанными кивками, пытаюсь вспомнить, где могли раньше видеть. Не вспомнили, я и не удивлена — мне довелось ассистировать господину Горну, когда тот спасал от отравления обоих лордов. Ситуация была не банальна — мышьяк растворив в вине подали аристократам в такой дозе, что даже магу не суждено было выжить. Лорды выжили, приняв случившееся за особо сильное похмелье.

— Странное дело, — задумчиво разглядывая меня, произнес лорд Дегори, — такое ощущение, что я уже видел вас. Мы знакомы?

— Нет, — улыбаясь наиболее радушно, ответила я.

В Уважаемых лордов ожидает лучший столик, — сообщил внезапно появившийся господин Мелоуин.

За последние два часа лично я насчитала уже втрое больше столов, чем вообще имелось в чайной. Не говоря о том, что они были вовсе не лучшими, лучшие закончились три часа назад. Однако загадка разрешилась, едва я услышала слова удаляющегося кондитера:

— Вы даже не представляете, кто составит вам компанию! Потрясающий человек! Просто потрясающий! Уверен, это знакомство будет вам крайне полезно!

Говоря простыми словами, уважаемый господин Мелоуин усаживал по пять-шесть человек за один столик, и каждого убеждал, что ему «просто сказочно повезло». И следующему тоже повезло. И вообще везучих набралась целая чайная.

Зато по всей «Магии Чая» разносился приятный чайный аромат, перекрывающий даже запах цветов, и один этот запах словно делал разговоры тише, атмосферу приятнее, лица дружелюбнее. И единственное, что меня действительно огорчало — отсутствие господина Эллохара. Почему-то, несмотря на размолвку, я искренне надеялась, что он придет... И до сих пор пустовал один кабинет, по моей просьбе, на удивление исполненной господином Мелоуином. Но моего спасителя, и спасителя всей чайной, не было. С момента открытия прошло более четырех часов, уже ушли первые гости, но все прибывали и прибывали новые, однако тот, кого я ждала с замиранием сердца, так и не пришел.

Вновь посмотрела на вход, грустно улыбнулась, усилием воли подавив желание обнять себя за плечи. Я чувствовала себя одинокой здесь, среди почти сотни людей. Я отовсюду ощущала взгляды, и мне было неловко. Хотелось уйти, давно хотелось, еще с момента открытия, я ведь даже предположить не могла, что придется стоять у входа, всем улыбаться, всех приветствовать...

Вошли новые посетители — господин Элрус, кондитер, и господин Таго, трактирщик. Они были в толпе тех, кто ухаживался, едва мы повесили объявление о том, что «первая

чашка бесплатно», а сейчас никто уже не улыбался, оба были предельно суровы.

— Приятного вечера, — да, улыбаться пришлось мне. — Мы рады вас видеть.

Торговцы переглянулись, господин Элрус толкнул локтем в бок господина Таго, и прошипел достаточно громко:

— Чего молчишь, деревенщина? Ишь, сама целая леди магианна рада нас видеть!

Внезапно поняла, что больше никогда не буду приветствовать клиентов. Что бы ни говорил господин Меллоуин, для меня это унижительно.

— Прошу вас, проходите, — стараясь сохранить улыбку, предложила я.

И мне уже было все равно есть там столики или нет, хватит им места или не хватит и что скажет господин Меллоуин. Наверное, это было последней каплей. И едва господа прошли, я повернулась, нашла Германа, и жестом показала, что ухожу.

Младший Шилли торопливо подошел, и тихо спросил:

— Надолго?

— Пройдусь, — шепотом ответила я, — не могу больше.

Кивнув, Герман ответил:

— Недалеко только, — и встал на мое место.

Ни на кого не глядя, и не обернувшись на оклик господина Меллоуина, я вышла из чайной, изобразила улыбку, проходя по заполненной клиентами террасе, выйдя на улицу, прошла мимо внушительной очереди, которая, казалось, только увеличивается, и, перейдя дорогу, вошла в городской парк. Хотелось подойти к озеру, сесть на берегу, опустить руки в прохладную воду, посмотреть на распустившиеся в сумраке кувшинки и не думать, просто забыть о сегодняшнем вечере.

Но если бы я только могла предположить, что увижу у озера, я бы осталась в чайной. Я бы навсегда там осталась. Я бы улыбалась всем и каждому, говорила заученные реплики и радовалась наплыву клиентов.

Потому что вопреки всем доводам разума, увиденное, причинило мне такую же боль, как вид сгорающего родного дома. А может и более сильную... И застыв в тени огромного, затмившего свет фонаря дерева, я с ужасом смотрела на то, как господин Эллохар, обнимая за талию одну женщину, страстно целует другую... И не было сил пошевелиться, не нашлось мужества отвернуться, не хватило благоразумия просто уйти. Я продолжала стоять там, чувствуя, как все сильнее болит сердце, так сильно, что по щекам заструились слезы.

***

Третье королевство. Сарда.

Даррэн Эллохар.

Магистр Смерти чувствовал растущее раздражение. Бесило все — охамевшие демоны подвластного домена, ночной человеческий город, запахи, отдаленный женский смех и голод. Голод по женскому телу. Почти невыносимый голод. Идеальным решением было бы уйти в Хаос, в пустыню, сорвать усталость и раздражение в битве с нахессами, точно зная, что подобный риск дед не одобрит, но хотелось... Или женщину. Схватить, прижать к себе, ощутить как все быстрее бьется сердце, вдохнуть запах ее желания, резко решительно войти и снять проклятое терзающее все сильнее желание. Но стоит прикрыть глаза, хоть на миг, как перед мысленным взором раз за разом вставала хрупкая фигурка человеческой целительницы.

Бешенство!

И столь редчайшее для демона разделение личности, ведь одна его часть неистово

желала женщину, эту конкретную женщину и только ее, а вторая с ледяной уверенностью твердила «Рано. Так нельзя. Рано!».

«Справлюсь — не справлюсь? — меланхолично подумал магистр Смерти».

Эллохар привык здраво оценивать собственное состояние. Здраво, критично, объективно. И сейчас понимал — сорвется. Слишком зол. Слишком взбешен. Слишком живы картинки и образы, выдернутые из сознания Ислана Габора.

Тихий смех привлек внимание мгновенно, и магистр медленно повернул голову, переводя взгляд с озера, на двух, стоящих неподалеку женщин. Яркая броская одежда, макияж, сладкий запах духов. И не осталось сомнений, о том, кто перед ним.

— Гостиница ближайшая где? — чуть более холодно, чем следовало, осведомился Эллохар.

Женщины переглянулись и рассмеялись. Темноволосая шагнула к нему, и кокетливо спросила:

— А двоих господин желает?

— Жажду, — искренне ответил демон.

— А ты опасный, — шатенка приблизилась осторожно, но прильнула к нему первая, и, потянувшись к губам, прошептала: — И что, действительно двоих сразу?

Он ответил на поцелуй нехотя, и сразу закрыл глаза, что редко делал, предпочитая подглядывать за женщинами, исключительно из эстетического удовольствия. Сейчас закрыл, и в нос тот час же ударил запах — свежий, чистый, манящий, сводящий с ума. Запах, от которого вмиг закружилась голова и проснулось что-то глубокоскрытое, звериное, яростное.

Вот только одна проблема — запах принадлежал совершенно не той женщине, что сейчас стонала в его объятии!

Слишком поздно Эллохар осознал, на что среагировала его кровь.

И слишком отчетливо ощутил запах слез. Ее слез.

Замер, тяжело дыша и больше не целуя застонавшую от обиды женщину, но обернуться и взглянуть в глаза той, что стояла в двадцати шагах, просто не смог. Вероятно впервые в жизни.

***

Третье королевство. Сарда.

Наирин Сайрен.

Я не знаю, как нашла в себе силы, развернуться и уйти. Уйти не оборачиваясь, не издав ни звука, даже не всхлипнув, хотя рыдания сотрясали все тело. Боль оказалась чудовищной. Наверное, так же больно, мне было и после гибели родителей. Давящее ощущение чего-то необратимого. Уже случившегося. Непоправимого. Я ведь смирилась с гибелью дома — знала, что будет время и отстроим заново, я не отчаивалась, когда исчез Ниран — точно знала, что брат вернется, мне было тяжело, когда умирала няня, и все же смерть от старости, она нормальна.

А то, что я увидела сейчас — нет.

Я не могла объяснить самой себе почему, но для меня случившееся стало непоправимым.

Я просто перестала ждать господина Эллохара. Перестала ждать чего-то светлого. Перестала ждать чуда, высшей справедливости, будущего... Всего.

И вернувшись на свое место у входа в чайную, я окончательно уверилась — здесь мое место. Это теперь моя жизнь. Все вот это моя реальность.

Вошли новые клиенты.

— Добрый вечер, мы рады вас видеть, — а сама словно видела себя со стороны.

Улыбающуюся, радушную, определившуюся. И продолжая улыбаться всем абсолютно, я вспомнила сегодняшнее чаепитие с книги, которые он давал, места, что вал. И как-то внезапно, ощутила себя неимоверно глупой. Тогда не понимала, а сейчас, когда перед глазами, словно наяву стояла картинка, где освещенные фонарным столбом целовались он и та женщина, все стало так понятно. И я действительно ощутила себя глупой. Глупой настолько, что хотелось расплакаться от

обиды. Поцелуй — вот награда спасителю. Вот чего он так жаждал. Поцелуй. И как-то совсем не к стати, вспомнилась та встреча, когда я приняла этого мужчину за умалишенного пьяницу, и тот намек...

Все тайное, когда-нибудь обязательно становится явным, ведь так? И я, продолжая стоять и радушно улыбаться, как-то неожиданно осознала, чего именно желал от меня господин Эллохар. Примерно того же, что требовал и лорд Экнес. Того, что пытался добиться главарь банды Крестов Джекас...

И моя улыбка померкла.

— И что опять такое? — господин Меллоуин возник неожиданно. — Чего мы стоим с кислой рожцей и клиентов распугиваем, а?

Алех подошел на костылях, внимательно посмотрел на меня, кликнул извозчика, и сухо сказал Меллоуину:

— Найри едет домой.

А едва мастер-кондитер попытался возразить, тихо повторил:

— Домой. Не обсуждается.

Отрицательно покачав головой, я повернулась, и, стараясь все так же радушно улыбаться, прошла по залу. Что ж, открытие чайной можно было считать более чем успешным — зал был забит до отказа, подавальщики сбивались с ног, разнося чай и сладости, за каждым из столиков велись беседы, а со стороны кухни управляющий господин Данес делал мне отчаянные знаки. Я заторопилась к нему. Как оказалось, у нас заканчивалась выпечка... Катастрофически. А до закрытия еще часов пять, не менее.

Подошел Сэм, как и я, оглядел пустые подносы из-под пирожных и печений, мы переглянулись.

— Собственно я к чаю люблю бутерброд, и чтоб с ветчиной, — заметил он.

— Предпочитаю сыры, — почему-то шепотом ответила я.

— Ну так и чего встали? — раздался за нашими спинами уже поднадоевший басовитый голос. — Шустро-шустро давайте, Германа, стало быть, к госпоже Шилли за хлебцом свежим, а вы по лавкам прокатайтесь, и чтобы сыр самый лучший, а ветчину по ароматнее!

Мы покинули чайную через черный вход, следом за нами выбежал Герман, двуколку он уступил нам, она быстрее, сам на телегу и погнал по ночной столице. Мы же заторопились в самую дорогую сыродельню Сарды, избрав ее не столько за качество, сколько за расположение к мясницкой лавке господина Броу, давнего друга семейства Шилли.

Обернулись быстро, но все же Герман нас опередил, и теперь в чайной царил не только аромат чая, но запах свежей сдобы и горячей выпечки.

— Завтра в Сарде не досчитаются хлеба, — заметил Алех, единственный кто не участвовал в бедламе на кухне.

Нам же было не до разговоров — я резала сыры специальным ножом, который мастер

Голбри подарил, вникнув в наши трудности, Герман и Сэм таскали ящики с хлебом и выпечкой, кухарки нарезали ветчину, а мастер-кондитер Меллоуин добавлял пункты в меню «Мясное ассорти»,

«Сырное ассорти», «Бутерброды «Настоящий мужик».

— Грубовато, не находите? — заметила я, проходя мимо и увидев последний пункт.

— Зато сразу ясно, что к чему. Для сего блюда ломти надобно толстые, что мяса, что хлеба.

А потом как-то получилось, что в кухне остались только я и мастер-кондитер, потому как даже кухарки спешно переоделись и

направились в помощь подавальщикам, и вот тогда, прекратив на мгновение нарезать сыры, я тихо спросила:

— Господин Меллоуин, а как давно вы знаете господина... — Эллохара?

Искоса глянув на меня, мастер хмыкнул, и как-то подозрительно произнес:

— Так, пришел уже.

— Кто пришел? — удивилась я.

— Лорд Эллохар, стало быть, — пряча усмешку в бороде, ответил мастер-кондитер. — Ужо и провел за столик отдельный, и чай отнесли ему, и стало быть бутерброды вот только что. Которые для настоящих мужуков, ага.

Нож выпал из моих ослабевших пальцев. В ужасе глядя на мужчину, я выдохнула:

— А... почему вы мне сразу не сказали?

— Вот потому-то и не сказал, — укоризненно глядя то на меня, то на нож, проворчал господин Меллоуин, — сказал бы сразу, сыр бы резать было некому.

Мой взгляд скользнул по тарелке, полупустой и не оформленной как полагается, а после я почему-то отошла к скамье в углу и села. Как-то разом навалилась дикая усталость, я же с рассвета на ногах. И чувства, противоречивые настолько, что не было сил в них разобраться. Сегодняшний успех чайной был бы невозможен без мастера Меллоуина, я это понимала... да все понимали. А еще я помнила те мешки со специями, и было страшно даже представить сумму, которую я теперь должна была господину... нет, лорду Эллохару. И это помимо благодарности, которую я тоже должна была испытывать. Я и испытывала, вот только к чувству благодарности примешивалась какая-то горечь и жгучая обида.

— Ты это, — внезапно заговорил мастер Меллоуин, — лорд Эллохар он сладкое любит, я там отложил, для него стало быть, и пирога кусок, и печенье ореховое, снесла бы, а?

Поднявшись, я вымыла руки, вытерла насухо. Поправила прическу, платье, после подошла к указанному мастером шкафу, достала поднос, на котором действительно много чего было. Переложила на большую белую тарелку, посыпала измельченными орешками, поставила сбоку три пиалы с сиропом, медом и розовым вареньем.

И не глядя на посмеивающегося мастера Меллоуина, вышла.

Чайная все так же была переполнена, более того — даже отсюда я видела очередь, выстроившуюся на дороге. У дверей, встречая посетителей, стоял Герман, и вот он был как раз на своем месте — радушно приветствовал всех, пожимал руки, перебрасывался общепринятыми фразами, подмигнул мне, увидев. И я, словно очнувшись от забытья, свернула к отдельным кабинетам. Здесь тоже было полно народа — слышался смех, разговоры, призывы подавальщиц. Я же прошла дальше, вглубь зала, туда, где находился один из самых отдаленных столиков.

Подошла, несколько секунд стояла в нерешительности, затем заставила себя

улыбнуться, одернула ткань, и решительно вошла.

— Прекрасного вечера, мы рады вас... — начала я и осеклась.

В кабинете было пусто. На столике остался нетронутым чай и бутерброды, к которым так же никто не прикоснулся. И это было первое, что я увидела, только потом взгляд выхватил из расплывающегося мира красную розу на длинном стебле, и поверх него конверт. Смахнув набежавшие слезы, я подошла к столу, осторожно поставила тарелку, и мне было действительно не просто не уронить ее. После взяв конверт, медленно, словно оттягивая неизбежное, открыла, достала сложенный вчетверо лист, и прочла:

«Мне жаль».

Я на мгновение закрыла глаза, всего на миг. Потом открыла, понимая, что слез больше нет. Затем протянула листок к горящей на столе свече и молча проследила за тем, как жадный огонек алчно поедает лист. После достала из кармана другое послание, то, в котором говорилось, что лорд Эллохар с радостью принимает мое приглашение и... тоже сожгла. И конверты, один за другим.

А после медленно повернулась и вышла из кабинки.

***

Хеарин осторожно заглянула в кабинку, из которой только что вышла бледная девушка, удивленно посмотрела на магистра Смерти. Эллохар сидел, сложив руки на груди и неотрывно глядя в одну точку.

— Вон, — не поворачивая головы и даже не взглянув на нее, приказал принц Хаоса.

Вампирша мгновенно вышла, но осталась стоять за тонкой тканью, прислушиваясь к каждому звуку. Но единственное, что смог различить острый вампирский слух, было ревом огня, и когда адептка вновь заглянула — в кабинке уже никого не было.

***

Темная империя.

Ксарах. Школа Искусства Смерти.

— Соер ко мне, — приказал появившийся в приемной магистр Смерти.

Айшарин перепугалась настолько, что даже не кивнула в ответ, Тараг метнулся исполнять поручение.

Эллохар ни на кого не глядя, вошел в кабинет, сел за стол, открыл папку с полекционными планами магианны, стал быстро пролистывать. Настолько быстро, что вошедшая Соер, решила было, что никто и не собирался читать ее план, но ошиблась.

— Четырнадцатая лекция, «Пути коррекции болевой чувствительности», расписать подробнее. Лекция семьдесят восемь «Физиопатология жирового обмена», убрать, лучше расширьте информацию по физиологии жирового обмена. У вас память абсолютная?

Магианна не сразу поняла, что это вопрос, а не распоряжение. Но под внимательным взглядом магистра кивнула, потом осознала вопрос, и отрицательно покачала головой.

— Тогда за какой Бездной вы не записываете?! — последовал мрачный вопрос.

Женщина метнулась к столу, схватила лист, и, наклонившись, торопливо вписала лекции с пометками.

в Сердечная аритмия, — продолжил Эллохар, — лекция семнадцать пятый курс, добавить информации.

У вас обучаются вампиры, для них биение сердца иной раз гораздо более значимо, чем слова произнесенные объектом исследования, учитывайте их интересы, ведя лекции о сердечно сосудистой системе. Вы были замужем?

Соер, торопливо записывающая, ответила не задумываясь:

— Да.

— И какова причина вашего одиночества сейчас?

— Измена, — так же не поднимая головы, ответила магианна.

И вздрогнув, вскинула голову, потрясенно глядя на демона. Эллохар, словно и не было вопросов, наставительно продолжил:

— К слову контролируйте биение сердца на лекциях. Учтите, сохранять каменное выражение на лице в моей школе не панацея, здесь горных троллей и тех доводят. Вы подготовили великолепный план лекций, но должен признать — читать скучно. И это недостаток, магианна Соер. На лекциях адептам Смерти должно быть интересно, познавательно, комфортно. Советую подготовить один-два любопытных факта для каждого занятия. В остальном я более чем доволен, вам удалось избежать тех целительских историй, что могли бы вызвать психологическую травму у детей. С завтрашнего дня приступаете к работе. Тараг!

Призрачный змей возник посреди кабинета.

— Это Тараг, — вежливо представил Эллохар своего возрожденного духа, — в случае возникновения непреодолимых трудностей вызываете его. Имя запомнили?

Леди Соер нервно кивнула.

— Превосходно. — Директор школы Смерти закрыл и протянул ей папку. — Отоспитесь, завтра вас ждет сложный, но интересный день. Кошмарных.

— И.... ввам доброй ночи, — отозвалась магианна, и, не оборачиваясь, покинула кабинет.

Возрожденный дух вопросительно смотрел на магистра, а тот крикнул:

— Айшарин!

Сумеречная дриада мгновенно возникла на пороге.

— Все текущие дела сюда, немедленно.

— Все? — осторожно переспросила секретарь.

— Я должен повторять?

Девушка испарилась мгновенно. Тараг последовал ее примеру.

И только оказавшись вдвоем в секретарской, они рискнули обменяться фразами:

— Лучше бы пил, — прошептал возрожденный дух.

— С его работоспособностью, он все закончит за ночь, — в свою очередь прошептала Айшарин, — о том, что будет к утру страшно подумать.

— Такое уже было? — выдохнул Тараг.

Айшарин, собирающая папки с документами, остановилась, задумалась на миг, и отрицательно покачала головой, а затем прошептала:

— Было, когда Василена замуж вышла, но не так, отошел за два часа, да и пить сразу начал. Сейчас что-то другое...

И она выбежала, чтобы отнести магистру первую стопку документации.

К трем часам ночи магистр Смерти благополучно завершил даже с тем, чем вообще не планировал никогда заниматься прошениями о милости, которые ранее благополучно сжигались в мусорном ведре.

В четыре утра в Школе Смерти прозвучала боевая тревога — по результату просмотра шесть курсов благополучно были оставлены на второй год полным составом.

В пять утра во дворце повелителя Ада появился улыбающийся наследник. Его

стремительная легкая походка вынудила крылатых стражей спешно разбудить главу безопасности, но к тому моменту, как СеХарель появился в приемной Арвиэля, здесь уже всем было плохо. А над перепуганными горгульями звучал чуть ленивый, грозящий неприятностями голос Эллохара:

— Так я не понял, где финансовый отчет за прошлый год?

Глава клана Хедуши, прищурившись, припомнил, что что-то об этом слышал. Воспоминания приняли очертания старого демона, ползающего на коленях перед повелителем Миров Хаоса, и завывающего на весь тронный зал. И что-то про казнокрадство по неразумности, читай из неумной жадности, и про ярость наследника, если тот узнает, и про готовность возместить все повелителю, все-все, и даже сверх меры, только бы Смерть не узнал. Даррэна боялись, СеХарель знал об этом, но только сейчас задумался о том, что наследника Хаоса демоны подсознательно опасались куда больше, самого повелителя Арвиэля. Даррэн, в понимании жителей Хаоса, был непредсказуем как сама Смерть, и стол же беспощаден, вот и сейчас, стоя за дверью, крылатый демон ощущал безотчетный страх всех, кто находился в администрации властителя Ада.

— Я что, повторять должен? — негромко, но с откровенной угрозой произнес магистр Смерти.

СеХарель, понимая, что невмешательство может грозить парой-тройкой смертей от сердечного приступа, толкнул дверь и стремительно вошел.

В администрации властителя Миров Хаоса царил этот самый хаос.

Горгульи и стригои, едва дрожащими конечностями расставляли папки с несгорающей бумагой на столах, в поисках нужной наследнику информации, в то время как в их глазах отчетливо читался поиск путей к спасению. Бадзулы не боялись никого и ничего, мускулистые духи выстроившись перед Эллохаром, с готовностью мгновенно исполнить, ожидали приказаний.

— Так, лорда Эгга ко мне, — не поднимая головы и перелистывая отчеты, приказал принц. — И Докру.

Двое бадзулов растворились в воздухе.

— Хавишра сразу казнить, — продолжил Эллохар.

Еще один бадзул исчез, ринувшись исполнять приказ.

— Эм, Хавишра за что? — осторожно спросил СеХарель.

Не поднимая головы, принц Хаоса протянул ему стопочку из шести документов. СеХарель подошел, приподняв крылья чтобы ненароком не смахнуть чего со стола наследника, взял протянутое, начал читать. Молниеносным чтением кроме принца Хаоса не обладал никто, но все же читал глава клана Хедуши достаточно быстро, и с нарастающей яростью прочел приказ о назначении Хавишра на должность седьмого казначея собственного клана, после договор о съеме жилья для некой Лиллит Энн, после о покупке жилья на ее же имя, после следовал договор об абсолютной доверенности для лорда Хавишра на собственность госпожи Лиллит Эин.

— Он покупал собственность, используя в качестве подставного лица свою любовницу? — прошипел разъяренный демон.

— Угу, — отозвался Эллохар, судя по тону даже не вникнувший в вопрос крылатого. — Главу клана Грэш на допрос.

Очередной бадзул исчез, но СеХарель передумал вмешиваться. Это Ад, здесь уважают силу, опасаются непредсказуемости и осознают степень проступка, лишь перед лицом

наказания. Вернув документы на стол, крылатый демон повернулся и вышел. Он знал, что повелитель проснется только через час, и как всегда Арвиэль будет танцевать с песками, тренируя силу, выдержку, скорость. Затем вернется к завтраку, и лишь после этого сам СеХарель обязан будет доложить о происходящем. К этому времени принц Хаоса наведет порядок даже там, где его никогда не было.

Но в то же время, ступая по отполированным каменным переходам дворца властителя Хаоса, демон все пытался понять — что происходит с наследником. Женщина? Эту мысль СеХарель отверг сразу, ведь Эллохар был кристально трезв. Проблема с любимым учеником? О появлении идущих путем ненависти в Аду были осведомлены, разведка достойно отрабатывала свое золото, потому знали и то, что Тьер держит ситуацию под жестким контролем. Значит не в этом дело. Тогда в чем?

***

Миры Хаоса,
ДарХешран, пустыня,

«Все меняется, слышишшшш... Она проснется шшш... I Она идет... шшш... слышишь скрип ее когтейшшшшш...»

Арвиэль разом отпустил песок и остановился. Высший демон стоял среди черных дюн пустыни Гибели, единственного безжизненного мира в Хаосе. Семь смерчей расходились от него по пустыне, и он не стал усмирять избыток собственной силы — стихия ветра прекрасна, демон умел ценить красоту.

Но гораздо больше ценил иное — своевременные предупреждения!

Взмах и вверх вздымается столб песка, меняет очертания и обвивает тело демона гибкой подвижной змеей. Еще взмах и ветер стихает, позволяя услышать шепот песка:

«Близко...шшш... близко... грань истончается... слышишшшшш скрип ее когтейшшшшш».

И черный песок осыпался.

Арвиэль вновь позволил ветру играть с дюнами мертвой пустыни и несколько секунд стоял, вглядываясь в горизонт. А затем коготь прорезал ладонь, и сквозь расстояние понеслось гневное:

«Рэн!»

Ответ пришел неожиданно быстро, и неожиданно наглый:

«Извини, занят».

«Ты в Аду? — удивился повелитель».

«Типа того, но занят, — последовал ответ».

Разъяренный Арвиэль, взбешенно приказал:

«Немедленно во дворец, ты... ты...»

«Я. Сказал. Занят!» — рык, от которого зашипел песок.

И демон застыл, пытаясь осознать, что происходит. Слизнул кровь, прерывая связь, а затем безжалостно полоснул вновь, глубже, чувствуя, как кровь забивается под коготь, и позвал:

«Риш...»

На сей раз ответ пришлось ждать долго, внучка была далеко, и даже огню в крови демона требовалось время, чтобы преодолеть расстояние, но не минуло и минуты, как он услышал:

«Темных, дедушка.»

Он улыбнулся, услышав голос единственной внучки. С грустью подумал, что даже у нее

— четверо сыновей, так что правнучки властитель Ада вероятнее всего так и не дождется.

«Тебя что-то тревожит? — встревожилась ведьма».

«Да, Риш, я чувствую надвигающуюся опасность.»

Он не стал спрашивать, что чувствует она — Риш так и не стала ведьмой в полной мере, она не могла ощутить.

«Василена тоже странно ведет себя в последнее время, — спустя недолгое молчание произнесла Благодать, — но вчера она была у Рэна, вернулась спокойная».

«Так и знал, что он в курсе, — выдохнул взбешенный Арвиэль».

«Рэн всегда в курсе, — демон словно ощутил улыбку внучки. — И если он еще не предупредил меня, значит ситуация под контролем».

Властитель Хаоса медленно опустился на песок, прикоснулся к нему окровавленной ладонью, глядя, как песчинки струятся меж когтей, и задумчиво спросил: «Ты полагаешь, он сумеет справиться с Тьмой?»

«Тьму не пробудить, дедушка, — с мягким укором ответила ведьма».

Арвиэль не стал разубеждать внучку, лишь спросил:

«Как дети?»

И сидя на песке выслушал забавный, исполненный материнской заботы рассказ. Слушал, улыбался и чувствовал всем сердцем, как счастлива Риш. А ведь был против, до последнего против, мыслимое ли дело — высшая демонесса и вампир даже не из Хаоса. Рэн был единственным, кто поддержал ее, единственным, кто присутствовал на свадьбе. Первым, кто взял в руки старшего из сыновей — Влада. И сейчас Арвиэль думал о том, что его внуку свойственна какая-то непостижимая мудрость.

Попрощавшись с внучкой, он шагнул в грани и не спеша направился ко дворцу. Белое безмолвие срединных граней умиротворяло! Тишина радовала сердце, свет настраивал на что-то возвышенное, доброе, светлое...

Арвиэль раздвинул грани и шагнул в ворота собственного дворца, чтобы застыть, потрясенным изваянием.

Дворец сверкал!

В лучах едва вошедшего солнца он искрился едва ли не всеми цветами радуги, а крылатые демоны продолжали натирать его, не прерываясь ни на секунду. Да что они! Вампиры, долженствующие с восходом солнца покинуть свой пост, мелкими веничками, выметали двор, стараясь не пропустить ни песчинки!

О том, кто может заставить демонов и вампиров настолько проникнуться рвением к исполнению поручений, Арвиэль знал, и потому, вновь шагнув в грани, миновал лестницу и вышел уже во дворец. Здесь так же было безукоризненно чисто.

Шумно выдохнув, властитель Хаоса направился туда, откуда ему уже доводилось вытаскивать внука.

Но масштаб происходящего потряс даже повелителя Ада!

— Я сказал смерть, — услышал Арвиэль, едва вошел в административный отдел.

Посеревший демон валялся перед столом слишком занявшего место Гривора принца Хаоса. Демона повелитель Ада знал — Нербиус, но вот чего он не мог знать:

— Это было двести лет назад, ваше смертейшество, двести лет же...

— Сдохнешь, — скучающим тоном небезызвестного бога подводных глубин ответил Эллохар, продолжая перелистывать бумаги. — И первый лорд твоей правой руки сдохнет, и четвертый, и даже второй левой руки и...

— Рэн, — мягко, едва слышно, позвал Арвиэль.

И в администрации все затаили дыхание, с надеждой глядя на властителя.

Надежда погибла, едва принц, не поднимая головы, ответил:

— Дед, я занят.

И все вновь вернулись к работе — горгулы таскали папки с документами из архивов, до которых уже добрался наследный принц, стригои, вносили пометки и разбирали дела вековой давности, бадзуллы ожидали распоряжений, демоны, продолжали надеяться на чудо, и бросали умоляющие взгляды на повелителя, причем как демоны осужденные, так и несчастные крылатые, в данный момент наводившие блеск на окна.

Арвиэль невольно улыбнулся и испытал желание уйти, оставив все, как есть, но в отличие от всех присутствующих, он видел то, что Эллохар пытался скрыть, направив свою бешенную работоспособность на дела Ада. И потому вновь позвал:

— Рэн.

В бешенстве отшвырнув от себя папки с такой силой, что всю администрацию на несколько мгновений заполнил дождь из документов, принц Хаоса вскинул голову, направил полный ярости взгляд на повелителя, и прорычал:

— Что?

«Он сейчас трансформируется второй раз, — неожиданно отрешенно подумал Арвиэль.»

Интуитивно ощутили опасность и все присутствующие, даже стригои, чья смерть наступила уже давно, невольно отодвинулись подальше от принца Хаоса. Что говорить о демонах — те боялись вдохнуть.

— Рэн, ты на грани, — очень спокойно констатировал повелитель Хаоса.

— Нет, я в полном порядке, — солгал Эллохар, жестом приказав ближайшему горгулу подать ему следующую папку.

Арвиэль усмехнулся про себя, но внешне ничем не показал, напротив, протянул осторожное:

— У меня здесь бочка янтарного эльфийского вина...

— Нет, — сухо, и решительно ответил магистр Смерти, вновь приступая к чтению документов.

— Огненное из предтеч Бездны, — искушающим тоном продолжил Арвиэль.

— К Бездне! — недвусмысленно отказался Даррэн.

И даже не обратил внимания, что когти его левой, придерживающей папку руки, начали стремительно увеличиваться.

«Совсем плохо, — понял Арвиэль».

И следующие несколько минут, как и все присутствующие, молча следил за внуком. Когти исчезли. Осужденный на казнь лорд Нербиус судорожно вздохнул, но даже не пошевелился. Ужас перед неведомой мощью принца словно сковал всех. А Арвиэль напряженно думал. Он, как никто знал, насколько Рэн ненавидел свою демоническую сущность. Ненавидел столь яростно, что впервые допустил трансформацию, лишь в Бездне, в момент, когда опасность грозила человечке Дэе Риате. И до этого момента, повелитель Ада искренне сожалел, что тогда, когда Рэн вернулся в облик темного лорда, он сумел сдержаться и не сделал своей ту, которую любил. С тех пор, как план не удался, Арвиэль испытывал смешанные чувства — с одной стороны он искренне восхищался и гордился сдержанностью внука, но с другой, отчетливо понимал, что всем было бы проще, поступи он

согласно своей натуре. А так дружба, благородство, великодушие, совершенно не свойственные демонам...

Но сейчас, видя, что Даррэн на грани полной боевой трансформации без каких-либо видимых причин, отчетливо понял — дело в женщине. Женщине, вызвавшей настолько сильные чувства, что демоническая натура вечно сдержанного внука рвет все оковы. Рвет неистово и яростно, пробудившись вероятно впервые.

— Рэн, — Арвиэль невольно улыбнулся, — ты влюблен.

Произнеся эту фразу, Дакрэа ожидал гнева, отрицания, ярости, да даже обращения, но внук его удивил. Как-то неожиданно сгорбившись, он, не поднимая головы, но и прекратив читать, глухо ответил:

— Все хуже — я ее люблю.

Одно движение повелителя — и присутствующие мгновенно покинули администрацию. Крылатые смылись через окна, стригои растворились, горгуллы метнулись прочь через запасной выход, осужденные демоны частично уползли, частично выбежали, не поворачиваясь к принцу Хаоса спиной. Арвиэль, усмехнулся, увидев столь открытую демонстрацию страха по отношению к наследнику, затем взял стул, подошел, поставил его перед столом Рэна, сел, и задумчиво произнес:

— Лучше бы это была Дэя.

И улыбнулся, едва внук метнул на него разъяренный взгляд.

— Ты еще очень молод, Рэн, — Арвиэль тяжело вздохнул, — слишком молод, ты еще не умеешь видеть.

— И что же ты видишь такого, что не узрел я? — издевательски поинтересовался Эллохар.

И повелитель Ада, без тени улыбки ответил:

— За Дэю ты был готов убивать, за эту женщину — умрешь не задумываясь.

Принц Хаоса промолчал, пристально глядя на деда.

— Меня устраивала Дэя, — продолжил Арвиэль. — Ты демон, мы преданы своей избраннице, и будь рядом она, даже встретив ту, что сейчас сжигает твое сердце, ты прошел бы мимо. Но все сложилось иначе... А жаль, Рэн, меня действительно устраивала Дэя — она из Приграничья, она знает кто мы, она не станет дрожать от ужаса, при виде крылатых, она своя. Не полностью, но своя, готовая видеть грани Тьмы. А та что сейчас рвет тебя на части... Рэн, твой демон рвется на свободу не просто так, и даже не из-за страсти — он стремится защитить свое, а значит твоя избранница опять человечка! — на последнем слове властитель Ада с трудом сдержал рык и продолжил: — Я могу даже больше сказать — она слабая человечка, слабая настолько, что демон стремиться через все барьеры, чтобы ее защитить. И тут одно из двух — либо у нее вовсе нет магии, либо магия есть, но в худшем ее проявлении — целительство!

На лице Даррэна не дрогнул ни один мускул, но именно это стало куда большим откровением, чем был готов принять Арвиэль.

— Проклятая Тьма, — прошипел демон, — целительница!

— Я этого не говорил, — мгновенно вставил принц Хаоса.

Вдалеке от Хайранара, там, где не было даже троп, с ревом взметнулось пламя, взорвав одну из гранитных гор. Пламя столь сильное, что взрыв стал подобен фейерверку, и все жители столицы Ада с интересом наблюдали за огненной стихией, взметнувшей вверх раскаленные докрасна камни...

Когда гул от взрыва утих, Эллохар насмешливо поинтересовался:

— Легче стало?

— Не особо, — прошипел Арвиэль.

Повелитель тяжело вздохнул, вспоминая последнее собрание высших демонов Ада, а конкретно поведение внука, его слова, его исчезновение... Затем хмуро глянул на Даррэна и прямо спросил:

— Найри, человечка из Третьего королевства?

— СеХарель отследил мое перемещение? — догадался Эллохар.

— Риторический вопрос.

— Ну да, кто же еще. — Принц Хаоса отвел взгляд и негромко, но с явной угрозой произнес: — Давненько я в дела клана Хедуши не вникал...

Арвиэль устало покачал головой и тихо спросил:

— Как ты это допустил, Рэн?

И видя, что внук не желает отвечать, продолжил:

— Ты сын целительницы, ты помнишь, какой была твоя мать. Ты знаешь, что она так и не смирилась с жизнью в Аду, не приняла наших законов, наших правил безопасности, ты...

— Хватит, — холодно отрезал Эллохар.

Но Арвиэль продолжил:

— Как ты это допустил, Рэн?

И услышал тихий ответ:

— Я не смог пройти мимо. Мне было плохо, но ей — хуже. И без меня, она бы погибла.

— Это я понял, — пристально глядя на внука, произнес повелитель, Ада. — И тогда на заседании, когда сорвался в человеческое королевство. И часто спасал?

— Риторический вопрос, — усмехнулся Эллохар.

Спустя недолгое молчание, Арвиэль подался чуть ближе к наследнику и тихо произнес:

— Я все еще не могу понять, Рэн, мы говорили о ней, но тогда в тебе не было этого чувства.

— Было, — нехотя ответил принц Хаоса. — Не осознавал.

— Как осознал?

— Пламя принесло к ней, — глядя в окно, произнес Эллохар.

— «Демоны чувствуют своих женщин», — Арвиэль усмехнулся. — Ты так старательно давил в себе демона...

— Будешь издеваться, я останусь во дворце на сутки, — прошипел Эллохар.

— Ммм, — несмотря на прозвучавшую угрозу властитель Ада не мог сдержать издевки, — а что, в твоей школе уже порядок?

— Абсолютный, — взглянув на деда, прошипел принц Хаоса. Покивав, повелитель чуть прищурился и спросил:

— Что ты натворил?

И по сжавшимся челюстям, по потемневшим глазам, мгновенно понял, что ответа не будет. Усмехнулся, кивнул, затем задал другой вопрос:

— Сумеешь?

— Сумею что? — глухо переспросил Эллохар.

— Отпустить, — слово прозвучало с изрядной долей издевки.

Впрочем, Арвиэль пожалел о своей несдержанности, едва во взгляде принца Хаоса промелькнуло нечто, полное смертельной усталости. Демон задумался, торопливо подбирая

слова, доводы, принимая и отбрасывая идеи, и когда заговорил, был уверен в каждом своем слове:

— Без тебя она погибнет.

Магистр Смерти не произнес ни слова, лицо осталось так же беспристрастным, но взгляд... Взгляд изменился, и Арвиэль мысленно похвалил себя.

— Еще только с кланом Хедуши разберусь, — заверил его Эллохар, вновь возвращаясь к бумагам.

— Конечно-конечно, успеешь к завтраку? — властитель Ада поднялся.

— Как в старые добрые времена? — с насмешкой поинтересовался наследник Хаоса

— Да, Рэн, как в старые добрые времена, — согласился Арвиэль.

И он вышел из администрации, чтобы указать на вход всем, кто стоял в черном, освещенном алыми черепами коридоре. Бадзулы метнулись первыми, за ними последовали стригои, горгулы умоляюще смотрели на повелителя, но не найдя в его взгляде сочувствия, тоже поплелись пред ясные очи принца Хаоса. Демонов затащили вернувшиеся бадзулы, а у крылатых просто не было выбора и они вновь приступили к наведению сверкающей чистоты.

— Приказания? — СеХарэль выступил из полумрака и оказался, как и всегда за спиной своего повелителя.

— В клане Хедуши порядок? — меланхолично спросил Арвиэль.

— Эм... нет, — с запинкой ответил глава клана.

— Будет, — усмехнулся повелитель Хаоса. — Уже сегодня.

— Бездна! — мрачно выругался СеХарэль.

— Сколько у нас духов-хранителей престола Ада?

— Пока все еще тринадцать, — отрапортовал демон.

— Двоих в Третье человеческое королевство, объект охраны Найри, целительница. Точки поиска адепты школы Смерти, они там точно есть, двое как минимум. Задача: Постоянная охрана. И да, — Арвиэль обернулся к Первому лорду, — главная задача — держать от нее подальше всех мужчин. Всех.

СеХарэль изумленно выгнул бровь.

— Достал со своим благородством, — зло произнес властитель Хаоса.

— Никаких нервов не хватает! Убрать всех, вообще, на радиусе сто метров. Давить на корню не то что романтику, малейшую симпатию. Чувства у девчонки к Рэну есть, не было бы, мы бы сейчас не наблюдали это, — он кивнул в сторону дверей администрации. — Проинструктируй лично, и чтобы никаких срывов.

Крылатый склонился перед повелителем.

— И да, — Арвиэль, уже сделавший шаг, чтобы уйти, остановился, — пусть мне точку выхода установят.

— Любопытно? — все так же находясь в полупоклоне, спросил демон.

Безумно, — уходя, весело ответил властитель Ада.

***

Третье королевство. Сарда.

Найрина Сайрен.

Чайная закрылась под утро, что было безмерно удивительно для всех торговцев, под конец проникнувших в заведение — ведь здесь наливали только чай. Но странное дело, когда основное количество посетителей покинуло «Магию чая», все торговцы, кондитеры,

пекари, мясники, владельцы лавок и ресторанов с Озерной улицы, как-то неосознанно придвинулись ближе, и теперь в чайной было что-то вроде круглого стола. Алех, Сэм, Герман и господин Меллоуин возглавляли собрание, мы с подавальщицами торопливо разносили чай и бутерброды, невольно прислушиваясь и к беседе.

— Знатное дело эта ваша чайная, — проговорил мастер Лотар, владелец конкурирующей с Шилли булочной, — и какова прибыли?

— На семьсот восемьдесят процентов превышающая первоначальные расчеты, — ухмыляясь в бороду, сообщил господин Меллоуин.

Кто-то присвистнул, несколько торговцев принялись в задумчивости оглаживать животы, господин Эвар, владелец той самой Озерной ресторации, в которой мы сегодня побывали с лордом Эллохаром, произнес:

— Невозможно.

— Хех, — господин Меллоуин обвел помещение, — здесь тоже как бы больше сотни усадить то и некуда, а за вечер почитай тысяча семьдесят четыре клиента и побывало, вот.

Алех, который как раз сейчас отчет делал, искоса глянул на мастера-кондитера, после в свои расчеты, пересчитал все, и

торопливо зачеркнув, написал новые цифры. Я же долила Герману еще чая, и с подносом отправилась на кухню.

Ноги едва держали. Пожалуй, я была вымотана не менее, чем после суток дежурства в лечебнице, вот только... там я ощущала, что день прожит не зря, здесь — что потерян безвозвратно.

На кухне помогла женщинам с посудой, а в шесть утра пришли две подметальщицы, и почти сразу вошел Герман.

— Найри, домой поехали, матушка и так ругать будет, что ты до утра на ногах.

Я отложила ложечку, которую натирала до блеска и без возражений пошла на выход, попрощавшись со всеми.

А вот на выходе столкнулась с господином Меллоуином. И ждал он меня один, и именно меня, потому что стоял хмурый, собранный и нервно носком сапога по полу постукивающий.

В Ну, стало быть пора мне, — сказал мастер кондитер едва я, поправляя плащ, подошла. — Приятно было помочь вам, — продолжил господин Меллоуин, — аккуратно будто в молодость свою вернулся, ажно на душе тепло. А вам, леди Сайрен, совет хотел дать.

Я, собиравшаяся было поблагодарить его, удивленно на мужчину взглянула, и не я одна — как раз Сэм подошел.

— Послушайте меня, Найрина, — мастер кондитер взял меня за руку, погладил по еще влажной после мытья ладони, — умничка вы, старательная очень, ответственная любого дорого глянуть, но... не ваше это, леди Сайрен, ох, не ваше.

Маленькие черные глаза пристально смотрели на меня.

— А чай смешиваете знатно, — улыбнулся мастер Меллоуин, — и вкус у вас отменный, вон чайная ваша — уходить нет желания, хорошо здесь, уютно, душе приятно. Этим и занимайтесь, неча вам среди клиентов ходить, им-то может и нравится, да токмо у вас сердце рвется.

Я уже даже не понимала, что он сказать хочет и к чему вообще разговор весь, как мастер Меллоуин резко выдохнул:

— А по гостю вашему зря убиваетесь, лорд Эллохар пакость конечно редкосная, но коли

помог, значит ценит вас, высоко ценит, он ведь токмо светлым душам помогает, тем кто без него не выживет. Добрый он, хоть и сам — сплошная тьма.

И с этими словами, не дожидаясь реакции от потрясенной меня, развернулся и ушел, чтобы на ходу запрыгнуть в уходящую вдаль двуколку, в которой имелось несколько мешков чая!

— Это Алех, — пояснил для меня Сэм, — он деньги предлагал, так мастер-кондитер отказался, и тогда Алех ему весь твой чай и подарил, безвозмездно и с самой искренней благодарностью. Не ожидал от старшего, он же скуп до невозможности?

— Ты не прав, Алех очень щедрый, — ответила я, глядя вслед уезжающему мастеру Меллоуину.

***

Третье королевство. Сарда.

Адепты Смерти.

— Да сколько можно? — простонала Хеарин, сползая по стене на пол. — Как она на ногах держится еще?

— А Бездна ее знает! — Ааран давно лежал на полу, подстелив мантию.

— Ты бы поднимался уже, Меллоуина за парком догнать нужно и вызвать магистра для переноса.

— Успею, — лениво отозвался оборотень. — Ты слышала, как скрепит левое колесо, м..?

— Не слышала!

— Вот-вот. Соскочит на повороте, извозчику придется повозиться, чтобы на место вернуть.

Вампирша не стала спорить и прикрыла уставшие за ночь глаза.

— Знаешь, а он прав, — протянул неожиданно Хернан.

— Кто прав? — нехотя переспросила Варнаи.

— Гном этот, — оборотень покачивал ногой, — про то, что магистр помогает тем, кто бы без него не выжил.

— А, ты про это, — девушка с хрустом размяла шейные позвонки, — ну вообще да.

— А жаль, — Ааран тяжело вздохнул, — я думал у них чего-то будет.

— У кого?

— Ну у магистра и Найрины. Хорошая она, добрая, чистая, глаза светлые, и внешне все как магистр любит.

Недоуменно вскинув бровь, Хеарин думала сказать, что тут что-то точно будет, уж она-то знала, но решила уточнить заинтересовавший момент:

— А с чего, хвостатый, ты взял, что магианна во вкусе магистра?

Пожав плечами, Хернан ответил:

— Так он в борделе показал, какие нравятся.

— Что? — от удивления вампирша вскочила. — В каком борделе?!

Осознав, что вообще зря сказал, Ааран поднялся, поморщился, и нехотя пояснил:

— В моем клане, когда исполняется четырнадцать лет, оборотень впервые познает женщину. Там обычай такой, древний, отец и старшие члены рода, рассказывают что там и чего, и отводят в место, где оборотень может выбрать женщину и...

Хеарин медленно опустилась обратно на пол, внимательно глядя на оборотня. Хернан повел плечом, словно отгонял что-то назойливое и вообще неприятное, и продолжил:

— А моих всех... вырезали же, — голос его дрогнул.

— И? — почти шепотом спросила девушка.

Адепт Смерти глянул в окно, и продолжил:

— И когда мне исполнилось четырнадцать, я сидел один в комнате, не сказал даже никому. Первый курс, все запуганные, да сама знаешь, тяжело было. А тут еще этот день, и сидишь, вспоминаешь всех, кого уже нет и... — он неожиданно улыбнулся, и продолжил: — И тут вваливается магистр, прошел, сел на кровать, посмотрел на меня, в угол забившегося, и такой:

«А сейчас, Ааранчик, я тебе поведаю, откуда дети берутся!».

— Так... — Хеарин смахнула неизвестно как появившиеся капельки на ресницах, — так мы же размножение видов на первом курсе проходим.

Клыкасто улыбнувшись, оборотень ответил:

— Да, но... но он так рассказывал, ты бы слышала. А потом мы пошли в бордель и сначала до полуночи обсуждали всех имеющихся там женщин, а потом выбрали одну, которая мне действительно понравилась, и... И это была лучшая ночь в моей жизни.

Вампирша подтянула ноги, обняла руками колени и тихо спросила: Я Даже лучше, чем было бы с отцом?

Ааран ответил не сразу, но ответил уверенно:

— Да. Отец и братья любили злые шутки, да и посмеяться надо мной не брезговали, я же последний в семье, щенок был... С магистром все было не так, по-доброму как-то, радостно, и я себя мужчиной чувствовал, смелым, решительным, важным.

Он замолчал, после взглянул на вампиршу и с удивлением понял, что она плачет.

— Хеарин, к Бездне, ты чего?

Торопливо вытерев слезы, адептка Смерти хотела было отмахнуться от вопроса, но вдруг сжав пальцы, тихо ответила:

— Когда девушке в моем клане исполняется двадцать семь, она имеет право появиться на первом балу в честь Тьмы, а я... — она прикусила губу настолько сильно, что капелька крови заскользила по клыку, и это заставило Хеарин опомниться. — А я отверженная, — прошептала девушка. — Отверженная, понимаешь? И мне нечего было мечтать ни о свадьбе, ни о самом грандиозном балу в ДарХашшаре, ни даже о том, что родной отец посмотрит в мою сторону.

Я вообще всегда мечтала, что закончу Школу Искусства Смерти, вернусь и вот тогда он поймет, что его дочь чего-то стоит. Я и в день бала так думала, сидела на лекции и представляла, как вернусь в клан. Как пройду по галерее славы, как... А тут открывается дверь, входит магистр, смотрит на всех так сурово, а затем говорит «Варнаи, пошли платье выбирать, у тебя бал сегодня».

Оборотень улыбнулся, резко встал, подошел, сел рядом с вампиршей, протянул ей чистый платок и тихо спросил:

— И какое было платье?

— Волшебное, — выдохнула адептка Смерти. — Оно и сейчас в шкафу висит светло-синее, в россыпи Сапфиров, и туфельки лежат в коробке, и драгоценности. И я никогда не забуду лицо отца, когда сам принц Хаоса, пригласил меня на первый танец...

— ДарХашшар, это же вообще глушь, — вспомнил Ааран.

— Вот-вот, — девушка улыбнулась. — Мой кинжал теперь висит в галерее славы, а клан ждет возвращения из школы, и больше никто не вспоминает, что я грязная полукровка.

Где-то вдали раздались глухие ругательства.

— Колесо сделали, — прокомментировал оборотень.

— Беги, — вампирша поднялась, — как с магистром свяжешься, возвращайся, только мы, похоже, уже едем к Шилли.

— Понял, — подхватив плащ, адепт Хернан покинул чайную.

Адептка Варнаи широко зевнула, вытерла слезы, улыбнулась тем, далеким и таким приятным воспоминаниям и поспешила на выход — к чайной уже подали двуколку.

***

Третье королевство. Сарда.

Найрина Сайрен.

Я находилась в подавленном настроении и дело не в усталости, и даже не в том, насколько я была расстроена. Что-то происходило, что-то странное, давящее, неправильное.

— Найри? — Алех протянул руку, коснулся моей ладони.

— Все хорошо, — я постаралась улыбнуться, зная, что в предрассветных сумерках улыбка будет замечена. — Ты доволен открытием?

— Шутишь? — Шилли старший хмыкнул. — Это был фурор!

Герман, правивший на козлах, обернулся и добавил:

— Это новый уровень, Найри, и мы первые, кто вообще шагнул на него из торгового сословия.

Не совсем понимая, о чем они, кивнула, все так же с улыбкой.

— Нужно будет штат пекарей увеличить, и двух поваров выделить для чайной, — начал размышлять вслух Алех, — господин Меллоуин дал инструкции на первое время, пока буду следовать им.

Снова кивнула, чувствуя, как сжимается сердце. Чувствуя на себе взгляд. Чужой взгляд. Внимательный, оценивающий, пристальный. Взгляд, от которого останавливалось дыхание, немело тело, хотелось сжаться, спрятаться, скрыться...

***

Третье королевство. Сарда.

Адепты Смерти.

Хеарин остановилась, едва ощутила изменения временного пространства. Замерла, тяжело дыша, огляделась. Внешне ничего не изменилось — утро, просыпаются в домах торговцы, слышны шаги, скрип дверей, сонные голоса... Но не поют птицы! Не ощущается и дуновенья ветерка! Не...

«Чистокровная» — шепот раздался близко, слишком близко.

Прямо за ней.

Вампирша стремительно крутанулась, единым слаженным жестом извлекая клинки из рукавов...

Никого!

Замерла, напряженная, готовая мгновенно дать отпор и вздрогнула, вновь за спиной услышав:

«На тебе печать Смерти, адептка».

Снова развернулась, взбешенная, разъяренная, опасная.

И никого.

Никого, но по земле пошла рябь...

— Дух-хранитель престола Преисподней! — потрясенно выдохнула Хеарин.

И пожалела о сказанном, едва поколебавшийся воздух, открыл того, кто скрывался.

Всадник Мрака. Один из легендарных двенадцати всадников, что привела с собой Тьма, ее телохранители, ее слуги, ее пальцы, способные дотянуться до всех миров во вселенной. Ее посланники, внушавшие ужас. Их уничтожил Хаос, свел до существования в закольцованной вселенной одной из бесчисленных песчинок черной пустыни, что растянулась на все миры Преисподней, но освободил властитель Ада, освободил и принял клятву верности, сделав духами-хранителями собственного престола. Но до сих пор, все Миры Хаоса никак не могли разгадать, почему было заключено двенадцать, а освобождено тринадцать всадников...

Именно эта мысль заставила Хеарин прекратить дрожать и бояться.

Вампирша была любопытна, как и все ученики школы Искусства Смерти, любопытна до кончиков когтей, и сейчас, глядя на чудовищное тело, закованное в чешуйчатый острый панцирь и восседавшее на змееподобном скакуне, она напряженно думала о том, откуда взялся тринадцатый. Вот откуда?

Между тем второй всадник Мрака, ДахрадЭкхар, что олицетворял собой страх, искренне наслаждался произведенным эффектом. Подчиненный клятве, данной великому Арвиэлю, он как и остальные веками томился во дворце властителя Ада, и вот, о Смерть, он наконец среди тех, чей страх можно пить, жадно глотая, наслаждаясь, торжествуя. И он пил, восторженно, алчно, смакуя каждый глоток. Вампирша, из древнего клана Хаоса, была чрезвычайно вкусна, и неимоверно испугана. Блаженство. И намереваясь сделать ее страх еще более сильным, ДахрадЭкхар наклонился и прошептал:

— Боишшшшся?

Случившееся дальше, стало самым сильным потрясением в его вечной жизни!

— Среди вас была женщина, да? — почесывая переносицу, спросила вампирша.

Второй всадник Мрака пошатнулся, устоял, взяв под контроль разум своего скакуна, и сдавленно переспросил:

— Что?

— Только не говори, что вы почкованием размножаетесь, — скептически глядя на монстра, спросила Хеарин. А затем вдохновенно продолжила: — Нет, мы, конечно, не изучали представителей Мрака, до вас просто добраться сложно, а вот парочку экземпляров из Бездны мы заграбастали, а у них все соответственно нам, в плане размножения.

Так что, среди вас точно была женщина.

Затем ее алый взгляд переместился на скакуна, и она добавила:

— Угу, плюс еще одна самка.

И змей из глубин Мрака, добытый ДахрадЭкхаром в пору бесшабашной юности, ценой потери трех братьев, он же не один в глубины направился, не удержавшись, потрясенно грохнулся на каменистую дорогу.

— Слушайте, — девушка практично вернула клинки обратно в ножны, скрытые под рукавами, — такое ощущение, будто вы только сейчас осознали, что в заточении с вами была женщина и самка, и, наверное, дико сожалеете, что не участвовали в развлекухе.

Ссагрус, змей, направил в сознание всадника, встревоженную мысль:

«Там была самка?»

«А Мрак ее знает... — растерянно ответил ДахрадЭкхар».

«Триста лет с нами была самка?! — прохрипел змей. — А я не знал?»

В следующее мгновение всадник Мрака остался без средства передвижения, потому как Ссагрус, не связанный никакой клятвой, ввинтившись в пространство, умчался искать

справедливость.

Хеарин сочувственно посмотрела на оказавшегося на земле монстра, однако не спешила помочь подняться. Во-первых, всадник Мрака был огромен, во-вторых, заметно растерян, в-третьих, судя по сосредоточенному выражению на жуткой, покрытой чешуей морде, размышлял.

— Нет, а вы, правда, никогда не задумывались над тем, откуда взялся тринадцатый? — удивленно спросила вампирша.

— Властитель Арвиэль сказал, что тринадцатого захватил сам, мы... пауза, — не думали... Да, Гибель молодой, всего-то лет двести пятьдесят...

Пожав плечиками, Хеарин спросила:

— А что вы тут делаете?

Почесав под нагрудной пластиной, ДахрадЭкхар поднялся, хмуро взглянул на ничуть не боящуюся его вампиршу и не менее хмуро сообщил:

— Приказ властителя Ада охранять объект вашей охраны.

Спросить что-либо еще адептка Варнаи не успела...

Порыв горячего воздуха из самого Ада и магия, уничтоженная на сотни лиг вокруг. Погасли свечи во всех храмах... В соседнем четвертом королевстве на всех приграничных постах вспыхнули и навеки исчезли все охранные заклинания. Двое студентов-боевиков пятого королевства, для проведения запрещенной в их государстве дуэли, забравшиеся на территорию четвертого, разом взвыли, падая на колени... Старый некромант, выживший из ума и в порыве проснувшейся мести поднимающий кладбище в черте городка, некогда отказавшегося от услуг мага, вдруг тихонечко, как-то обиженно всхлипнул и повалился мертвый, как и все поднятые им и тоже падающие наземь умертвия. А в Зегеле, портовом городе второго королевства, молодой офицер королевской армии, опоенный приворотным взглядом и стремящийся заключить в страстные объятия немолодую колдунью, вдруг остановился и понял, что делает что-то не правильное...

— Что происходит? — отступая в сумрак под терассу ближайшего здания, прошептала Хеарин.

— Повелитель Ада, — спокойно ответил всадник Мрака.

— Зачем? — девушка не замечала, как опускается на колени.

ДахрадЭкхар на жительницу Хаоса смотрел с легкой насмешкой, ему, выходцу из самого Мрака, Арвиэль не внушал безотчетного ужаса.

— Хочет взглянуть на эту вашу человечку, — ответил он.

Вампирша хотела было сказать что-то, но не смогла. Уже не смогла — мир стонал, прогибался перед силой, способной сокрушить его одним ударом, перед мощью Хаоса, способного поглотить хрупкий порядок человеческого королевства, перед властью, уничтожающей даже надежду на сопротивление...

В парке, возвращающийся оборотень Ааран, захрипев, повалился на колени, сжимая горло и прикрывая ладонью сердце...

***

Третье королевство. Сарда.

Наирин Сайрен.

Давящее ощущение усиливалось. В носу защекотало, я поднесла пальцы и с удивлением поняла, что идет кровь.

— Найри! — воскликнул Герман.

Алех молча протянул платок. Торопливо прижала к носу, сжала переносицу, подумала, что срочно нужен лед и не удержалась от мысли, что ранее со мной никогда не случалось подобного, а потом...

Серость!

Она накатила совершенно внезапно, и я вдруг поняла что сижу абсолютно одна, в сером мареве, в котором призрачно выделяются горы, море в дали, равнина... И человек — молодой, в длинном белом с алыми отворотами халате темноволосый юноша с невероятно белой кожей, красными глазами и зрачками, по три в каждом из глаз.

Видение было настолько дикостью» что я сразу поняла — случился обморок» видимо от усталости. А все это видение, рожденное воспаленным сознанием и...

— В тебе есть тьма, — голос юноши прозвучал странно.

В нем слышалось грустное удивление.

— Сильный, очень сильный дар тьмы, — продолжило мое видение, и он поднялся.

Шагнул, и полы халата, распахнувшись, продемонстрировали черную одежду, до этого мига полностью сокрытую под белизной плотной ткани. И когда он сделал шаг, весь этот мир из серого марева, словно шагнул вместе с ним... Шаг за шагом, надвигаясь неотвратно, нависая, искажаясь, корежа силуэты гор, выплескивая море, лавиной хлынувшее на равнину...

— Но свет, — продолжил жуткий юноша, — столь много света, затмевающего всю тьму...

И он остановился в шаге от меня. Остановился, повиснув в воздухе!

А я переводила взгляд с его фигуры, на творящееся позади него — гибнущую под потоками воды долину, рассыпающиеся на осколки горы, иссушенное, поднимающееся грядой скал море...

И слова вырвались сами:

— Кто вы?

— Я? — на лице юноши вдруг появилась улыбка.

Странная, чуть мальчишеская, немного хулиганская. И знакомая. До боли в груди знакомая мне.

— Дедушка, — мягко ответил молодой, невероятно молодой, на вид не более семнадцати лет человек.

— Чей? — выдохнула, и испугалась того, с какой жадностью этот меняющийся мир поглотил мое дыхание.

— Твой, — юноша присел, внимательно меня разглядывая, — уже даже нет сомнений, что твой, Найриша.

И он улыбнулся, своими невероятными глазами, вглядываясь в мои.

— Светлая девочка, — голос прозвучал, но губы юноши не пошевелились. — Но тьмы много, грани пьют жадно. Излечи себя.

И теплая ладонь коснулась моего лба. Голова закружилась, кровь потекла сильнее.

В следующее мгновение реальный мир обрушился на меня запахами, цветами, шумом, стуком копыт, пением птиц и требовательным:

— Найри, Найри, ты меня слышишь? — Алех повторно встряхнул меня за плечи.

Я непонимающе взглянула на него, затем на свои руки в крови, платок, тоже окровавленный, прикоснулась к носу указательным пальцем и прошептала:

— Ашшата.

И кровь остановилась в тот же миг. А по моим венам, артериям, мышцам, заструилось то, что я уже не надеялась — магия. Моя магия. Родная, привычная, по которой я безумно соскучилась. Магия исцеления...

— Найри? — недоуменно позвал старший Шилли.

Я молча вытерла кровь с пальцев, и почувствовала уже подзабытое раздражение — рядом больной. Повернулась к Алеху, наклонилась, прикоснулась к его ноге, и раздражение усилилось — повязка была не достаточно тугая, кость сместилась.

— Герман, дай нож, — сухо приказала я.

Он протянул молча, рукояткой вперед, я схватила, затем поднявшись с сидения, переложила ногу Алеха так,

чтобы она была вытянута, и начала резать бинты практически на ощупь.

— Найрина... — братья не мешали, но и вели себя напряженно.

Ничего не отвечая, я дорезала бинты, обнажила кожу, затем наложила обе ладони. Треск вставших на место костей, вспышка боли, которую я погасила без усилий, и процесс естественного заживления, усиленный мной в сотни раз.

— Пошевели пальцами, — снова приказ, но теперь я закрыла глаза, глядя иным зрением и на иное — нервные волокна.

Алех повиновался.

Я улыбнулась, отчетливо видя, что исцеление прошло успешно.

— Найри, — старший Шилли убрал ногу с сидения, встал, перенес вес с ноги на ногу, — к тебе вернулась магия.

— Да, — прошептала я, медленно опускаясь. — Да...

В душе росло нечто волшебное, удовлетворенное осознанием существующей справедливости. Что-то исполненное гордости. Значит профессор Лориес и профессор Девенур правы в своей идеологии и проповедовании идеи о том, что магия вернется к достойным. Сегодня был тяжелый день. Безумно, бесконечно, удручающе тяжелый — но я справилась.

И магия вернулась! Значит, я достойна. Поверить не могу... просто не могу поверить...

Огляделась, мы не отъехали еще от городского парка, а стоило его пересечь и...

— Возвращайтесь домой, — я торопливо покинула двуколку.

— Ннайри! — воскликнул Алех.

— Все хорошо, — я улыбалась, действительно улыбалась и чувствовала себя безмерно счастливой, — возвращайтесь, я попозже приду.

— Сама? — возмутился Герман.

— Сама, — ощущение собственной силы переполняло.

И помахав братьям на прощание, я устремила к ближайшему входу в городской парк, восстанавливая собственные силы, снимая стресс и горечь, после увиденного в парке поцелуя лорда Эллохара с теми... женщинами. И боль уходила, выливалась, оставляя свет высшего предназначения в душе. Оставляя приверженность идее, этике, морали, мировоззрению.

И единственное, что пугало меня, стремительно идущую по мощенным плитой дорожкам, это ощущение, что я стала сильнее. Значительно сильнее, чем была.

Еще шаг... раздражение. Легкое, словно ножом по стеклу или тарелке, вынуждающее сжать зубы. Остановилась, огляделась — под деревом лежал мужчина. И сила потянулась, исследуя ножевое ранение.

Повреждена шея, основной удар на трахеальный треугольник, рассечена грудино-ключично-сосцевидная мышца, длина лезвия не менее ладони. Больной — мужчина средних лет, крепкого телосложения, без признаков алкогольного опьянения, но легкая дымка в головном мозге, явный признак наркотического воздействия. Удар нанесла женщина. На лезвии в момент удара были остатки губного блеска, соответственно он присутствует и в ране. В данный момент острая кровопотеря, смертельный исход с вероятностью в 90 %.

Стазис наложила неосознанно, игнорируя четкое осознание, что спасти раненного практически невозможно — смерть наступит в результате геморрагического шока спустя пятнадцать минут после снятия стазиса.

Но все равно сплела каркас, подняла мужчину, разместила в энергетической конструкции и потянула за собой, значительно ускорив шаг.

В лечебнице меня встретили гробовым молчанием. Но несмотря на то, что никто, ни целители, ни санитары не произнес ни слова, в холл городской лечебницы все выходили и выходили целители, потрясенно взирая на меня, и на левитируемого мной больного. Затем появился Лориес.

Взгляд на меня, кивок, с видом признания моих заслуг и моего дара, после импульс силы, обращенный к пострадавшему.

— Смертельный исход с вероятностью в 90 %, - констатировал профессор. — В операционную его, Сайрен, ассистируете. Даннес, Эгуаш, потребуется экстренное переливание крови.

Передала управление левитируемым объектом профессору, и поспешила переодеться.

Операция длилась два часа. Этап восстановления проводила я, под четким контролем профессора Девенура. Силы действительно стало больше, значительно больше, но отчаянно не хватало знаний.

— Состояние больного стабильное, — сообщил Лориес, когда мы закончили. — Сайрен, через час еще одна операция.

— Ясно, — ответила я, снимая окровавленный халат. — Я в детское отделение.

По лестнице не шла — бежала, с единственной мыслью «У меня больше никто не умрет! Никто!». Вбежала в детскую палату. Двадцать четыре пациента, двое — в состоянии клинической смерти. Сжала зубы, сделала вдох — знаний по строению головного мозга катастрофически мало, но позволить клинической смерти перейти в биологическую я не собиралась.

***

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Третье королевство. Сарда.

Городская лечебница.

— Что она делает? — голос всадника Мрака звучал шипяще-приглушенно. — Они мои!

Хеарин ничего не ответила — вампирша устала настолько, что сначала смотрела на целительницу с откровенной злостью всю операцию по спасению одной никчемной жизни, а едва поднялись в детское отделение, попросту задремала в уголке. У нее больше не было сил возмущаться, жаловаться Страху, или пытаться связаться с магистром Смерти. Она хотела спать. Просто спать. Лечь и...

Шипение, легкое смещение граней реальности и появившийся Ссагрус прошипел:

— Там было две самки!

Адептка Варнаи сочувственно похлопала жутчайшее создание глубин Мрака по

сверкающей тьмой чешуе, сообразила, что он мягкий и теплый, и плюнув на подсознательный страх перед порождениями Тьмы, обвила гибкое тело руками, подтянулась, и устроившись на замершем от такой наглости змее, вырубилась.

— Эээ... — протянул шокированный Ссаргус.

Вампиры Хаоса были для него едой, вкусной, сочной, энергетически усвояемой едой, и вообще любимым блюдом. А еще они его боялись, все поголовно, и стандартно валились на ноги, почитая частью богини Тьмы, а тут...

ДахрадЭкхар в ответ на вопросительно-ошарашенный взгляд

Ссагруса, пожал плечами, тяжело опустил на пол, и тихо пояснил:

— Воспитанница наследника.

— А, — протянул змей, ничего особо не понимая. — Есть нельзя?

— Давно не общался с принцем Хаоса? — усмехнулся всадник Мрака.

Змей кивнул, делая вид, что убоился и только из страха терпит подобное, но осторожно сместил тело, чтобы девушке было удобнее лежать. Вампирша что-то пробормотала во сне, прижалась сильнее, улыбнулась чуть мечтательно и расслабленно, как улыбаются лишь спящие... Ссаргус приложил все усилия, чтобы сохранить выражение морды, приличествующее скакуну всадника Мрака. Глянул на ДахрадЭкхара и уловил то же сосредоточенное старание казаться суровым и внушающим страх.

И оба как-то резко принялись следить за целительницей, переходящей от одного ребенка к другому, снова и снова, вырывая жизни из цепких лап подкрадывающейся смерти.

Через час, когда за целительницей пришел санитар, Ссагрус остался караулить сон спящей вампирши, а ДахрадЭкхар двинулся следом за девушкой, размышляя на тему «И сколько это протянет в Хаосе». Выводы были самыми неутешительными, всадник Мрака четко решил, что не дольше года, а после Хайранар ждет еще одна затяжная депрессия наследника и резко возникающий после оной дефицит выпивки. К слову, ДахрадЭкхар любил выпить, при чем был ценителем особых редких вин Хаоса, но к его искреннему сожалению, принц Даррэн тоже очень их уважал...

«Вернусь, скуплю несколько бочек» — твердо решил всадник.

К полудню, после четырех операций, и продолжения лечения в детском отделении, мнение всадника Мрака кардинально изменилось.

«Месяц, максимум месяц, — думал он, поднимаясь вслед за магианной по лестнице. — У принца всегда были оригинальные пристрастия, но это явный перебор».

На последней ступеньке девушка пошатнулась, но устояла. Как порождение Тьмы ДахрадЭкхар четко видел степень истощения целительницы, изменения в цвете ауры, и те сотни белых сверкающих точек, что кружилось перед ее глазами, недвусмысленно намекая на предстоящий обморок. Но она даже не присела, и остановилась всего на миг, чтобы устремиться и дальше спасать чужие жизни.

И всадник Мрака неодобрительно покачал головой, после взмыл вверх, разрывая грани пространства. Всего через несколько минут он входил в одну из самых известных кондитерских Хайранара, столицы ДарГарая, и не обращая внимания на падающий и стремительно уползающий контингент клиентуры, подошел к стойке, чтобы прорычать:

— Черный шарп, десертный. И упаковку такую, розовенькую.

Низший демон, содержащий кондитерскую и как надобро оказавшийся в этот час за прилавком вместо своего продавца, проклял этот день, Тьму, Хаос заодно, поклонился и умчался исполнять заказ. Хотелось забиться под стойку и сделать вид что умер, очень

хотелось, но все знали, что всадники Мрака способны вытянуть умершую душу в единый миг, а потому демон торопливо смешал ингредиенты, залил основой, а после нервно огляделся. Упаковка в его заведении была одна — черная, имитирующая вкуснейший человеческий череп, с красными нарисованными глазными впадинами... Розовеньких черепов не было!

Совершенно не было. Зато имелся кувшин из аддорской глины, ужасающий глаз перламутровыми переливами...

— Ввваш зззаказ, — пробормотал демон, выставляя на прилавок сверкающий чистотой кувшин из речайшей аддорской глины, украшенный розовым бантиком, из наспех окрашенной бумаги. — Ззза счет заведения!

ДахрадЭкхар поскреб под нагрудной пластиной, и решил сегодня никого пить не будет. Кивнул обмершему от ужаса демону, взял кувшин и вышел.

Трактирщик грохнулся в обморок. Уже можно было.

Вновь прорвав пелену миров, всадник Мрака вернулся в третье человеческое королевство, вошел в детское отделение городской лечебницы, обнаружил, что целительница все еще там, вышел, поискал жертву...

Через несколько минут, старая санитарка, без стука вошла в палату, подошла к сидящей возле больного ребенка магианне Сайрен, протянула ей кувшин, и скрипучим старческим голосом сказала:

— Выпей, деточка, умаялась совсем.

Проснувшаяся Хеарин, потягиваясь, застыла от удивления, глядя на донельзя паршиво выполненную иллюзию, под которой скрывался сам всадник Мрака. Ссагрус уже вообще ничему не удивлялся, но действия хозяина одобрял — тоже видел, насколько ослабла целительница.

— Это что? — шепотом спросила вампирша.

— Как спалось? — в свою очередь, ехидно поинтересовался Ссагрус.

Девушка взглянула на него, на то, на чем спала, и отшатнулась как ошпаренная.

«Убьет!» — мелькнула вполне оправданная жизнью в Хаоса и опытом мысль.

— Живи, — милостиво разрешил змей. — Я тебе вообще должен.

— За что? — возвращаясь и присаживаясь рядом со змеем, шепотом спросила Хеарин.

Мечтательно прикрыв глаза и облизнув раздвоенным языком губы, Ссагрус протянул:

— За сссамку.

Адсптка Смерти, несмотря на вспыхнувшее любопытство, решила все же вопросов не задавать.

***

Третье королевство. Сарда.

Наирина Сайрен.

Паразиты. Не человеческие, ребенок съел плохо прожаренное мясо зараженной коровы, и сейчас я медленно убивала червя, разросшегося на несколько метров внутри малыша. Проблема заключалась в том, что убить его до конца я не могла — организм ребенка не справится с интоксикацией, вызванной разложением трупа червя, а значит только придушить, заставить эту гадость выйти самостоятельно...

И я убивала, медленно, заставляя его дергаться и искать пути к спасению. Таз с раствором уже был подготовлен, идеально, если ребенка стошнит, а если нет — в операционную и, наложив стазис, будем вырезать. Вот только выдержит ли истощенный

паразитом организм ребенка, это вопрос.

На скрип двери я внимания не обратила, на подошедшую санитарку Валин тоже, и не обращала бы далее, если бы не ее:

— Выпей, деточка, умаялась совсем.

Вздвогнув, повернула голову, направив недоуменный взгляд на санитарку. «Выпей, деточка?» «Умаялась?». Что это за деревенский выговор? Госпожа Валин одна из старейших сотрудников городской лечебницы, она...

Упустила. Отвлеклась на санитарку и отпустила.

— Вот моройская лихорадка! — ругательство вырвалось совершенно неосознанно.

— Чай помочь чем? — спросила санитарка.

— Операционную подготовьте, — растирая виски, попросила я.

— Выпей, и сразу пойду, — заверила меня госпожа Валин.

Разговаривает, как с душевно больной, но пить и вправду хотелось. Потянулась силой — сухари из черного хлеба размолотые в пыль, сухофрукты, изюм, странный мед, состав не смогла полностью определить, но в общем...

— Спасибо, — искренне поблагодарила я, и взяла кувшин.

Первый глоток вынудил сделать второй, третий, четвертый... Я осушила весь небольшой кувшин и смогла остановиться только тогда, когда все выпила, и почти сразу хмель, коего я даже не распознала, ударил в голову. А еще совершенно испарилась усталость, словно ее и не было, и головокружение отступило.

— Что это за рецепт? — спросила я, поднявшись и посмотрев на выходящую женщину.

Старушку?! Выходила как раз старушка, как-то шаркая и подволакивая ногу, в то время как я точно помнила, что госпоже Валин всего шестьдесят пять, мы зимой отмечали юбилей.

— Старинный, деточка, старинный, — сказала она, закрывая за собой дверь.

И открывая ее снова!

Чтобы войти энергичной, далеко еще не старой женщиной.

— Магианна Сайрен, профессор Лориес срочно вызывает вас, вторая операционная.

Потрясенно смотрю на санитарку, во рту привкус сухарей и чернослива с курагой, в голове все более и более проясняется, объяснить случившееся не могу, но спросить я обязана:

— Вы мне сейчас розовый кувшин приносили?!

— Я?! — искренне удивилась госпожа Валин. — Я только что из операционной, мне некогда было бы принести вам судно для больного и...

— Достаточно, — сказала я, — подготовьте третью операционную и ребенка, — указала на мальчика. Сейчас!

***

Западное королевство дрею.

Резиденция шестого жреца великой Тьмы.

Тахир осторожно приоткрыл один глаз... и тут же его закрыл и изобразил глубокий сон. Не помогло. Полуобнаженный шестой жрец ни коим образом не поверил магианне, и повторно провел бутоном розы по лбу, носику, губам, шее, ниже...

— Просыпайся, — чарующе — нежно произнес он, — у меня для тебя сюрприз, любовь моя.

«Во имя Хаоса, за что? — едва не рыдал Тахир».

«Терпи, — хмыкая, чтобы скрыть смех, приказал Ихар».

— Спящая красавица, — меж тем продолжал ссыпать лирикой Золотой жрец, — быть может, тебя разбудит страстный поцелуй?

— Нет! — Тахир отшатнулся от влюбленного. — Нет-нет, что вы, я уже проснулась!

Хотелось выдать что-либо вроде «Мортус дьяволус!», но демон сомневался, что юная хорошо воспитанная магианна знает

лексикон бедных кварталов столицы Ада. Да и этот, восторженно взирающий на него дроу, вряд ли бы оценил.

— Ты прекрасна, — Таэлран подался ближе к замершему демону, — такая прекрасная, такая юная... столь отчаянно пытающаяся сдержать ругательства...

«Вот, Тьма!» — чуть не пробормотал демон.

«Да, видящий это проблема, — согласился Ихар».

Будучи не в курсе мысленных переговоров, Золотой жрец меж тем двигался к своей цели, столь плавно и осторожно, что даже демон осознал масштаб подставы, только когда оказался лежащим на кровати, и придавленным мускулистым телом шестого жреца.

«Как?» — только и выдохнул он.

«Эээ... я тоже не понял, как-то вообще неуловимо» — был вынужден признать Ихар.

— Попалась, — прошептал Таэлран, склоняясь к губам девушки. — Давай.

— Ччччто дать? — несчастный демон из клана Аклора перепугался окончательно.

— Давай, скажи это, моя красавица, — выдыхая в губы, прошептал Золотой жрец. — Я же видел, ты хотела выругаться. Не сдерживай себя, скажи...

«Чего сказать, а? — вконец потерялся Тахир».

«Ругательство он услышать хочет, — пояснил Ихар. — Ругайся давай».

«Как?!»

«Откуда я знаю как... по целительски как-нибудь, типа «о, тупой скальпель!»»

— О, тупой скальпель, — послушненько повторил Тахир тоненьким девичьим голосом.

— Оригинально, — похвалил Золотой жрец, удобнее устраиваясь сверху и с придыханием приказал: — Еще!

«Это что, темно-эльфийские брачные игры? — возмутился демон».

«Полагаю, еще нет, но ты зря про тупой скальпель сказал, у этого ведь вполне четкая ассоциация возникнуть может».

И она возникла!

Она столь явственно возникла, что игнорировать ее не было никакой возможности.

— Ммама, — испугался Тахир, впервые за всю сознательную жизнь, вспомнив ту, кто родил разом и его, и троих братьев, а после отбыл покорять столицу, не удостоив отпрысков и взглядом.

— Нет-нет, не стоит бояться, — Золотой жрец смотрел на него темнеющими золотыми глазами, — я не сделаю тебе больно, любимая, не сейчас.

— Потом? — с надеждой спросил Тахир.

Он был согласен на «больно» и даже на «очень больно», да вообще на все что угодно, лишь бы не «очень хорошо». Но все его надежды погибли, едва Таэлран выдохнул в его губы:

— Сейчас я сделаю тебе хорошо, моя испуганная девственница, очень... очень... очень хорошо.

— О, моровая лихорадка... — пробормотал перепуганный демон.

— Да. — приныкая к его губам прошептал Золотой жрец, — тебя будет трясти как в лихорадке...

трясти как в лихорадке...

И в следующий миг случилось страшное — прижатого, лишённого пути к бегству, и напуганного демона поцеловали. Нежно, страстно, осторожно и крайне бережно. Бережно настолько, что дать в морду Тахир не решился, потому что...

«Да, есть чему поучиться, — согласился Ихар».

Губы Золотого жреца скользнули на щеку магианны, покрывая нежную девичью кожу легкими почти неощутимыми поцелуями, после ресница, носик, чтобы вновь прикоснуться к губам осторожно и ласково.

— И полагаю, пока достаточно, — прошептал Таэлран, стремительно поднимаясь.

Растерянный, дезориентированный и откровенно посрамленный в искусстве любви Тахир, остался лежать, идеально имитируя взволнованную и смущенную магианну Найрину Сайрен. Даже румянец на щеках был совершенно не поддельным.

— Я тебя удивил? — с чувством торжества спросил Золотой.

— Да, — выдохнул демон.

— Мы пока не будем спешить, — сообщил дроу, и на его смуглом лице заиграла предвкушающая клыкастая улыбка.

Тахир оценил сдержанность жреца, и мрачно поведал Ихару:

«Этот... клыкастый даст сто очков вперед любому демону».

«Да, тебе повезло с любовником, — хмыкнул Ихар».

«Я твои кишки на кулак намотаю, и твою наглую рожу... — начал Тахир».

«Стоп, учти, он видит твои эмоции!» — предупредил Ихар.

И демон клана Аклора мгновенно изменил стратегию:

«Да как ты мог... Да как ты...»

Великий Золотой жрец замер, увидев, как в уголке глаз девушки блеснула слезинка, замер, ощутив обиду и гнев, направленные вовсе не на него.

«О, великая паучья праматерь, девочка ненавидит себя за произошедшее, — догадался Таэлран. — Демоны, я был слишком настойчив!».

И в следующее мгновение, не ожидающий такой подставы Тахир был схвачен, сжат в железных объятиях, и, неся его прочь из спальни, дроу тихо, отчаянно и виновато шептал:

— Прости меня, маленькая моя, прости, не хотел обидеть.

***

Западное королевство дроу.

Резиденция шестого жреца великой Тьмы.

Все шестнадцать жрецов Тьмы ожидали своего неформального лидера в Золотом зале, нервно переглядываясь в излишне светлом для глаз темных эльфов освещении. Нервозность лишь возрастала — шестой задерживался. Уже дважды опустели кубки, давно не осталось тем для светской беседы, раздражал солнечный свет, заливающий зал неизвестно каким образом — всем было известно, что до поверхности земли не один день пешего подъема.

Распахнулись высокие резные двери, инкрустированные горным хрусталем, и по залу мгновенно разбежались, заискрились, заиграли разноцветные блики. Жрецы недовольно сощурились, но едва вновь открыли глаза — недовольство усилилось.

Золотой жрец явился не один!

В зал, куда не допускались даже телохранители, он привел человеческую женщину!

Все братья Тьмы потрясенно взирали на невероятное, и лишь двое — четвертый и девятый, обменялись взглядами — в их глазах мелькнула надежда. И она лишь окрепла,

когда Золотой жрец пройдя к своему месту в центре стола, которое первый жрец давно уступил шестому, сел в кресло, а после усадил девушку к себе на колени. Именно девушку, потому как стоило жрецам узреть выражение лица магианны, увидеть испуг в ее глазах, всем сразу стало понятно — к развратным девкам она никакого отношения не имеет.

И Ты дрожишь, любовь моя, — Таэлран провел костяшками пальцев по бледной щеке девушки, — не бойся, здесь нет никого, кто решился бы причинить тебе вред.

То, что девушка от его слов лишь сжалась сильнее, заметили все. Надежда в глазах четвертого и девятого жрецов, растворилась без следа — приволоки Золотой на заседание братьев Тьмы любовницу, они могли бы осудить, но эта юная магианна была жертвой. И оставалось лишь гадать, как скоро Таэлран продемонстрирует всем цвет ее крови...

Но следующая фраза шестого жреца, заставила всех осознать, что сегодня прольется лишь кровь друу.

— Братья мои, — он продолжал гладить девушку по лицу, и взгляд его так же был направлен на магианну, — как вы помните, ночь цветения Золотых роз миновала. Так вдохните ее аромат!

И повинуясь его жесту, массивная золоченая стена раздалась, Открывая позолоченную клетку, в которой все с изумлением увидели...

— Королева и ее дочери! — объявил Таэлран.

«Кабздец!» — выдал Тахир, глядя на связанных, избитых, закованных в блокирующие магию наручники темных эльфиек.

Ихар не произнес ни звука. Архимаг Ислан Габор в этот момент сидел в столовой, за одним и четырех длинных столов и, как и все здесь, хлебал вонючую, едва теплую жижу, которую сложно было бы назвать кашей — человеческих магов кормили преовратно. И демон, уже трижды перестроил свою глотку и пищеварительный тракт, чтобы не стошнить так называемой едой. А остальные ели, торопливо, жадно, с аппетитом.

«Вот уж точно говорят мудрейшие — человек ко всему привыкает, — печально подумал демон».

После вспомнил, что он пребывает в резиденции Золотого жреца вторые сутки, а ест первый раз, и стало понятно, почему маги едят это — их кормили раз в сутки. И судя по всему уже довольно продолжительное время.

«Сегодня сдохнешь, — сообщил Ихар своему подельнику».

«Проблематично, — ответил Тахир, — этот решил, что я терзаюсь чувством вины после поцелуя, и вполне способен попытаться покончить с собой, дабы сохранить девичью честь».

«Хм, — невесело усмехнулся Ихар, — действительно видящий — понял, что ты скорее сдохнешь, чем с ним ляжешь».

«Да уж, зрит в корень. Знаешь, я его боюсь, — вдруг признался демон клана Аклора».

«Ты же демон! А он всего лишь друу», — вполне обоснованно возмутился Ихар.

«Он не отпускает, — нервно прошептал Тахир. — Ввообще. Везде со мммной».

«Эээ... — Ихар, обследующий подземелья в поисках Нирана Сайрена, несколько отвлекся от происходящего с подельником, а потому информация была внове для него».

«И ддаже там, где эээ, — Тахир казался пораженным до глубины души. — Нигде. Ккормил... Потом сделал приятное.»

«Это как? — не понял Ихар».

«В пыточную водил, приспособления показывал, механизмы... Там столько всего оказалось!»

И демоны умолкли. Оба.

Доев гадкую смесь, считающуюся здесь кашей, Ихар с трудом сдержал очередной рвотный порыв, и задумчиво произнес:

«Ты пытался изобразить страх?»

«Да, — едва слышно ответил Тахир».

«Но он все равно понял, что тебя интересует эта тема?»

«Да».

«Кибздец, — был вынужден согласиться Ихар. — Вся эта ситуация воняет похлеще, чем выгребная яма родового становища орков!».

«Есть еще кое-что, — с нотками паники продолжил Тахир, — я... я люблю белые фрезии...»

«Что? — переспросил демон».

«Фрезии, — совсем тихо повторил Тахир. — Они мне всегда нравились, хотя топтал, как и все, вида никогда не показывал. А теперь...»

«Что теперь?!»

«В спальне на столике стоит букет фрезии... Как он узнал?»

«Я его боюсь... — прошептал Ихар».

«А я о чем, — Тахир ощутил, как по его спине успокаивающе прошлась ладонь дроу, — очень боюсь... И с каждой минутой все сильнее...»

«Что там у вас происходит, кстати? — сменил тему Ихар»

«Ккоролеву ммочить будут, — пробормотал демон».

«Стоп, нельзя!» — взревел Ихар.

«Сссам ему сскажи, — простонал Тахир».

Демона трясло и трясло все сильнее. Настолько, что жрецы Тьмы бросали уже откровенно сочувствующие взгляды на того, кто выглядел как юная хрупкая магианна Найрина Сайрен. Таэлран, по чьему приказу из клетки вывели и сейчас подводили к столу связанную, но не покорившуюся королеву, чуть склонился, и целуя аккуратное ушко, прошептал:

— Я не войду в тебя сегодня, не стоит: опасаться ночи.

Девушка вздрогнула, но затем едва заметно расслабилась.

— Правильно, не бойся, — длинные сильные пальцы продолжали скользить вверх-вниз по позвоночнику, — я не трону тебя до тех пор, пока ты сама этого не пожелаешь... А ты захочешь меня, клянусь Тьмой.

Несчастный демон решил, что сейчас заплачет. Пусть даже впервые в жизни.

— Шшш, моя маленькая скромница, поверь, в этом не будет ничего постыдного. Если желаешь, мы можем сочетаться узами брака, чтобы твою совесть не терзали мысли о недопустимости неизбежного.

— Нннеизбежного? — переспросил вконец испуганный демон, голосом юной магианны Сайрен.

— Конечно, — взяв его за подбородок, Золотой жрец развернул, заставляя взглянуть в его глаза, и прошептал, — страх. Я вижу его в твоих глазах, в глубине их... Так много страха, и стыд, и... — дроу чуть прищурился, — необходимость сдерживаться... — усмешка.

— Маленькая соблазнительная Найри, неужели ты веришь, что сможешь убить меня?

«И еще как! — подумал демон».

— Нет-нет, что вы, — ответил он дрожащим девичьим голоском.

— Поздно, любовь моя, я все увидел, — прошептал Таэлран, склоняясь к губам окончательно запуганной девушки.

«О тупой скальпель! О тупой скальпель! Ой, кабздец полный» — понеслось от дрожащего Тахира.

«М-да, придется самому сваливать, — решил Ихар».

И тут демон гордого клана Аклора взмолился впервые в жизни:

«Не бросай меня, пожалуйста, не...»

Королева Дириня вскинув подбородок, сохраняя горделивую осанку, несмотря на то, что веревки сильнее впились в тело, стоило ей выпрямиться, мрачно взирала на то, как ее любовник с нежной страстью целует человеческую магианну. Перепуганная девчонка тряслась на его коленях, упиралась в грудь дроу, пытаясь прекратить ласку, и не понимала. Дай как ей понять, что сама мать всех темных эльфов в этот момент была готова отдать жизнь за то, чтобы оказаться на ее месте!

Боль тупым клинком медленно проворачивалась в ее сердце...

Она до сих пор помнила, как увидела его впервые — юного младшего жреца, медленно выходящего из Серебряной реки. Он навсегда для нее остался тем, обнаженным и ничуть не стесняющимся собственной наготы галантным мерзавцем, каким-то невероятным образом заметившим ее, застывшую в кустах. Как он увидел? Как? Дириня не поняла этого тогда, когда ее, непревзойденного знатока маскировки раскрыл какой-то, по сути, мальчишка, ни сейчас, спустя столько лет, проведенных с ним в одной постели. Постели, в которую он приходил, когда сам этого желал, а она, правительница Западного королевства, покорно ожидала его и только его, прогнав всех прежних любовников, не подпуская к своему телу ни одного из семи мужей. Ждала как презренная раба, просто потому что любила... Любовь, сжигающая, сделавшая ее слабой и слепой любовь, о которой она не могла сожалеть даже сейчас, на краю гибели. Сожалела об ином — Таэлран целовал не ее!

Впрочем, разве часто целовал он ее с той ночи, когда взял там, на берегу Серебряной реки? Взял нагло, не спрашивая, не интересуясь ее мнением, не прося разрешения... Словно чувствовал, что она хочет именно там и именно так, что устала от слабых дроу, покорно ждущих ее внимания и не готовых брать жестко и властно, подчиняя, заставляя выгибаться навстречу их желанию, заставляя кричать от удовольствия, на грани боли, и вынуждая покоряться, даже если сопротивление и было притворным.

Всего лишь мальчишка, но он умел видеть потаенное, сокрытое порой и от самой себя, грязное, порочное. А он умел видеть, видеть и давать, воплощая самые запретные из фантазий... Умел настолько, что даже сейчас, понимая что ее предали и убьют, королева могла думать лишь о том, что только в его объятиях чувствовала себя не правительницей — женщиной.

— Моя маленькая скромница, ты меня с ума сводишь, — хриплый шепот, и Золотой жрец прекратил поцелуй.

Испуганная, побелевшая настолько, что, казалось, сейчас упадет в обморок магианна, рванулась, пытаясь подняться, но Таэлран удержал, а затем с обманчивой мягкостью пообещал:

— Дернешься еще раз, и мы вернемся в спальню.

Девушка сжалась, и теперь боялась даже дышать.

Королева невольно усмехнулась, насмешливо внешне, но внутри... Она знала даже не сотни — тысячи темных эльфиек, готовых на все, чтобы оказаться в спальне Золотого жреца.

А эта — боялась.

— Как ты находишь мою невесту? — внезапно развернувшись в ее сторону, поинтересовался Таэлран.

«Ты!» — взбешенно подумала королева. Для нее, именуемой не иначе как «ваше королевское величество свет извечного сумрака» подобное было более чем оскорбительно. И Дириная понимала, что следует промолчать... но не сдержалась:

— У вас превосходный вкус, мой жрец, как и всегда.

На губах Золотого заиграла странная улыбка, а затем он произнес: — Ты слишком похотлива и порочна, чтобы быть королевой, Дири. Впрочем, мне всегда нравились в тебе эти качества, раздражало другое — ты невероятно глупа.

«Заслужила, — мрачно подумала королева».

Ее предупреждали. Предупреждала леди Аррака Таэ, преданная и верная своей королеве глава охранного подразделения Дочерей Тьмы. Предупреждали мужа. Письмо с предупреждением выслал даже сам великий лорд Риан Тьер... Проигнорировала. Зная, где расположена тайная резиденция Таэлрана, ведая, где скрываются жрецы Тьмы, не предприняла ничего. Даже когда стало окончательно ясно, что именно шестнадцать верховных жрецов уничтожили Шепчущих — клан, испокон веков служивший опорой королевской власти...

— Забавно, что ты даже не сожалеешь, — заметил Золотой жрец.

Остальные ренегаты сидели молча. Сидели — в присутствии королевы. Обведя взглядом всех верховных жрецов Тьмы, она остановила взгляд на девятом — Эриго Найдес ответил ей спокойной улыбкой. В ней, а так же в глазах жреца из самого бунтарского рода Западного королевства дроу, Дириная прочла свой приговор — смерть. Жрец, тот, на чью смекалку и умение выкручиваться всегда и везде она надеялась, не поможет.

«Дочери!» — хотелось закричать ей.

Найдес отвернулся.

«Это конец...»- поняла королева.

— На колени, — холодно приказал Таэлран.

Не произнося ни слова, ее королевское величество свет извечного сумрака медленно опустилась на пол, стараясь держать голову все так же гордо.

— Не смотри, — прошептал шестой, привлекая головку перепуганной девушки к своей груди и заставляя магианну отвернуться.

Лишь после этого прозвучало:

— Иэркан.

Бессменный телохранитель Золотого жреца появился бесшумно, словно шагнул из тени. Его черный меч сверкнул в свете рассыпанных по залу солнечных бликов, затем нанес беззвучный удар. Голова королевы отделилась и с глухим стуком упав, покатилась по золоченому полу. Тишину нарушил лишь один крик «Мама!», но младшая дочь королевы мгновенно прикусила губы, сотрясаясь в рыданиях, но не демонстрируя врагам и слезинки.

Остальные стояли молча. Гордые, сдержанные, презрительные ко всем, и совершенно безучастные к гибели матери. Но их выдержка никого не обманула — в душе кричала каждая, содрогаясь от ужаса и отчаяния.

— Это выбросить, — приказал Золотой жрец.

А затем, после странной паузы, добавил:

— И пол вытереть. Живо.

Маленькая магианна в его руках боялась даже дышать. И Таэлран, сам поражаясь своей трепетности, удерживал ее до тех пор, пока более чем удивленные служители, не вытерли пол начисто. Лишь после этого, погладив девушку по щеке, он вернулся к приказаниям:

— Нам следует избрать королеву. Одну.

— Что с остальными? — осторожно спросил четвертый жрец.

Золотой провокационно улыбнулся, глядя на того единственного, кто пока еще не подчинился безусловно. И одной этой улыбки хватило всем, чтобы понять — в живых останется лишь одна из дочерей уже покойной королевы.

— У вас тридцать секунд, — лениво сообщил Таэлран.

Жрецы невольно переглянулись, а после посмотрели на принцесс. Двенадцать темных эльфиек, от пятнадцати до двадцати семи лет прилагали невероятные усилия для того, чтобы выглядеть бесстрастными. По щекам двух из них все же потекли слезы...

— Полагаю младшенькая, — насмешливо произнес девятый жрец.

Золотой бросил задумчивый взгляд на Эриго Найтеса, безразлично кивнул.

— Остальных обязательно убивать... сразу? — поинтересовался все тот же девятый жрец.

Всмотревшись в его глаза, Таэлран насмешливо уточнил:

— Желаете поразвлечься с королевской кровью?

— Как и вы, люблю утонченные удовольствия, — согласился Найтес.

— Развлекайтесь, — милостиво дозволил Золотой жрец. — Иэркан.

Телохранитель Таэлрана шагнул к прикованным принцессам. Не обращая внимания на крики и отчаянные попытки вырваться, схватил младшую, выволок, подтащил к столу, за которым заседали жрецы и бросил на то самое место, где была убита королева.

Темная эльфийка дрожала всем телом, по щекам ее текли слезы, но даже стоя на коленях, девушка гордо вскинула подбородок и прямо смотрела на Золотого жреца.

— Поздравляю, моя дорогая, — промурлыкал тот, поглаживая бедро удерживаемой магианны, — ты стала королевой.

Судорожный всхлип новый свет вечного сумрака сдержать не смогла.

— Увести, — приказал Таэлран.

И когда Иэркан выволок рыдающую эльфийку, обратился к девятому:

— Можете наслаждаться ими, брат, — кивок в сторону принцесс и пошлая ухмылка. — Желаю спокойной ночи. А утром...

— Я сделаю это сам? — поднимаясь, спросил Эриго Найтес.

— Желаете лишить меня удовольствия? — приподнял бровь Таэлран.

Девятый склонился, демонстрируя, что и в мыслях не было, затем, свиснув своим телохранителям, терпеливо дожидаящимся за дверью, указал на темно-эльфийских принцесс.

«Нельзя допустить гибели всех принцесс, — простонал Ихар».

«Ты видел, как она на него смотрела? — у Тахира был шок и демон не смог его скрыть. — Ты ее глаза видел? Да она сдохла за него и всех своих...»

«Мне придется уйти, — жестко прервал его Ихар.

Тахир взвыл, он уже не просил ничего, понимал, что иначе нельзя, но страх... он, рожденный в одном из самых опасных доменов Хаоса, никогда не испытывал настолько сильного страха.

«Но я не могу уйти, не выполнив приказ Смерти, мне нужен маг Ниран Сайрен

Действуй».

Юная девушка тихо всхлипнула, а на самом деле едва не рыдал демон, и подняв влажные от невыплаканных слез глаза на Золотого жреца, едва слышно попросила:

— Можно мне увидеть Нирана? Пожалуйста... Только увидеть, я... Пожалуйста...

В этот момент телохранители девятого жреца вытаскивали перепуганных, кричащих, сыплющих проклятиями эльфийских принцесс, и от каждого крика Найрина вздрагивала всем телом. Таэлан успокаивающе погладил девушку по спине, и позвал:

— Дассар.

Младший жрец вошел, поклонился и, услышав «приведи Сайрена», поклонился вновь, чтобы затем отправиться исполнять приказание.

«Отлично, — вовсе не радостно произнес Ихар, — постараюсь вернуться».

Тахир не ответил, демон чувствовал себя так, словно его предали. Использовали и предали. А еще надругались...

Когда за последней принцессой и последовавшим за своими телохранителями девятым жрецом закрылась дверь, в Золотом зале вновь установилась благоговейная тишина.

Великий шестой жрец нарушил ее спокойным:

— Время пришло, братья. Брат Аррас.

Первый жрец поднялся, поклонился собранию и произнес:

— Храм великой Бездны. Ардам.

«Храм великой Бездны, Ардам, — меланхолично передал Тахир». «Это к чему? — не понял Ихар».

«Тьма его знает, — устало ответил демон. — Передашь его смертейшеству, он умный, он точно поймет».

«Это да, — согласился Ихар, — передам».

«Сдохни, — мрачно пожелал Тахир».

Золотой жрец, ощутивший волну тоски, вновь погладил свою маленькую пленницу по спине, затем принялся перебирать распущенные волосы. Злой, испуганный, доведенный до отчаяния демон психанул, и сделал так, чтобы клочок волос, в данный момент пропускаемый Таэланом между пальцами, попросту выпал.

Жрец застыл, увидев, как целый локон упал на его ладонь.

«Нервы?! — ошарашено подумал он, стряхивая выпавшие волосы с руки. — Да она так облысеть может!»

И тут же, прервав рассказ первого жреца о всех мерах предпринятых для взрыва храма в столице Приграничья, так как к столичным храмам оказалось не подобраться, приказал Иэркану принести успокоительный чай. И живо!

«Так тебе и надо, — мстительно думал Тахир, — я еще растолстею, понял?!»

***

Эриго Найтес был зол. Не просто зол — взбешен! Всю информацию о готовящемся нападении он передал леди Таэ, главе подразделения Дочерей Тьмы, охраняющего королевский дворец. И он точно знал, что переданная информация была доведена до сведения королевы!

«Дура! — не мог успокоиться девятый жрец. — Тупая, ограниченная, эгоистичная дура!»

На его плече тихо всхлипывала Ситгана, старшая из принцесс и... очень давняя любовница Эриго. И в данный момент жреца крайне радовал тот факт, что во дворце у него

имелось еще две любовницы, вследствие чего интимную связь с принцессой он скрывал столь тщательно, что даже Золотой жрец не просек. Впрочем, Найтес давно понял, что единственный способ лгать шестому, прост — лгать нельзя. Нужно говорить правду и только правду.

«Желаете поразвлечься с королевской кровью?»

«Как и вы, люблю утонченные удовольствия».

И он не солгал. Более того, представил себе обнаженную Ситтану, раскинувшуюся на постели и взирающую на него затуманенными страстью глазами...

— Погромче и потрагичнее, — шепотом приказал Найтес.

Принцесса всхлипнула, забилась, получила совсем не бережный шлепок по мягкому месту и выругалась, помянув вечный сумрак.

— Кто так ругается? — печально поинтересовался девятый жрец. — Давай как тогда, в Затране, когда мы напились и ты бранилась так, что у окрестных троллей уши вяли.

— Убью, если еще раз об этом вспомнишь! — прошипела принцесса.

— Кстати одну из дочерей королевы я Сегодня точно отымею, исключительно в качестве моральной компенсации, — заявил Эриго.

Ситтана дернулась, но учитывая, что они все еще перемещались по подземелью, сдержала гнев. Да и впоследствии сдержит — если только девятый жрец выведет их отсюда. Более того — будет принадлежать ему так, как только он пожелает, а может... может даже признается, что он так и остается ее единственным мужчиной, других не было.

Тихий всхлип эльфийка не сдержала.

— Не реви, — едва слышно произнес Эриго, — мне тоже жаль твою мать, но она сама виновата.

«Более чем ты думаешь, — тоскливо подумала девушка».

Она, офицер подразделения Дочерей Тьмы прекрасно знала, кто открыл единственный тайный проход во дворец, который остался не охваченным воительницами. Итог... лужи крови, гибель ее боевых подруг, позорный плен...

Между тем, девятый жрец вышел вперед всей колонны, со всхлипывающими, ругающимися, пытающимися сопротивляться принцессами, и приказал:

— Всем молчать.

Его тихий, но властный голос подействовал — эльфийки умолкли, и тот час же Эриго резко сменил направление движения, чтобы, едва войти в другой коридор, нос к носу столкнуться с доверенным Таэлрана, младшим жрецом Дассаром, за которым плелся несчастный, искалеченный, бледный человеческий маг.

Встреча была фатальной.

Найтес мучительно размышлял о ситуации — убить Дассара он не мог, на всех служителях Таэлрана браслет, оповещающий Золотого о гибели приспешников. Но и отпустить не представлялось возможным — Дассар был не из тех, кто поверит, что девятый просто ошибся коридором.

— Невероятно, — протянул младший жрец, — вовсе не ожидал увидеть вас здесь, близ выхода из пещеры и...

И тут произошло странное — из сумрака шагнуло нечто похожее на человеческого старика и стремительно меняющее облик. Столь стремительно, что к Дассару приблизился уже он сам — младший жрец.

— Вы... — только и успел выдохнуть дроу.

Движение и схвативший его за руку двойник, сотворив из собственной конечности щупальце, влез в локоть заоравшего от боли Дассара. Его крик заглушил Эриго, шагнув к жрецу и попросту закрыв ему рот ладонью.

— Благодарю, — вежливо произнес Ихар, завершив вращение в конечность жреца и встряхивая с руки его кожу, кости, обрывки мышц. Встряхивая так, чтобы защитный браслет остался на нем. — И еще минутку пожалуйста, я голоден.

Эриго молча отступил, испытывая непреодолимое желание убить чудище, вырвавшее горло младшему жрецу в тот миг, когда дроу убрал руку. И демон действовал столь быстро, что даже крика не раздалось. А после присел на корточки, перед сотрясающейся в агонии жертве и прикрыв глаза, прошептал:

— Вкусссно...

Найтес не мешал, лишь дал своим жрецам знак приготовиться к бою.

— Не потребуется, — не открывая глаз, произнес Ихар, уже полностью копируя тон голоса и интонации Дассара, — я никого не трону, если... — он стремительно поднялся и посмотрел в глаза Эриго, — вы отдадите мне принцесс.

Позади него выругался человеческий маг, но он не успел и пошевелиться, как из-под сутаны жреца вырвалось щупальце, мгновенно обвившее ладони юноши.

— Сайрен, на вашем месте я бы не рыпался, — жестко произнес Ихар, — у меня четкий приказ от магистра Эллохара доставить вас к нему в целости и сохранности.

Эриго, уже готовый дать своим телохранителям приказ атаковать, прищурился и удивленно переспросил:

— Магистр Даррэн Эллохар?

— Да, — подтвердил Ихар. — Вы его знаете?

— Я? Избави Тьма, говорят мужик крайне мстительный, а мой племяш на него в суд подал...

Возникла пауза, но после недолгих размышлений, Эриго задал прямой вопрос:

— Зачем вашему лорду темно-эльфийские принцессы?

— Лорду?! — Ихар хмыкнул, но не стал вести просветительных бесед и ответил: — Скорее всего, передаст Тьеру на сохранение. Я не в курсе, зачем вообще... хм... «лорду» Эллохару вмешиваться в дела вашего гнилого королевства, единственная причина полагаю Тьер, магистр всегда заботиться о своих.

Имя лорда Тьера решило все.

— Мы с вами, — произнес Эриго Найтес.

Ихар прищурился, он был демоном и потому не ощутив привкуса лжи, кивнул дроу, и развернулся, к человеческому магу.

— Идти сможешь? — спросил демон.

Ниран кивнул.

— Тогда валим, — приказал Ихар, и не обращая внимание на сопротивление мага, перекинул его через плечо и бросился к выходу.

Метка, та самая, оставленная им по прибытию, звала и манила, указывая выход. Но уже за пятьдесят шагов до нее, демон рассек ладонь, и нервно вдыхая аромат своей крови, воззвал к принцу Хаоса.

***

Миры Хаоса

Хайранар, столица ДарГарая.

Во дворце был идеальный порядок. В администрации, казначействе, военном управлении, торговой палате — тоже воцарился порядок. Все кругом блестело. Особенно блестящим стало все под потолком — крылатые демоны усердствовали.

Мрачный принц Хаоса сидел на лестнице, ведущей во дворец, и откровенно страдал. Советникам правителя Ада было не до страданий — высшие демоны нервно вздрагивали, низшие били копытами, сам СеХарэль не мог думать ни о чем ином, кроме возвращения к любимой демонессе, которая его точно поймет и пожалеет. И да — в клане Хедуши теперь тоже царил идеальный порядок, во всем — начиная от клановых документов и заканчивая парадной формой крылатых демонов, которую они в последний раз надевали на свадьбу правителя Арвиэля. Но это мелочи — форма теперь тоже была в абсолютном порядке!

— И... и... инспекцию столичных таверн проводить будем? — через несколько минут бесперспективного стояния, перешагивая с копыта на копыто, робко спросил глава торговой гильдии.

Спрашивать было страшно. Очень. Но просить чтобы не трогал кабаки и таверны оказалось еще страшнее — по Мирам Хаоса только-только прошел слух, что последнего просителя принц попросту скормил черным лягушкам, причем не сразу, а по частям. И говаривали что после, обнимая оставшийся от демона обрубок, принц Даррэн миролюбиво поведал ему, наблюдающему как пожирают его конечности, о системе лягушачьего пищеварения... Так что да, спрашивать было страшно.

— А там порядок? — безразлично спросил Эллохар.

— Ид... ид... идеальный, ваше смертейшество, — выпалил демон.

И магистр Смерти снова сник.

Отсюда, с лестницы возвышающегося над Хайранаром дворца, было прекрасно видно, как все жители столицы моют, чистят, подметают улицы города. Собственно все дома уже тоже сверкали. Эллохар с грустью подумал, что слухи в Хаосе распространяются слишком быстро. В небе на горизонте четким строем летали ящеры — почему-то самолично устроившие себе строевые учения, хотя обычно и на патруль из стойла пинками выгонять приходилось. Демоны и вампиры отчетливо знали почему — чтобы из столицы свалить, но вслух не говорили и продолжали все выдраивать по третьему кругу, но таки четко уяснили — ящеры отнюдь не тупые создания, ум у них более чем присутствует. И интуиция!

— Нет, надо еще что-нибудь сделать, — решил Эллохар, не обращая внимания на демонов, вмиг испуганно и синхронно отступивших на шаг назад.

И в этот момент магистр Смерти ощутил вызов на крови, и мгновенно ответил:

«Да, Риан».

«Императорские гончие засекли дроу в Ардаме».

«Центральный ардамский храм Бездны, — мгновенно догадался Эллохар».

«Как такое может быть, мы ожидали их в столице, — прорычал Тьер».

«Как-то вот так, — раздраженно ответил магистр Смерти. — Хотя да, странно, чем им столица не угодила... — пауза и затем с подозрением: — Слушай, Риан, ты какие меры безопасности предпринял?»

«Беспрецедентные».

Усмехнувшись, Эллохар весело сообщил:

«Слышь, Тьер, а ты страшный».

«Хочешь сказать, что я напугал идущих?!»

«Похоже на то. Сам как думаешь?»

«Склонен согласиться».

«Где ты сейчас? — спросил Эллохар».

«Ардам, центральная площадь».

«ДэЮре в поле зрения?»

«Да, стою неподалеку».

«Твоя малышка там?»

«Я же здесь стою! — пришел раздраженный ответ».

Эллохар подумал, а затем с надеждой спросил:

«У них там в конторе как? Порядок?»

«У них стригой в секретарях! Как ты думаешь, что там с порядком?! Он идеален!».

«Не скажи, — не согласился магистр Смерти, — у деда тут тоже шайка стригоев, а я столько всего интересного нашел. Сейчас буду!».

Но перенестись лорд Эллохар не успел, ощутив резкий запах демона из клана Аклора, и вместо того, чтобы последовать в Ардам, произнес короткое:

«ШИИС!»

***

Темная Империя. Ксарах.

Школа Искусства Смерти.

Ниран Сайрен быстро ел. Три дня без единой крошки пищи сказались на нем плохо, ранения еще хуже. И сейчас маг стремительно работал ложкой, стараясь насытиться. Бульон по его мнению был великолепен, и уже не имело смысла, что подал его самый настоящий вампир. Маг просто хотел есть. И выспаться. Но все равно, время от времени, запрокидывал голову, подставляя лицо льющемуся солнечному свету, словно никак не мог поверить в то, что он снова есть — солнечный свет.

За отдельным столом сидели темно-эльфийские принцессы. Им подали паштет, салат из мха, фрукты и вино. На вино налегали все, кроме старшей — принцессы Ситтаны. Девушка ничего не пила и не ела, хотя, как и остальные провела двое суток в заточении. Но есть не хотелось, эльфийку снедала тревога и она все чаще оглядывалась на стол в дальнем углу странной таверны, в которую их перенес огненный портал. Там, за круглым столом находились самые страшные темные лорды всех миров — лорд Риан Тьер и лорд Даррэн Эллохар. Рядом с ними, полностью сменивший облик на свой собственный, сидел настоящий демон, жуткий и чешуйчатый. Но беспокоило Ситтану не этот — тот, кого она безумно любила и кому так и не призналась в своей любви, время от времени устало гер лицо руками... И Ситтана знала, что Эриго делает так только в когда растерян и не видит выхода из ситуации.

Между тем демон тихо рассказывал:

— Человеческих магов содержат на нижних уровнях. Кормежка раз в сутки, еда отвратительна, плюс вино, в котором психотропные вещества, влияющие на сознание не самым лучшим образом. Этот, — демон указал на Нирана Сайрена, — оказался умнее, не пил, от него даже запаха этой гнили не ощущается. По остальным не знаю что сказать, ваше смертейшеество, там половина умалишенных уже. Они как стадо.

По лицу принца Хаоса невозможно было прочесть ни одной эмоции, он казался совершенно бесстрастен, таким его видели все — кроме обслуживающих гостей вампиров с четвертого курса и самого Ихара. Демону хотелось бежать. Без Оглядки. Далеко, так далеко,

как только...

— Доступа к человеческим магам у меня нет, — сказал девятый жрец. — Все они целиком и полностью подконтрольны Таэлрану, и находятся собственно в резиденции Золотого жреца.

— У вас уже ни к чему не будет доступа, вы остаетесь, — отрезал лорд Тьер.

Эриго Найтес попытался возразить:

— Но мы... моя задача...я...

Взгляд непроницаемо-черных глаз заставил дроу умолкнуть, а затем магистр Темного искусства отчеканил:

— Ваша задача сейчас сохранить королевскую кровь.

И сказать что-либо еще Эриго поостерегся. Боялся. Отчаянно, дико опасался того, кто занимал один из ведущих постов в ордене Бессмертных. Слишком хорошо знал, что малейший всплеск бешенства бессмертного, может привести не к одной, к десятку мгновенных смертей.

— Да, мой лорд, — тихо произнес девятый жрец.

Слова о том, что в Западном королевстве у него семья и несколько незаконнорожденных детей застряли в горле. Дроу потер лицо, сгорбился, и принял удар судьбы, как полагается темному лорду.

Эллохар, обративший внимание на то, как опустились плечи Эриго, взглянул на Ихара.

— Кхеме, — ответил демон.

«Страх за кровь».

Кивнув в знак того, что понял, магистр Смерти произнес:

— Вы вернетесь, лорд Найтес, но иначе.

Дроу вздрогнул, посмотрел на Ихара, посерел.

— Да, именно так, — подтвердил лорд Тьер.

— Это будет несколько болезненно, — предупредил принц Хаоса.

Девятый жрец понимал. Понимал отчетливо, но возражать... о, он хотел бы посмотреть на того, кто рискнет возразить двум самым одиозным фигурам Темной империи. Распахнулась дверь.

Все присутствующие удивленно повернулись, и увидели входящую спиной гномочку, шепотом командующую:

— Заноси.

— Точно никого нет? — раздался приглушенный голос.

— Да никого, — заверила гномочка, даже не обернувшись, — я в коридоре стояла, с утра караулила. Тут только вампы с четвертого, но они у меня поголовно в должниках, так что не выдадут.

— Понял, — отозвался все тот же приглушенный голос.

И в столовую школы Искусства Смерти вплыл торт.

Внушительный, трехъярусный, со стоящей на верху фигуркой адепки Смерти, в которой знающие, мгновенно распознали шайгенку Эрху. Впрочем те, кто не знал таковой, могли преспокойно прочесть надпись «Люблю тебя, моя сладкая Эрха».

После из коридора донесся женский голос, при звуках которого лорд Тьер едва не заскрежетал зубами:

— Только бы мороженное не растаяло.

— Не беспокойтесь, Дзя, я лично внесла изменение в расписание шестого курса, сейчас

они здесь будут.

Издав усталый стон, магистр Смерти повысил голос и позвал:

— Айшарин, радость моя!

Торт, который шествовал к ближайшему столу, застыл. Гномочка, выглядывающая кого-то в коридоре и продолжающая придерживать дверь тоже замерла.

— Ой, Бездна, — пролепетала сумрачная дриада.

— Ты же сказала, что он запил, — искренне возмутился Тараг.

Гномочка же, решив, что пора действовать, крутанулась на месте, стремительно накладывая на свой облик пожирательницы, черты очаровательной миловидной гномочки, и найдя взглядом магистра Эллохара, стремительно захлопала ресничками, после надула губки и обиженно поведала:

— Это они меня заставили! И Айшарин! А Тараг он с ними с самого начала был, и на территорию школы перенес и он во всем виноват!

Голубой призрачный змей влетел в столовую и кинулся к маленькой лгунье, но прежде, чем успел ее коснуться, торт бухнулся на стол, из-за него показался встрепанный Юрао Найтес, который, вопреки инстинкту самосохранения, гордо заявил:

— Это моя вина.

— Даже не сомневался, — издевательски протянул лорд Эллохар.

— Вот Бездна, — выругался возрожденный дух и мстительно шлепнул гномочку хвостом, не больно, но обидно.

В огромных голубых детских глазенках промелькнула вселенская обида и заблестели самые настоящие слезы!

— Не поможет, — обрадовал ее директор школы Искусства Смерти. — Я сейчас, — прошипел лорд Тьер, стремительно поднимаясь.

— А ты ее отшлепай, — посоветовал Эллохар, — при правильном подходе и нежном исполнении, весьма даже разнообразит супружеские бу...

— Заткнись, — прошипел магистр Темного искусства, направляясь к супруге.

Но на пути разъяренного темного лорда решительно встал Юрао Найтес, и быстро произнес:

— Согласитесь — оставить Дею в Ардаме без присмотра было бы неразумно с моей стороны и...

— Убью, — мрачно пообещал Тьер.

Потрясенный происходящим Эриго Найтес посерел, племянника он узнал сразу и сейчас безумно испугался за него. Но дроу никак не ожидал, что Юрао, скрестив руки на груди, нагло ответил:

— Это самосуд и беззаконие, у вас нет никаких оснований, чтобы призвать меня к ответственности за правонарушения, влекущие за собой такие наказания, как смертная казнь и...

— Я тебя просто так убью, из любви к искусству, — прошипел Тьер.

Но и пальцем обнаглевшего дроу не тронул, чем поразил до глубины души всех присутствующих темных эльфов. Но гораздо более Эриго Найтеса потрясло дальнейшее.

— Простите, — тихо сказал Юрао, — но мы действительно вообще ничем не рисковали. Торт в контору доставили из кондитерской мастера Меллоуина, оттуда нас забрал Тараг, и он бы и вернул вот уже прямо сейчас. Никакого риска не было.

Тьер молча обошел офицера Ночной стражи и вышел в коридор.

Потрясенное молчание нарушил задумчивый вопрос Эллохара:

— Тараг, а чем они тебя так подкупили, а?

Возрожденный дух тяжело вздохнул и продемонстрировал:

Маленькая комнатка адепта боевого факультета с безукоризненным порядком, кровать, угол между кроватью и стеной и сидящую там шайгенку, обнимающую букет и вытирающую слезы.

— Слабак, — констатировал магистр Смерти.

Тараг потрясенно уставился на своего повелителя.

— Изображение увеличь, — приказал Эллохар, — и крупным планом просмотри букет.

Юрао как-то странно вдруг стал насвистывать, Ликаси Ойоко ковырять ножкой пол, возрожденный дух, и без разницы, что давно мертвый, багроветь.

— Да-да, — почти пропел Эллохар. — А теперь просмотри докладные из столовой и уверен, обнаружишь пропажу как минимум одной головки черного дарменского лука.

Ликаси гордо вскинула носик и провозгласила:

— Это не я! Я вообще не причем! Мои тут были только идея и то что я лук позаимствовала! А все остальное они сами.

— Убью! — прошипел Тараг.

— Это самосуд и беззаконие, у вас нет никаких оснований, чтобы призвать меня к ответственности за правонарушения, влекущие за собой такие наказания, как смертная казнь! — возвестила гномочка, демонстрируя великолепную память и отличный слух, потому как дословно повторила сказанное Юрао Найтесом.

Улыбнувшись, Эллохар повторил:

— Айшарин.

Сумеречная дриада всплыла в столовую, перепугав эльфийских принцесс так, что те с мест подскочили.

— Балаган прекрати, — спокойно приказал Эллохар

Дриада покорно поклонилась. Щелчок пальцами и появившиеся со стороны кухни вампиры, подхватив торт, мгновенно унесли. После Айшарин грациозно подошла к Найтесу, тоненькой хрупкой ручкой подхватила его поперек туловища, все так же плывущей походкой подошла к Ликаси, взяла за ухо, подняла и на вытянутой руке вынесла. Тараг испарился сам.

Затем в открытую дверь вошел лорд Тьер, и последняя была закрыта вызывающей у присутствующих дрожь, нежной ручкой дриады.

Магистр Темного искусства вернулся за стол, и собственно к разговору:

— Полагаю, некоторое время вы поживете на территории ДарНахеса.

— Да, это оптимальный вариант, — невозмутимо согласился Эллохар.

Потрясенный всеми событиями Эриго Найтес, неожиданно понял, что его племянника за возражения никто не убил, и, боясь собственной смелости, попросил:

— Я бы хотел вернуться, там я буду полезнее.

Ситтана, не слышавшая его слов, но по тому как распрямились плечи, вздернулся подбородок и сжались кулаки понявшая, что девятый жрец решил на что-то крайне опасное, едва слышно всхлипнула и тут же до боли сжала кулаки, чувствуя как острые когти впиваются в кожу. Нет, внешне она не выдала своих чувств ни жестом, но когда вновь посмотрела на любимого, поймала на себе задумчивые взгляды обоих темных лордов.

— Нет, вы будете охранять королевскую кровь, — повторил уже сказанное лорд Тьер.

— Назначаю вас личным телохранителем принцессы Ситтаны, — скрыв улыбку,

добавил Эллохар.

Магистры переглянулись — как и всегда они понимали друг друга с полуслова.

— Айшарин, — позвал магистр Смерти.

— Их высочеств разместить в моем дворце, — одновременно со словами принц Хаоса открыл переход, и теперь рядом со столом темных эльфиек плясало синее пламя. — Предупредите наших, что девушек нельзя не только есть, но даже пробовать.

Дриада мгновенно вошла в столовую. Поклонившись, дриада подплыла к принцессам.

Эльфийки бросились в огонь без слов, испытывая перед ним гораздо меньше ужаса, чем перед сумеречной дриадой. Айшарин лишь улыбнулась, она-то отчетливо знала, что узрев обитателей замка самого принца Хаоса, девушки мгновенно полюбят смертоносную дриаду из предгорий Хаоса.

И едва девушки скрылись в огненном кольце, Эллохар закрыл переход и произнес:

— Ихар, ты знаешь что делать.

Демон поднялся, низко поклонился своему повелителю, лорд Тьер открыл переход в ущелье Ат-Шарн, туда, где проходили обучение демоны кланов Кшессес и Аклора, и где у дроу должны были считать личины, мысли, сущность. Девятый жрец и его телохранители безропотно отправились вслед за демоном.

Когда магистр Темного Искусства погасил алое пламя, в столовой оставались лишь он, магистр Эллохар и перепуганный человеческий маг.

— Что с ним будешь делать? — тихо спросил Тьер.

— Верну в Третье королевство, — достаточно громко, так чтобы маг услышал, произнес Эллохар. — Его очень ждет сестра...

Про себя подумал:

«Теперь точно и простит и поцелует!».

Тьер обратил внимание на мстительно — предвкушаемую усмешку наставника, но задавать вопросы не стал, и вернулся к ранее обсуждаемой теме:

— Ты был прав.

— Даже не сомневался, — с изрядной долей самодовольства ответил Эллохар. — Но в чем на этот раз?

— Империя изменилась, — магистр Темного Искусства взял бокал с вином, сделал глоток. — Мы отследили всех, кто предпринял попытки сжечь храм... везде.

— С чем связана пауза? — поинтересовался магистр Смерти.

— С тем, что захват королевской династии западного государства дроу планировал и осуществлял тот, кто сумел обойти мою защиту, а вот акцию сожжения храма готовили те, кого вычислить оказалось не сложно.

— Таэлран, — Эллохар глянул на друга поверх собственного бокала, и пояснил, — этот дроу — видящий, редкая птица среди подземного народца.

— Видящий? — вопрос прозвучал иронично.

— Зря улыбаешься, — директор школы Искусства Смерти медленно отпил маленький глоток вина, — к примеру, он способен видеть то, что личность скрывает даже от самого себя.

На вопросительный взгляд друга, Эллохар пояснил:

— Истинную суть, мечты, пристрастия, тайные желания. У него доступ ко всем струнам души скопом и по отдельности. Мужик не знает отказов у женщин, мгновенно определяет, на что следует надавить при разговоре с врагом, и... он всего лишь шестой жрец, Риан.

Шестой из шестнадцати, но все помешанные на собственном статусе темные эльфы безоговорочно уступили ему позицию лидера. Ему подчиняются, перед ним отчитываются, его опасаются.

Он лидер. И проблема в том, что я пока не могу понять его намерений и цели.

— Полагаешь, у него иные цели, нежели у братства идущих путем Ненависти?

— Полагаю, что так, — кивнул Эллохар. — Он не слишком предан делу, достаточно ответственно отнесся лишь к захвату власти в Западном королевстве, все остальное для него скорее игра, не особо увлекательная к тому же.

— Предложения? — спросил Тьер.

— В живых оставлять глупо, — резонно заметил Эллохар. — Видящих в Хаосе уничтожали не одно столетие, а у нас геноцида без повода не устраивают.

— В Аду опасаются интриг?

— Не любят тех, кто видит собеседника насквозь.

Тьер кивнул, даже темные лорды подобного не терпели, что говорить о демонах.

— Что делать с поджигателями?

Вопрос прозвучал ровно, но Эллохар понял, о чем спрашивает Тьер.

Помолчав недолгое время, принц Хаоса задумчиво поинтересовался:

— Ты знаешь, почему моря собирают в себя все реки и ручьи?

— Просветишь? — усмехнулся магистр Темного Искусства.

— Держатся ниже, — произнес Эллохар. — Они держатся ниже, Риан.

— Намекаешь на то, что нам следует подыграть идущим путем Ненависти? — догадался Тьер.

— Именно, — магистр Смерти отставил так и не допитый бокал, откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди. — Сам посуди — твои предки показали этим тьмапоклонникам на что способны темные лорды, и к чему это привело? Да, идущие проиграли, но битву, не войну, и вот результат — они таились более сорока лет, они нашли брешь в одном человеческом королевстве и полностью подмяли под себя королевство дрей. И они вновь бросают вызов.

— Мне проще уничтожить, — хрипло выдохнул Тьер.

— Ты не умеешь играть, — Эллохар улыбнулся другу. — А это именно игра, Риан. Давай сыграем? Проиграть не получится в любом случае, но если заставим их играть по нашим правилам, мы избежим жертв.

— Избежим ли?

И принц Хаоса ответил без тени улыбки:

— На их территории уже свыше двухсот демонов, как думаешь, у заговорщиков остался шанс выжить?

Тьер промолчал.

— Там дети, Риан, — уже мягче продолжил Эллохар, — ты на этого посмотри.

И он указал на мага Сайрена, подставившего лицо солнечным лучам и счастливо жмурящегося.

— Таэлран уничтожит их не задумываясь, — директор школы Искусства смерти подавил приступ ярости, даже если ты сумеешь проникнуть в резиденцию Золотого и запечатать их магию, он все равно убьет всех магов, и получит от этого невероятное удовольствие.

Отставив свой бокал с вином, Тьер негромко спросил:

— Ты предлагаешь мне рискнуть своим народом, своими жителями, ради человеческих магов?

Эллохар спокойно встретил черный злой взгляд, и ответил:

— Не магов, Риан, я говорю о детях. Это — дети.

— Половозрелые маги, — не согласился Бессмертный.

— Дети, — повторил принц Хаоса, — наивные, доверявшие наставникам дети, и в подземельях дроу они находятся не по своей воле.

Несколько минут Тьер барабанил пальцами по подлокотникам кресла, затем вновь посмотрел на друга и спросил:

— Значит играем?

Эллохар ответил благодарной улыбкой.

— Ты ведь понимаешь, к чему это приведет? — уточнил на всякий случай Тьер.

— К войне, — спокойно ответил принц Хаоса. — К войне, в которой Таэлран швырнет против нас всех этих зеленых магов, чтобы отвлечь внимание от основного действия.

— Какого? — напрягся магистр Темного искусства.

— Захват Дэи, — Эллохар с усмешкой следил за реакцией друга. Риан скрестил руки на груди, кивнул, и поинтересовался:

— А жену мне куда девать, пока изменяющийся будет ее имитировать?

— Дед с удовольствием примет ее в Хайранаре, — напомнил Эллохар.

— Я помню, чем не так давно обернулось гостеприимство повелителя Ада, — хмыкнул Тьер. — Впрочем... если Наавир и Найтес...

— А вот давай без этой парочки! — возмутился принц Хаоса.

— А давай с ними, и мне спокойнее будет, и деду твоему урок.

Эллохар хотел было возразить, но затем кивнул, и предпринял титанические усилия, чтобы скрыть улыбку.

— Кстати, вопрос — Дэя первая жертва, Ликаси Ойоко — дитя Бездны, значит второе, а кто третья?

— Он знает, — магистр Смерти кивнул на мага, — знает, но не сказал. И насколько я успел изучить семейство Сайрен, подобная самоотверженность говорит лишь об одном — это кто-то очень близкий. Друг, девушка...

— Узнаешь?

— Естественно, — взгляд принца Хаоса помрачнел. — После его к целителям.

— Воспоминания?

— Сотру.

— Уверен?

Эллохар устало посмотрел на друга и произнес:

— Ихар сказал, что у Нирана Сайрена на теле сотни шрамов, как думаешь, о таком стоит помнить?

— Шрамы у мага? — не понял Тьер. — Они же...

Вопрос повис в воздухе. Оба темных знали, что рана залеченная мгновенно исчезает без следа, а если остались шрамы... Лорды разом посмотрели на Сайрена. Молодой маг все так же счастливо улыбался солнцу. И сейчас, под яркими лучами как-то забылись мучения, пережитые в подземельях дроу. Забылась боль, унижение, снедающее душу отчаяние и мысль "Я должен жить, ради Найри, она осталась совсем одна".

— Кстати, момент, — тихо произнес Эллохар, — Ихар сообщил, что магов поили

вином, притупляющим сознание. Так вот — этот не пил. Он осознавал четко, что происходит. Один из немногих...

— Сотрешь все?

— Частично, смутные воспоминания о плене сохранятся, — Эллохар потянулся к кувшину с водой, наполнил бокал для себя, выпил.

Воду, не вино. Вина более не хотелось.

— Сыграем, значит, — протянул Тьер.

— Да, ты и я. Идущие путем Ненависти, Темная империя и Третье королевство сыграют с нами вслепую. Полагаю — будет увлекательно.

— Более чем, — вовсе не радостно произнес магистр Темного искусства.

— Тебе жалко храма? — поинтересовался принц Хаоса.

Тьер не ответил. Во-первых, потому что храма Бездны было жаль, во-вторых, осознавал, что придется задействовать членов ордена Бессмертных, остальные не способны уйти через Бездну, в-третьих, необходимо было предпринять все меры, чтобы не допустить усиления пожара... Работа предстояла сложная.

Эллохар заметив, что друг приступил к продумыванию деталей предстоящей операции, подал знак и к магу по его сигналу приблизились две байры — духи глубоких ущелий ДарНахеса, более эти смертоносные существа не обитали нигде в Хаосе. Высокие, темнокожие, зеленоглазые, с подвижными волосами, которые была словно сама тьма.

Обе девушки вопросительно взглянули на магистра и получили приказ "Приступайте".

Тьер видел лишь внешнее проявление ритуала — мелко затрясшегося издавшего хрип мага, склонившихся над ним байр,

оплетающих голову юноши своими призрачно-черными волосами, друга, с губами сжавшимися в две тонкие линии. А затем, Риан с удивлением увидел, как Рэн резко схватил бутылку с вином и одним махом выпил все до дна. Выглядел при этом принц Хаоса далеко не лучшим образом.

— Они передают тебе информацию? — поинтересовался Тьер.

— Да, прямая связь, — прохрипел Эллохар.

— Почему не используешь заклинание?

— Найрина целитель, и мгновенно потянет брата к целителям, а те отслежат воздействие на воспоминания, — Даррэн тяжело дышал.

— Что не так? — напрягся Риан.

— Найри! — Эллохар прорычал имя. — Третья жертва — Найри!

Тьер промолчал, внимательно глядя на друга. Принц Хаоса сжал зубы, некоторое время пристально смотрел на мага Сайрена, затем... выражение его лица полностью изменилось. И в какое-то мгновение Эллохар уронил лицо на сложенные вместе ладони и глухо простонал.

— Рэн, — тихо позвал магистр Темного Искусства.

— Бедная девочка, — вот и все, что ответил демон.

Больше слов не было. Эллохар поднялся, дал знак байрам прекратить ритуал, после еще движение и два вампира принесли бутылку особого, белого вина, напроць стирающего память. В мага вино практически влили, и, глядя на экзекуцию, Тьер спросил:

— Не проще ли использовать заклинание?

— Нет, — глухо ответил магистр Смерти, — Найри сильный целитель, рано или поздно отследит. Так надежнее.

Парень несомненно упал бы, не подхвати его байры, а после юношу унесли под внимательным взглядом директора школы Искусства смерти, и когда байры исчезли за дверью, Риал спросил:

— Для тебя все изменилось?

Эллохар искоса глянул на друга. Любого другого за столь пронизательный вопрос демон убил бы, но не Тьера. Лучший ученик, единственный друг, близкий лорд 1 слишком близкий, в ранге второго круга, который для демонов Хаоса был куда более ограниченным, чем для темных лордов.

— Ничего не изменилось, — глухо ответил магистр Смерти, — мы будем играть, но играть жестко. Орден идущих Путем Ненависти будет уничтожен, весь, до основания. А Таэлран... мой!

Хмыкнув, Тьер поинтересовался:

— Что-то личное?

— Скажем так, — Эллохар пробарабанил когтями по столу, — они убили родителей очень близкого мне человека. Весьма близкого.

Магистр Темного Искусства посмотрел на друга и спросил прямо:

— Родителей мага и магианн Сайрен?

Эллохар заметно поморщился, и... не стал отвечать.

— И как долго идущие промышляли на территории третьего королевства? — на этот раз в голосе Тьера промелькнули гневные нотки и стало ясно, с молчанием он не смирится.

— Сам подумай — где еще в человеческих государствах к власти пришли маги?

— Нигде, — глухо ответил Риан.

— Вот-вот, — Принц хаоса невесело усмехнулся, — вот-вот...

А после недолгого молчания, произнес:

— Сорняк нужно выдирать с корнем, Риан. С корнем. Мы, в Хаосе, до зубного скрежета эту истину усвоили множество поколений назад, а темные лорды, все еще верят в свое превосходство и не осознают — демоны добились превалирования над всеми расами Ада исключительно благодаря тому, что всерьез воспринимали любого противника.

— Полагаешь, мой отец и император сгруппировались, — спросил Тьер.

— А ты считаешь иначе? — усмехнулся Эллохар. — У тебя те же ресурсы, коими располагал и император Анаргат, но чего добился он, и на что сейчас способен ты?!

Магистр Темного Искусства промолчал.

— Айшарин возьми, — неожиданно попросил Эллохар.

— Куда? — не понял Тьер.

— На разборки с идущими, — пояснил магистр Смерти.

— За какой Бездной мне там сумеречная дриада?

Эллохар чуть заметно скривился, затем тихо пояснил:

— Я на нее плохо влияю, Риан, она не питалась нормально уже года четыре. Возьми малышку.

— Малышка даже тебя старше, — напомнил Тьер.

Демон улыбнулся, кивнул, но повторил:

— Возьми малышку с собой, ей нужно нормально поесть.

Бессмертный не стал возражать.

***

Западное королевство дроу.

Резиденция шестого жреца великой Тьмы.

Таэлран сидел в изножье кровати и мрачно смотрел на спящую человеческую девушку. Светло-русые волосы, длинные чуть изогнутые ресницы, черные тонкие брови, аккуратный носик, нежные манящие губы, белая кожа, к которой так хотелось прикоснуться... Жрец был влюблен. Влюблен настолько, что сегодня допустил ошибку, но, даже осознав это — не мог заставить себя начать допрос. А магианне было, что сказать ему. К примеру, ответить на один единственный терзающий жреца вопрос — откуда она знала, что маг Сайрен не был убит?!

Золотой повторно прокрутил цепь событий — увидев девушку, инсценировал смерть человеческого мага. Ход продуманный — люди, оставшись без родных и близких, привязчивы к своим хозяевам. Но то, что случилось на заседании совета жрецов Тьмы...

«Можно мне увидеть Нирана? Пожалуйста... Только увидеть, я... Пожалуйста...»

Значит, знала, что он жив. Знала!

Сдержав рык, Таэлран прищурил глаза, вгляделся внимательнее в хрупкую фигурку, с явной неохотой делая то, что в иных случаях вызывало лишь предвкушение от чужой боли. Сейчас причинять боль Золотой не желал. Докопаться до истины, но не делать больно. Он сам не мог понять, откуда эти неведомые ему ранее чувства, но...

Тахир старательно изображал сон. Да что там сон, в данный момент, ощущая как жрец нежно, но непреклонно вторгается в его сознание, он старательно изображал девушку магианну Сайрен. Не просто изображал — думал как она, прокручивал в сознании ее воспоминания и в какой-то миг внезапно отчетливо увидел одно из событий, произошедших в жизни Наирины.

«Мрачные темно-зеленые коридоры Академии Магии имени Кродаса Эврилийского, самого величайшего мага Третьего королевства, ее тонкие пальцы, сжимающие белый шелковый платок с такой силой, словно желали сорвать с него кружева, и слова идущих впереди магов: «Сайрен продолжает жрать тебя глазами, видал?», «Не жрать, тут ты преувеличил, эта корова на страсть не способна», «Почему корова?», «Да у нее обожание на грани мычания — молчаливое. Мне вчера перевязку делала, так ты бы видел ее глаза — корова». И треск разорвавшегося кружева, и боль, и обещание самой себе больше никогда не раскрывать собственное сердце, и губа, прикушенная до крови, и ногти, впившиеся в ладони и...»

«Вот Бездна, досталось девчонке,» — невольно подумал Тахир.

Таэлран ничего не подумал. Медленно встал, вышел из спальни, и не глядя на ожидающих его младших жрецов, спустился в подземелье, туда, где содержали пленных «союзников». Здесь воняло, грязь была видна с первого взгляда, а еще отчетливо несло страхом, ужасом, охватившим всех с появлением Золотого жреца.

Шестой не любил здесь находиться, но сейчас не думал об этом. Золотые глаза медленно обвели сжавшихся при его появлении магов, остановились на высоком молодом человеке, с засаленными некогда темными волосами, запавшими глазами, плечами, все еще сохранившими стать и выправку свойственную боевым магам, и трясущимися ладонями.

Улыбка коснулась четко очерченных губ дроу, нехорошая, предвкушающая улыбка.

Тахир недолго лежал в одиночестве — не прошло и получаса, как дверь тихо открылась, выпуская Золотого жреца и запах крови, вкус смерти с оттенком боли. Демон с трудом сдержал желание вдохнуть поглубже и продолжил изображать сон, но...

— Ты не спишь, — Таэлран стянул с себя мантию, отшвырнул ее в сторону и

полуобнаженный растянулся на кровати, обняв сжавшуюся девушку. — Покажи, кто еще обижал тебя?

«И ты убьешь каждого, — внезапно понял демон»

— Да, — дроу наклонился и коснулся светлых волос губами, — я убью каждого, с наслаждением.

С невероятным трудом демон заставил себя более ни о чем не думать, хотя... внезапно захотелось пожаловаться на главу клана, который в прошлом году оторвал у него руку, и ходил ею почесывал спину, у всех на глазах. Руку было жаль, но еще более жаль браслета, оставшегося на отобранной конечности. Потому что рука выросла, а браслет...

— Извини, не понял, — Таэлран развернул магианну к себе лицом, всмотрелся в перепуганные глаза, — какой браслет? Рука?

«Мрак!» — выругался демон и стремительно подкорректировал ощущения.

Нечто похожее мгновенно всплыло из впитанной им памяти девушки — городская лечебница, маленькая девочка, с трудом вырывающая у жизни каждый новый вздох, магия, оказавшаяся неспособной помочь ведьмочке, чья аура пропускала всю магию через себя не позволяя ей затронуть в организме что-либо, операция, на которую решились целители, понимая, что шансов практически нет. И браслет, подаренный на четырнадцатилетние, красивый, с золотисто-зелеными камнями и изящным плетением. Наирин Сайрен не задумываясь, отдала его девочке, чтобы отвлечь от приготовлений и того жутко вонючего дезинфицирующего раствора, которым в операционной мазали шею ведьмочки. Не спасли...

Тахир невольно сжался от той боли, что испытала магианна в момент, когда девочку накрывали простыней, Золотой жрец невольно обнял крепче, словно пытался забрать часть боли себе и в очередной раз поразился своим эмоциям.

— Тебе больше не будет больно, — тихо произнес он.

«Надо было родиться женщиной, — грустно подумал демон»

— Посмотри на меня, — Таэлран прикоснулся к подбородку девушки, вынуждая ее повернуть голову, — загляни мне в глаза. Что ты видишь там?

И демон содрогнулся. Содрогнулся, но изо всех сил постарался скрыть свой ужас, потому что человеческая магианна, какой бы сильной она не была, не могла увидеть тьму, внезапно затопившую золотые глаза дроу так, словно выплеснулась из вертикального зрачка.

— Так что ты видишь, Найри? — жрец улыбнулся.

— Мне страшно, — искренне признался демон.

Таэлран улыбнулся шире, наклонился, осторожно поцеловал даже не вздрогнувшую девушку и прошептал:

— Не бойся, маме ты понравилась, а значит, в тебе тоже есть тьма.

И Тахира запоздало накрыло страшное прозрение «Он сын Тьмы!». Дитя, проклятой, заточенной в самую Бездну Тьмы! Он...

— Мне... мне нужно отойти, срочно... Очень нужно в... я сейчас, — девушка гибко и стремительно поднялась, слишком гибко для человека, но жрец этого не заметил, он был растерян подобной реакцией, и с тревогой наблюдал за выражением лица магианны.

И потому, едва она вышла, поднялся, чтобы проследовать за ней, но в дверь неожиданно постучали, затем послышался голос младшего жреца Илта, сообщивший, что младшего жреца Дассара нигде не могут найти. Раздраженный Таэлран выдохнул сгусток тьмы и приказал «Искать», не заметив, что через щель в двери, ведущей к удобствам, за ним наблюдает испуганная девушка...

«О, Мрак! — выругался Тахир, прикрывая дверь, — О великий Мрак, он полубог!».

Медленно опустившись на пол, демон обнял колени руками. Его натура требовала принять сторону сильнейшего, а сильнейшим в войне демонов и полубога, являлся полубог. И потому внутренний голос приказывал, заставлял, требовал подчиниться Золотому жрецу, и окажись он в Хаосе, в те далекие времена, когда дараи поклонялись Хаосу и воевали между собой, он бы опустился на колено перед сыном Тьмы и принес клятву верности. Ту самую, что имел полное право нарушить, встретиться ему кто-либо посильнее. Демоны всегда принимали сторону сильнейшего — это был проверенный способ выживания в Мирах Хаоса. Но... Но не сторону Тьмы Изначальной. И потому Тахир старательно давил в себе раба, давил настойчиво и решительно, понимая, что пока не подавит, выйти не сможет. Ведь вряд ли Золотой жрец оценит человеческую магианну, опустившуюся на одно колено и заговорившую на языке черных песков... Демон тяжело вздохнул, испытывая горькое чувство сожаления — попробовать на вкус смерть дроу у него не выйдет. А хотелось бы. Но теперь Тахир понимал — дроу сильнее, выносливее и к тому же почти бессмертен.

Сын Тьмы! Сын Тьмы Изначальной! У демона клана Аклора подобное в голове не укладывалось! Как, как сама богиня могла лечь под дроу, а в расе отца Золотого сомневаться не приходилось. Как перенесла любовника к себе, ведь покинуть Бездну она не в силах, как смогла зачать от того, кто был в сотни раз слабее, как родила...

Но эти вопросы демон постарался выбросить из сознания, отчетливо осознавая, что для выживания ему сейчас требуются ответы на совсем иное. Например, как избежать встречи с Тьмой! Таэлран полубог, он не в состоянии опознать в нем демона, но Тьма его превращение мгновенно раскусит. Причем буквально — любимым лакомством богини были как раз таки демоны, что и послужило причиной разрыва ее отношений с Хаосом. Нет, изменчивый бог не был против увлечения возлюбленной, но когда вместо обеда, она расправилась с поваром, попросил жену сесть на диету, и исключить из рациона прислугу и дараев.

Тьма возразила, что у нее прекрасная фигура, и она собирается и дальше питаться не особо полезными домашними демонами, а супруг, если так желает, может есть сухих, жилистых и не одомашненных жителей песчаных миров, раз уж они так полезны для пищеварения и фигуры. Разъяренный Хаос, не сдержался и заявил жене, что у нее от талии остались только воспоминания, и именно они самое приятное, что было в их супружеской жизни, ну кроме повара, чью стряпню бог любил. Разразился скандал, после которого богиня гордо ушла из миров Хаоса, надеясь, что муж бросится за ней следом. Хаос и бросился во все тяжкие, о тех временах непомерных возлияний и развратных оргий до сих пор среди демонов ходили легенды. А Тьма обиделась, и за то, что не догнал, и за то, что запретил прикасаться к демонам, из-за чего и начала готовить переворот, обосновавшись у дроу.

Но и это не имело сейчас к делу никакого отношения, Тахиру сейчас следовало думать о том, как избежать встречи с матерью Золотого жреца. И как избежать отношений с самим жрецом, потому как... потому что. Окончательно отчаявшись, демон понял, что придется действовать хитростью, как слабейший, то есть женщина и начал вспоминать все приемы, с которыми его прокатывали демонессы в клане, и даже одна саатарра из племен пустынных гарров. Вспоминать вообще не хотелось, кому приятно думать о своих неудачах, и даже о каждой из своих неудач, но выбора не было. Либо так, либо жрец, постель, его мама и ужин, на котором главным блюдом будет он, Тахир.

Тяжело вздохнув, демон вспомнил свою первую любовь — Аттонарид. Она была

высокой, выше самого Тахира, с длинными серебряными прядями чешуек, с глазами, что выделялись красотой среди всех змей, которых он когда-либо видел, и со способностями, которыми не каждые одарили даже приближенных к главе клана. Гордая, резкая, независимая, и кончила, кстати, совершенно отвратно — ее съели змеи, впрочем Тахир подозревал, что демонессе на тот момент было все равно, кто именно ее сожрал, потому как она была уже совершенно мертвой лягушкой. Аклора вообще склонны к экспериментам в сексуальном плане, так вот Аттонарид слегка переоценила свои возможности, решив испытать силу страсти местных жабьих самцов...

«Не вариант, — грустно подумал демон, — Атта была страстной и искушенной, а я типа девственница».

Но все равно отчетливо вспомнил, как он, тогда еще робкий юноша с восторгом смотрит на демонессу, а та встречает его взгляд холодно и глаз не отводит, наоборот смотрит прямо, с насмешкой, откровенно посылая за черные холмы доить обозленных василисков. Тахир судорожно выдохнул — столько лет прошло, а до сих пор не мог забыть обиды. По всем правилам, когда мужчина смотрит на женщину, она отводит глаза. А там уже как повезет — глянет в пол и в сторону, значит все, можно смело идти на приступ, а если вверх, поверх головы демона, значит — ты для нее не вариант. И все, никто не в обиде, нормальная стратегия отбора, но не для Аттонарид — эта опустила его перед всеми, продолжая смотреть прямо, даже когда он уже глаза отвел. Тахир поежился и вспомнил свою вторую неудачную любовь.

Саамея — юная, робкая, осторожная, хорошенькая, и зубки у нее были великолепного черного цвета, и чешуйки по позвоночнику чуть золотились, и коготки едва ли не одни из самых длинных в клане. С этой демонессой пришлось быть осторожным — в меру настойчивым, в меру наглым, уменьшить плечи, скрыть мышцы, спрятать когти, прикрыть клыки. Молодая демонесса осторожна, ее легко напугать, но вернуть расположение сложно. И он играл в слабого, притворялся, лгал, имитировал, едва ли не растекался лужей у ее прекрасных копыт... Как же горько было, когда вот эта мелкая вертихвостка виновато ему оскалившись убежала к Дрогу, у которого плечи были в ее рост шириной, мускулы пугали даже главу клана, а характер был нагл до невероятности.

Тахир тогда плюнул с досады, избил Дрога, уволок в кусты Саамею и сполна доказал насколько она была не права. Доказательства вышли боком — демонесса быстро изменила свои планы и стала добиваться внимания бросившего ее там же, под кустами Тахира. Вот об этом периоде своей жизни демон вспоминать не хотел, потому как у Саамы характер оказался напористый, настойчивый и решительный до отвращения... Они поженились и на свадьбе жених сидел связанным и боялся пошевелиться, так как ручная кобра невесты, качалась напротив него, раскрыв капюшон и демонстрируя самые кровожадные намерения. А Дрог, грязный ублюдок, сидел неподалеку с самым довольным оскалом — радовался, что Тахир тогда отбил у него такую демонессу.

Демон дернул головой, прогоняя воспоминания, и стараясь воссоздать в памяти ту виноватую улыбку, с которой Саамея сказала, что между ними все кончено. Чуть застенчивую, искреннюю, улыбку после которой хотелось сказать демонессе «Будь счастлива». Он и сказал, и даже ушел бы, не заметь к кому побежала Саама!

Тахир встал, подошел к небольшому зеркалу и скривил рот — замечательная была гримаса, действенная, затрагивающая самую суть демона, но... на человеческом лице смотрелась преотвратно. Прекратив корчить рожи, демон сплюнул с досады, закрыл глаза и

попытался просмотреть воспоминания Найрины Сайрен, чтобы найти хоть какой-то аналог извинительно — отказательной улыбки. Хоть один!

Нашел!

Великий Золотой жрец стоял перед дверью, за которыми находилась магианна Сайрен и не мог понять себя и собственных чувств. Хотелось эту девушку. Хотелось нестерпимо, жестко, страстно, но в то же время он слишком отчетливо ощущал, что для нее даже его поцелуи неприемлемы. Ни поцелуи, ни прикосновения, ни ласки. Жрец отчетливо понимал, что люди и в особенности женщины привыкают ко всему, а значит если он даст себе волю, рано или поздно девушка простит и полюбит, но... Но Таэлран был видящим, и как видящий знал — Найрина Сайрен будет сопротивляться до последнего в прямом смысле. Она пойдет даже на самоубийство, лишь бы не допустить интимной связи с Золотым жрецом. Почему? Что могло быть столь неприятно в нем этой юной девушке?

Таэлран отошел от двери, остановился перед зеркалом, окинул себя внимательным взглядом. Внешностью он пошел в отца — золотые волосы, золотые глаза, темная кожа, и телосложение отцовское. Истинный дроу — великолепный представитель этой сумрачной расы, вызывающий восхищение даже у собственного народа. Жрец знал, что он красив, да и как он мог не знать об этом, если каждая темная эльфийка награждала его восхищенным взглядом с раннего юношества. Красив, умен, силен, темпераментен и видит. Видит насквозь.

Еще один дар от отца, за который дроу был ему искренне благодарен. И как всегда при воспоминании об отце, жрец испытал дикое сожаление. «Казнен по приказу королевы» — извещение вместе с ритуальным кинжалом отца принесенное в дом Кахейтис когда ему, Таэлрану, было всего семь. Переломный момент в жизни бастарда, принесенного Карро Кахейтисом в свой дом, и представленного супруге и старшим детям как наследника рода. О том, что мачеха его ненавидит Таэлран знал с детства, видел, как ни Пыталась она скрыть, улыбаясь малышу и стараясь уделять ему столько же внимания, сколько и собственным детям. Иных она провела — отец и его незаконнорожденный сын были видящими, Истинная суть вещей была им отчетливо известна. Возможно, именно поэтому маленький Таэлран так безгранично любил отца и как никто скорбел о его смерти. Скорбел настолько, что в день восьмилетия не увидел лжи мачехи и ее слуг, осознав все, только когда шепчущие шагнули из сумрака. Он не успел даже закричать, как был схвачен и увезен в предтечи Западного королевства дроу, в каньон Грахае, где были самые глубокие пропасти... В одну из них шепчущие и сбросили молчавшего и не произнесшего ни слова мольбы о пощаде ребенка. Их удивляло подобное поведение, а Таэлран молчал, потому что отчетливо видел — просить бесполезно.

Полет был быстрым, но перед глазами бастарда пронеслась вся его недолгая жизнь.

Падение... дикая усиливающаяся боль, вынудившая молить о смерти...

И совершенно неожиданно раздавшийся шепот в темноте: «Поднимайся, сын, регенерация болезненна, но требует правильной постановки тела».

Мать...

Жрец с трудом подавил грустную усмешку, при воспоминании о собственной матери. В восемь лет узнать, что твоя мать мятежная заключенная в глубины Бездны богиня, а сам ты фактически бессмертный полубог — потрясение, которое способен пережить только ребенок, почти год проживший в ауре отчуждения и сходящий с ума от одиночества. Он был счастлив узнать, что у него есть мама, что он не остался один, что его любят, о нем будут

заботиться, его больше не оставят в одиночестве... Прозрение наступило слишком быстро — его божественной матери не нужен был сын, ей требовалось лишь оружие, способное добиться для нее свободы. Сын ей был не нужен.

Более месяца он провел на дне оврага, питаясь слизнями, мхом, плесенью. Бессмертный может позволить себе поглощать и куда большую гадость, но это не отменяет факта — его бросили. Мать бросила. Она являлась иногда, проверяя не сумел ли он выбраться, тяжело вздыхала, говорила «ты жалок» и исчезала вновь. Таэлран плакал от боли и страха, звал, боялся темноты и опасался спать, даже когда от слабости и недосыпания падал на месте.

Потом началась миграция пауков.

Сначала маленькие, разбудившие дрему тем, что маршировали по его телу, не заботясь ни о чем. Он подскочил, пытался сбить их с себя и обрадовался, когда полчища миновали. Напрасно, ведь за ними следовали ядовитые арахниды, и долгие годы вскакивая по ночам, Таэлран видел кошмары, в которых его атакуют паучьи полчища. Спустя неделю, отлежавшись после доз полученного яда, он услышал шорохи и отдаленный гул падающих камней — паучьи боги, огромные экземпляры способные нести на себе взрослого дрему, не то, что мальчишку. Они и стали его спасением.

После были жрецы великой Тьмы, к которым мать приказала присоединиться, годы взросления и обучения, встреча с королевой и триумфальное возвращение в отчий дом. Таэлран мстил долго и со вкусом, испытывая неимоверное удовольствие при виде мачехи, гордой наследнице рода Ивро, выдраивающей полы в доме, который по праву принадлежал ему. Он не стал ее убивать, не захотел, он на своей шкуре познал, что смерть милосерднее всего остального. А Таэлран стал жесток. И таковым останется!

Дверь приоткрылась, юная хрупкая магианна осторожно выглянула, увидела его вздрогнула и жрец уловил ее испуганный порыв вновь спрятаться за дверью.

— Выходи, — произнес с неожиданной для самого себя нежностью.

Заметил, как на миг округлились от удивления ее глаза, как страх сменился робостью и нерешительностью, как она вновь, позабыв о ненависти, испытывает то, что еще сама не может понять — расположение. Да, Таэлран ощущал именно это — расположение, с того момента, как положил на стол рядом со спящей Найриной белоснежные фрезии.

Девушка открыла дверь сильнее, сделала шаг, но остановилась на пороге. А затем с неожиданной твердостью произнесла:

— Я не Хочу знакомиться с вашей матерью!

Пожав плечами, Таэлран кивнул и тут же озвучил условие: — Поцелуй?

— Что? — ахнула магианна.

«А в рожу кулаком не хочешь, нет? Ты конечно бессмертный, но моську подправлю, помяни мое слово! — разозлился Тахир». Золотой жрец уловил и возмущение и злость, но так же отчетливо видел и страх перед богиней, сильный, основательный и глубоко укоренившийся ужас, а раз дело обстояло подобным образом, собирался это использовать.

— Поцелуй, — повторил Таэлран, грациозно повернувшись и пройдя к дивану, сел на него, и повторил: — Поцелуй, или мы немедленно идём к моей... мамочке. — А затем жестко добавил: — И это не обсуждается!

Нижняя губа Тахира задрожала от обиды, как в далеком детстве, и он даже не сразу это заметил. Растерянно огляделся, словно ища поддержки хоть у кого-то, вспомнил истории о том, как именно Тьма поедала демонов, содрогнулся. Еще раз взглянул на нагло развалившегося на диване дрему, вся поза которого выражала готовность к развороту,

судорожно вздохнул. Жить демону хотелось, очень хотелось, и потому...

— Вы глаза закроете! — потребовала дрожащая от ярости и негодования магианна.

«Только бы никто никогда не узнал, — взмолился Тахир».

Неловко и нехотя подойдя, девушка чуть наклонилась, нахмурилась, заметив, что губы жреца дрожат от с трудом сдерживаемой улыбки, вдохнула побольше воздуха, наклонилась и...

«Дохлая вонючая выгребная яма всего орочьего клана, — ругался про себя демон».

А скромная магианна Найрина Сайрен осторожно целовала замершего от восторга Золотого жреца, который сейчас мог думать об одном «Только бы не сорваться». И когда она попыталась отстраниться, схватил, стремительным движением уложил к себе на колени, склонился над окончательно перепугавшейся девушкой и поцеловал снова — нежно, страстно и весьма умело.

«Это хуже чем брак с Саамеей, — был в душе демон».

«Только ужас от происходящего? — недоумевал Золотой. — Может человеческие женщины испытывают отвращение к дроу? Почему? Что я делаю не так?».

Недоумевал, но от губ девушки не отрывался, испытывая невероятное наслаждение от прикосновения, а так же дикое желание продолжить начатое.

«Бездна, я согласен на смерть! — мрачно решил Тахир».

«Да, все плохо, — считал его эмоции Золотой жрец и прекратил посягательства.»

Обнял, прижав головку магианны к своему плечу, сжал в объятиях сильнее, с грустью размышляя о том, что будет не просто, совсем не просто... И в то же время, он уже предвкушал то удовольствие, что получит от этой победы. Ни с чем не сравнимое удовольствие.

— Ты победила, — нежный поцелуй в висок, — сегодня к маме не пойдем... но завтра.

Тахир содрогнулся.

— Впрочем, возможно, я и завтра соглашусь на сделку, любимая, — прошептал Таэлран, абсолютно уверенный в том, что завтра позволит себе больше.

«Он меня приручает, — с ужасом понял демон, — он меня действительно приручает!».

****

Третье королевство. Сарда.

Городская лечебница.

— Я ее сам убью, — простонал ДахрадЭкхар.

Второго всадника Мрака рвало уже дважды — последствия пребывания на операциях, и он был пресыщен болью и страхом. Он хотел радости, хотя бы одного маленького кусочка радости, и счастья, и света, и... но:

— Скальпель, — раздался лишенный эмоций голос профессора Лориеса.

Найрина Сайрен мгновенно протянула требуемое. Всадника Мрака поражало то, как целители двигаются — четко, размеренно, уверенно, выверено, словно и не люди вовсе. И эти белые халаты и платки, закрывающие лицо от глаз до шеи, и лишенные эмоций переговоры. И ему становилось страшно, это был не явный страх, но что-то жуткое, медленно формирующееся внутри, пугающее. И в то же время злость, злость на человечку, которая едва не шаталась от усталости, но не показывала этого. Напиток, принесенный им для нее из Хаоса поддержал, но лишь на несколько часов, а сейчас время клонилось к закату, магианна не спала ночь, весь день на ногах и... И ДахрадЭкхар никогда не забудет, как войдя в туалетную комнату и удостоверившись, что она там одна, девушка прислонилась

спиной к стене и заплакала. Всего минутная слабость, а затем взгляд в зеркало на себя, и вновь спина ровная, плечи расправлены, слезы она вытирала с какой-то неожиданной злостью на себя сама. А ведь, по мнению всадника Мрака, имела полное право выплеснуть переживания — за жизнь ребенка с

паразитом внутри боролись несколько часов. Спасли. Вот после завершения этой операции Найрина и позволила себе чуть-чуть побыть собой. Но вот мгновение и ДахрадЭкхар вновь видел перед собой истинного целителя — без чувств и эмоций, без права думать о себе, без права позволить себе слабость.

Именно тогда ему захотелось убить человечку, причем исключительно из столь несвойственного жителям Мрака милосердия. И желание спровадить магианну за грань только росло.

— Просто убью и все, — жаловался он бодрой, отдохнувшей и выпавшейся вампирше, которая явилась в операционную в обнимку со змеем.

Ссагрус вообще вел себя подозрительно миролюбиво по отношению к своей исконной пище — выпастся дал, подушкой побыл, а теперь еще и ходит с ней вместе.

— Вы где были? — хмуро спросил ДахрадЭкхар.

— Ходили с Аараном и четвертым всадником Мрака в ближайшую таверну, — весело ответила адептка Смерти. — Теперь пришли, можем тебя сменить. Ты, кстати, есть не хочешь?

Она не стала рассказывать о том, как сильно удивился оборотень, обнаружив, что на крыше лечебницы он не один — напротив в той же лениво-выжидательной позе сидит тот, кого боятся даже демоны. Но стоило осознать, что это один из тех легендарных тринадцати всадников Мрака, как адепт в лоб спросил «Так кто из вас там была женщина?».

Ответ знал Ссагрус, он, как уже приобщившийся к познанию скрывающейся самки, был счастлив, спокоен и расслаблен, а потому вреден до крайности и второму змею — Шассагу ничего не сказал и говорить не собирался. О чем и не преминул поведать ДахрадЭкхару.

— Шассаг олух.

Второй всадник Мрака хмыкнул и задержал дыхание. Мгновенно застыл и Сагрус, недоуменно уставилась на них Хеарин.

Она не ощущала, а вот они отчетливо отслеживали прожигаемое пространство. Ближе... ближе... ближе... рев огня.

— Ааа, Смерть, — выдохнул Ссагрус, — шагах в пятистах.

— Да, он, еще четверо из темных и какой-то человек, — произнес ДахрадЭкхар.

Вампирша испытала приступ зависти, потому как она подобными умениями не обладала, а хотелось бы, потом спросила:

— И куда они?

— Остановились, думают, — удивленно ответил второй всадник Мрака.

***

Третье королевство. Сарда.

Даррэн Эллохар.

Принц Хаоса планировал появиться рядом с домом семьи Шилли, догадываясь, что именно здесь должна быть Найрина, готовясь к новому вечеру в чайной, но портал перенес его к городской лечебнице. Магистр Смерти задумчиво огляделся, после нервным жестом откинул прядь волос с лица и втянул носом воздух.

В следующее мгновение демон глухо зарычал. Глухо, но бесконечно разъяренно.

Эллохар понял все — и то, что дед посетил Третье королевство, и то, что вернул магианне Сайрен магию, и даже то, что рядом с его адептами сейчас находятся всадники Мрака.

Магистр Смерти медленно повернулся к городской лечебнице, сузил глаза от гнева, и приказал:

— Ко мне!

Стоящая в операционной Хеарин так и не поняла, почему вдруг сорвались с места Ссагрус и ДахрадЭкхар, едва не вскрикнула от неожиданности и с трудом удержала иллюзию, скрывающую их присутствие от людей.

Дернулись и целители. Нет, они не увидели происходящего — иллюзии Хаоса отличались устойчивостью, но ощутили как порыв ветра, так и изменения в магическом фоне.

— Темные? — задумчиво проговорил Лориес, не отрываясь от операции.

— Вы полагаете, что это могут быть темные? — так же не прерывая ни на миг поддержания работы сердца, переспросила Найрина.

— Больше никому, — усмехнулся маг. — Если только, — насмешливый взгляд на магианну Сайрен, — божественная благодать не снизошла разом на всех подавальщиков «Магии чая».

Хеарин едва не присвистнула, услышав подобное. Впрочем, для нее это объясняло многое — к примеру куда из городской лечебницы делись почти все целители с заблокированной магией.

— Простите? — Найри, в отличие от наблюдательной вампирши перемен в лечебнице не заметила.

— Я говорю, — профессор Лориес завершил спаивание тканей оперируемого и приступил к обработке шва, — что вдохновленные вашим примером, наши коллеги массово отправились устраиваться на работу в открытую при вашем непосредственном участии «Магию чая», в надежде, что непосильный труд и задушенная

гордость, умолят богов снизойти до них ничтожных и вновь подарить вожаделенную магию.

Магианна Сайрен даже не пошевелилась, продолжая контролировать сердце и дыхание пациента, но приняла четкое решение по завершению операции сбегать в чайную. Именно сбегать — чтобы предупредив Алеха, максимально быстро вернуться обратно.

Стук в дверь, затем заглянувшая сестра милосердия, торопливо проговорила:

— Роженица, тяжелая, первородна. Пятые сутки пошли, из Кавача доставили.

Пять суток. Наирина и профессор Лориес переглянулись — то, что ребенка уже не спасти поняли оба. Трое суток — шанс есть, пять — ни единого, милостью богов бы мать спасти и сохранить у нее все репродуктивные функции в норме.

— Вторая операционная, — глухо произнес целитель.

— Да, господин, — упавшим голосом ответила сестра, вмиг все поняв.

В ее глазах мелькнули слезы, однако глаза целителей оставались сухими. Не время плакать, не та ситуация, в которой можно расслабиться.

— Завершаем, — скомандовал Лориес.

— Да, профессор, — отозвалась магианна Сайрен.

Хеарин только укоризненно головой покачала — она откровенно не понимала, как эта юная человечка еще держится на ногах. И почему продолжает тратить себя на этих бесконечных больных. Нескончаемых. Пострадавших настолько, что некоторых было бы

проще убить. Зато адептка Смерти заучила десятка три названий человеческих болезней и теперь была уверена, что на пересдаче «Анатомии человека» точно заслужит высший двенадцатый бал и тогда всей группе нос утрет.

Операция была завершена, целители вверили пациента заботам сестер, вышли в подготовительную. Магические перчатки были сняты и уничтожены, халаты стремительно сняты, и маги вышли в коридор, чтобы войти в двери напротив, где их уже ждали новые халаты, перчатки, повязки на лица. Хеарин следовала за ними, испытывая чувство стыда по поводу того, что сама не принимает санитарных мер.

А вот в операционной на кушетке металась девушка, совсем юная, уже тщательно вымытая, и подготовленная к операции, для которой ее огромный живот был обнажен и покрыт дезинфицирующим раствором. Магианна Сайрен на миг остановилась у двери — посиневшие губы, темные круги под глазами, посиневшие ногти... она поняла, что девушка умирает. Профессор Лориес так же отчетливо это понял.

Адептка Смерти ничего не поняла, она стояла, открыв рот от изумления, и смотрела на ходящий ходуном живот роженицы. На него же и обратили внимание целители.

— Сейчас-сейчас, милая, потерпи, — Лориес подскочил к девушке, проявив удивительную для его лет прыть, торопливо разместил ладонь на холодеющей коже, закрыл глаза и прошептал: — Заархена.

«Заархена» — заклинание передачи жизненных сил! Найрина вовсе не ожидала от язвительного профессора подобной доброты. И лишь шумно выдохнула, когда синева почти мгновенно покинула лицо роженицы, а сама она вздрогнула и открыла глаза.

В тот же миг в операционной почему-то четко ощутился запах крови, а вот испуганного вопля «Ммммагистр, они... они... они тут этого пробуждают!» — никто не услышал.

— Вот и умница, голубушка, вот и правильно, дорогуша, — начал уговаривать профессор, начиная делать легкие поглаживающие нажимы на живот. — Нас как зовут?

У селянки оказались удивительно красивые нежно голубые глаза, и эти глаза с ужасом смотрели на всех — на профессора Лориеса, продолжающего целенаправленно наглаживать живот, одновременно стимулируя родовой процесс, и на сестер милосердия, вмиг сообразивших, что именно делает маг и потому поднимающих и сгибающих в коленях ноги роженицы, и на магианну Сайрен, расположившуюся в изножье кушетки, чтобы принять роды.

— Хорошая женщина, сильная, — продолжал приговаривать Лориес.

— Сайрен, отойдите вправо на четыре шага и подготовьтесь принять дитя в защитный кокон. Формировать начинайте уже сейчас. Госпожа Тамишан, ноги роженицы обработать мазью от ожогов, максимальный слой, я стабилизирую, госпожа Акаф, мокрые простыни, госпожа Наргате, сбегайте за санитарями, предупредите, что у нас тут сейчас будет пожар.

Исключительно воспитание позволило Найрине сдержаться и не задавать лишних вопросов, сестры так же не проронили ни звука, ринувшись выполнять поручения — авторитет Лориеса был велик.

И только роженица испуганно выдохнула:

— Пожар?

— Да-да, миленькая, — заулыбался профессор. — А как вы думали дракончика на свет произвести?

Госпожа Тамишан вскрикнула, и приступила к нанесению мази непомерно огромным слоем, с ужасом поглядывая туда, откуда собственно...

— Ребеночек, — продолжил Лориес все так же наглаживая живот, — он же при рождении боль испытывает, тяжело же ему родовые пути головкой раздвигать, а когда больно — кричит. Это обычный младенец просто криком кричит, а ваш, голубушка, с огоньком вопить будет.

Магианна Сайрен невольно глянула на профессора с откровенным недоумением, но тот проигнорировал ее взгляд и обратился к роженице с вопросом:

— В горах у кристальных озер зачатие произошло?

Тактичность была не тем качеством, за которое ценили целителя Лориеса. Селянка покраснела, кивнула, затем отрицательно помотала головой и прошептала:

— Он меня... любит, мы любили, мы...

На лице целителя промелькнуло странное выражение, и одной этой гримасы Найрине хватило, чтобы понять — о любви тут и речи не было. Когда дракон любит, женщина рождает у него в пещере, а не остается один на один с родами, с которыми ее тело без магии крылатых справиться не в состоянии. В целительстве подобные случаи были известны, и тогда сгорали целые деревни, а мать и дитя погибали в мучениях.

— Мне подготовить щит для матери? — спросила Найри.

— Я сам, — ответил Лориес. — Младенец сильный, занимайтесь исключительно им. Начинаем.

И несчастную роженицу сковало магией по рукам и ногам, в следующее мгновение раздался ее полный боли крик. Госпожа Тамишан, завершившая с нанесением мази, торопливо вытерла руки, обошла кушетку и остановившись напротив профессора, принялась уговаривать девушку дышать так, чтобы максимально усилить схватки. Со своей стороны Лориес продолжал стимулировать роды, вливая собственную силу в роженицу.

К тому моменту, когда принц Хаоса ворвался в операционную, уже показалась головка новорожденного, но это не помешало профессору одарившего вбежавшего лишь взглядом, прошипеть:

— Даже если вы его папаша, это не помешает мне, вызвать у вас половое бессилие лет на десять. Подите вон, это операционная!

Найрина посмотреть на появившегося не могла, магианна целиком и полностью была занята младенцем, который первым своим криком опалил простыни и нанес несколько ожогов матери. Она не могла отвлекаться от своей основной задачи — позаботиться о ребенке, но ее выдержка подверглась суровому испытанию едва зазвучал знакомый мужской голос:

— Вы отвратительный знаток мировых рас, иначе с первого взгляда определили бы, что я не дракон — у меня шея короче! — ярость прорывалась в каждом слове.

Магианна вздрогнула, против ее воли в глазах показались слезы и ей пришлось приложить все усилия для того, чтобы не обернуться.

— Мне бесконечно наплевать, к какой расе вы относитесь, — надавливая на живот, заявил Лориес. — Пошел вон, хам антисанитарный!

Хеарин, сжавшаяся в углу операционной вскрикнула, и тут же закрыла рот руками, Найри обернулась, испуганно глядя на господина Элпохара, а сам принц Хаоса в бешенстве смотрел на целителя, посмеявшегося так его оскорбить.

— Сайрен, не отвлекаться! — рявкнул Лориес.

— Предсмертное желание есть? — мрачно и совершенно спокойно поинтересовался демон.

И целитель ощутил, как против его воли, волосы поднимаются дыбом, как чья-то невидимая рука медленно сжимает его горло, как жизнь тягуче, словно струйка крови, покидает его тело...

— Господин Эллохар, прошу вас, — магианна Сайрен, не замечая, как и все присутствующие, происходящего с целителем. Взглянула на темного и объяснила, — это операционная, здесь все стерильно. Поймите, иной раз инфекция уничтожает все, чего целитель смог добиться во время проведения операции. Профессор Лориес не желал оскорбить вас, просто ему доводилось не раз хоронить тех, кого погубила как раз инфекция, и...

— Это роды, Найри, — процедил демон, с трудом удерживая иллюзию человеческого облика. — Причем паршиво принимаемые роды!

И разгневанный магистр Смерти, в несколько шагов пересек операционную, затем сдвинул оторопевшего Лориеса в сторону, и с силой нажал на живот девушки. Крик роженицы завершился ее полным облегчения всхлипом, и почти сразу все услышали злой, обиженный писк пойманного в магический кокон младенца, который больше не дышал огнем, а напротив, выражал недовольство, проверяя возможности голосовых связок.

— Кокон можешь убрать, — с неожиданной улыбкой произнес Эллохар, глядя на потрясенную магианну Сайрен.

Найри стояла, удерживая ребенка и не отрывая от него замороженного взгляда.

— Эй ты, с простынями, — принц Хаоса повернулся к потрясенно застывшей госпоже Акаф, — выброси эти мокрые тряпки, принеси нормальные чистые пеленки!

Сестра мгновенно подчинилась, швырнув заготовленное на пол и метнувшись в подготовительную, за чистой тканью. А младенец перестал орать, и теперь задумчиво смотрел на Найрину, бесконечно-синими драконьими глазами. Эллохар улыбнулся этой трогательной сцене, повернулся к роженице и спросил:

— Ты как, милая?

Девушка испуганно смотрела на него, испытывая и стыд, и смущение, и чувство растерзанности после родов, и...

— Сколько дней мучилась? — вновь заговорил Эллохар.

— Пять, — выдохнула селянка.

Магистр Смерти кивнул, затем повернулся к застывшей госпоже Тамишан и приказал:

— Пуповину перережьте. И займитесь младенцем, огня больше не будет.

И снова его веление было мгновенно и безропотно исполнено, и как раз вернулась сестра Акаф, со стопкой пеленок. Женщины приняли ребенка из защитного кокона, а затем, обтерев, передали матери.

— А скажите, уважаемый, — профессор Лориес уже оправился от испуга, и теперь с нескрываемым подозрением взирал на высокого светловолосого мужчину, — а от чего это в вашем присутствии, новорожденный дракон сдерживает собственное пламя, а?

Магианна Сайрен, в этот момент как раз рассеивающая созданный ею кокон испуганно взглянула на Эллохар. Магистр Смерти улыбнулся ей, затем круто развернулся в сторону целителя и издевательски-проникновенным шепотом ответил:

— А потому, уважаемый, что в отличие от вас, я не приставал к его матушке, интимно оглаживая ее живот.

Лориес застыл, приоткрыв рот от возмущения.

— Извращенец, — Эллохар укоризненно покачал головой. — Нет, всегда знал что вы,

престарелые целители, с заметными странностями, но чтобы все было настолько печально...

— Да как вы... — начал было целитель.

И осекся, заметив предостерегающий взгляд этого странного человека. Человека, перед которым неосознанно испытывал страх, и что-то внутри шептало, что страх более чем обоснован.

— Правильное решение, — демон весело подмигнул магу.

Затем Эллохар еще раз внимательно посмотрел на малыша, пристально и с интересом разглядывающего собственную мать, кивнул каким-то своим мыслям и направился к двери, скомандовав:

— Найриша, на выход!

***

Третье королевство. Сарда.

Наирин Сайрен.

Странное ощущение — с появлением господина Эллохара, я словно очнулась ото сна. От какого-то затяжного кошмарного сна, в котором запретила себе даже думать об этом человеке. Однажды, я уже дала себе обещание больше никогда не смотреть в сторону одного юноши с факультета боевой магии, вчера ночью, в чайной, сжигая послания моего невероятного знакомого, я повторно дала себе ту же клятву. Но стоило мне услышать этот голос... О, боги!

— Найри! — господин Эллохар был уже в подготовительной.

И я поняла, что не последовала за ним, находясь в каком-то странном оцепенении. Рождение дракона, огонь, вырывающийся из самой глубины женского тела, вмешательство моего спасителя, спасшего, похоже и роженицу, его четкие лаконичные команды...

Я бесконечно уважала профессора Лориеса, но не могла не признать, что здесь и сейчас господин Эллохар повел себя профессиональнее и в моем отношении к этому странному человеку, появилось уважение, на грани благоговения. Профессор дал ясно понять, что мать не выживет, потому что у него сил для создания щита не хватило бы, а мне он не позволил отвлекаться от дитя, и она бы не выжила, не появилась мой странный знакомый.

Не глядя ни на кого из присутствующих, я торопливо вышла, и закрыла за собой двери, встретив усталый и какой-то раздраженный взгляд господина Эллохара.

— Что? — хмуро спросил он, заметив, как я на него смотрю.

Я не нашла, что ответить. Внутренне я решалась на шаг, за который, и я более чем убеждена в этом, буду корить себя всю оставшуюся жизнь. Ведь он любитель женщин, в этом не приходилось сомневаться. Причем любитель распутных женщин, а это никак нельзя было назвать достоинством. А еще он язвителен и достаточно жесток, но, несмотря на злые слова, всегда готов прийти на помощь... мне, так уж точно. И как бы я не была обижена, сколь бы не негодовала, я смотрела на это не красивое, но столь притягательное лицо, на несуразно длинное худощавое тело, в его светло-синие, с удивительным серым отблеском глаза, на четко очерченные губы... Я никого никогда не целовала сама, кроме родителей и няни, а сейчас собиралась повести себя как распутная женщина, но... Но если это то, чего господин Эллохар от меня желает, если это доставит ему радость хоть в сотую долю равную моей благодарности за меня, за таверну и за спасение сегодня матери и ребенка, я готова стать распутной женщиной.

— Мне не нравится твой взгляд, — неожиданно произнес господин Эллохар. — И мне так же не нравится, что проведя сутки на ногах, ты, вместо того чтобы спать заявила в

лечебницу. И еще мне не нравится, что пашешь на износ, совершенно забыв о себе! И что связываешься в авантюры с рождением дракона, способного спалить тут все первым криком! И...

Я даже не вслушивалась в его слова, и не смогла бы услышать, наверное. Сейчас я слышала только свой внутренний голос, который используя все доводы разума, отговаривал от совершения задуманного. Но я оттолкнулась от двери, стянула платок с лица, шапочку с волос, перчатки, уронила их на пол и медленно подошла к самому невероятному мужчине из всех, кого когда-либо знала. И почему-то в этот момент мне вспоминалось лишь то, как он держал меня за руку, как обнял, когда я расплакалась, как попросил налить ему чаю...

И подойдя близко-близко, я едва слышно попросила:

— Наклонитесь, пожалуйста.

На лице господина Эллохара отразилось что-то странно-потрясенное, и он тихо спросил:

— Зачем?

Зажмурившись изо всех сил, я обняла мужчину за шею, потянув заставила наклониться и, задержав дыхание, прикоснулась к его губам.

И растерялась.

Я не умела целоваться, не умела и не знала как, я лишь замерла, ощущая это недопустимое прикосновение всем телом, чувствуя как закружилась вмиг голова и понимая что, мне невероятным образом хочется, чтобы сейчас сделал что-то он... Хотя что-то. Обнял, поцеловал, что-нибудь. Но господин Эллохар продолжал стоять полусогнувшись и никак не отреагировал на мое изъяснение благодарности. Он просто стоял и... все.

Медленно отстранившись, я открыла глаза, увидела его задумчивый взгляд и услышала:

— Это что сейчас было, Найриша?

Мгновенно убрала руки, отступила и поняла, что глаза жгут совершенно непрошенные слезы. Абсолютно непрошенные, и что мне стыдно. Безумно стыдно.

— Ну? — холодно спросил аристократ. — Я жду ответ!

Я растерялась окончательно. Глядя на господина Эллохара, я видела только гнев, раздражение, глухое недовольство и злость. Злость на меня и...

— Это была благодарность, — прошептала я, испуганно отступая.

Потому что почему-то показалось, что передо мной вовсе не человек, а... темный. Глаза как-то совершенно неожиданно стали ярче, кожа темнее, черты лица резче, плечи шире и в общем... Но мне ведь показалось, потому что в дальнейшем господин Эллохар выглядел как человек, и этот человек гневно прошипел:

— Благодарность?!

Лицо мужчины исказила такая гримаса, что я сделала еще шаг назад. А затем испытала вполне резонное возмущение! По какому праву он выражает гнев? Откуда вообще столько злости? И за что? За то, чего он сам столь недвусмысленно добивался?!

И не сдержавшись, я возмущенно произнесла:

— Это ведь именно то, чего вы от меня добивались, господин Эллохар, не так ли?! Именно это вы мне намеревались показать, демонстрируя те книги! Об этом говорили! Так к чему теперь ваша ярость! К чему? Вы желали поцелуя в качестве благодарности? Вы его получили! Я не вижу причин для гнева!

Мне хотелось высказать и все остальное, что накопилось в душе, и отдельно про тех женщин и сломанные ноги Алеха и господина Мирвара. Но остановил взгляд — какой-то

вмиг потухший, печальный, усталый взгляд господина Эллохара и я не стала этого говорить. А осознав, что я умолкла, этот невероятный мужчина вдруг тихо произнес:

— Прости.

И по моим щекам потекли слезы. Я не хотела плакать, не при нем, я не желала вообще касаться этой темы, и... не хотела, чтобы он знал.

— Прости меня, Найриша, — едва слышно повторил господин Эллохар.

Я опустила глаза, глядя в пол, который расплывался из-за слез.

— Мне очень хотелось в тот вечер, подарить тебе то единственное, что могло сделать тебя счастливой, — негромко продолжил господин Эллохар. — Но я не смог, прости. И за тот поцелуй, который я мечтал подарить тебе, а отдал другой, и за то, что не решился показаться тебе на глаза, несмотря на то, что был на открытие чайной.

Слезы потекли втрое быстрее. Я просто стояла и плакала, не в силах сдержаться, не в силах посмотреть на него, не в состоянии ответить что-либо.

— И за то, что сейчас не оценил, — совсем тихо добавил он. — Просто видел, как тяжело было тебе решиться на это... Благодарность не повод для поцелуя, Найриша, я от тебя хотел совершенно иных чувств.

Я прижала ладонь к губам, только бы не зарыдать в голос при нем.

— Прости, — едва слышно.

В ответ я не смогла произнести ни слова. И он тоже промолчал. А затем, спустя несколько минут, все так же тихо произнес:

— Мой подарок ждет тебя в приемной. Его было непросто достать, и ему очень нелегко пришлось и потребуется твоя помощь, но все же... — Господин Эллохар замолчал, а затем тихо добавил: — Мне не нужны поцелуи из благодарности, Найрина.

И я услышала, как хлопнула, закрывшись за ним, дверь.

И словно что-то оборвалось в груди. Я не ждала извинений, я даже не предполагала, что мой поступок он воспримет так, я поняла, что ему больно, очень больно, как и мне. И не прошло и минуты, как позабыв о гордости, о чести и даже о чувстве собственного магического достоинства, я бросилась следом за ним, едва не сбив с ног вошедшую сестру Генран.

Поспешно извинившись, я бросилась в коридор и подхватив юбки побежала, слыша стук собственного сердца куда отчетливее, стука каблучков по полу. Промчалась через весь длинный выбеленный коридор, толкнула натужно заскрипевшие двери, ворвалась в приемный покой и...

Я не сразу увидела его, пошатывающегося в потрепанной мантии адепта боевого факультета, со всклокоченными волосами, слишком бледной кожей, растерянным взглядом зеленых каких-то потускневших глаз и искусанными в кровь губами. Я не сразу узнала собственного брата, и не поверила, услышав из уст одной из сестер: «Вы Сайрен. Боевой маг Ниран Сайрен.

Здесь ваша сестра, я сейчас позову ее».

Я стояла так, словно меня поразил небесный гром. Я не могла поверить... я просто не могла поверить...

А потом Ниран поднял голову, увидел меня и сиплым голосом произнес:

— Найри...

И вот тогда я действительно поверила — мой брат вернулся.

***

Мне казалось, что все это сон — отдельная белоснежная палата, Ниран, вымытый, накормленный, переодетый в больничную пижаму, забывшийся спокойным сном. Сонные чары наложила я, едва брат в сотый раз спросил «Что со мной, Найри?!». А я... что я могла ответить? Что брат выглядит состарившимся на два десятка лет, что с первого взгляда я идентифицировала серьезные внутренние повреждения, неправильно сросшиеся кости таза и ребер, что отчетливо вижу последствия отвратительно излеченных внутренних травм, нарушение работы органов пищеварения и две черные туманные области в его голове, свидетельствующие о том, что применялись ментальные пытки... Я не хотела говорить ему об этом, я молча жевала очередной бутерброд, принесенный мне заботливыми сестрами лечебницы, пила сладкий — пресладкий крепкий чай и набиралась сил, для предстоящего.

Тихо скрипнула дверь, пропуская профессора Лориеса. Целитель подошел к постели, долго разглядывал Нирана, затем тихо произнес:

— Не вытянем, ни вы, Сайрен, ни я, слишком измотаны.

Я это понимала, но в то же время и отказаться не могла.

— Ложитесь-ка поспите, — неожиданно по-доброму приказал Лориес. — Давайте, вы, отоспитесь, я покемарю несколько часиков, и вот тогда вдвоем и приступим.

— И вы... поможете? — не веря в свое счастье, спросила я.

Просто я понимала, как много сил и энергии потребуется для того, чтобы вернуть Нирану хоть часть утраченного, хотя восстановить до приемлемого состояния и...

— Отправляйтесь домой, Сайрен, — наставительно посоветовал профессор Лориес. — Ваш брат проспит не менее десяти часов, а вот вам здесь поспать не дадут. Идите, выспитесь как следует, поешьте, мне пару пирогов от Шилли захватите и на рассвете возвращайтесь, нас ждет тяжелая работа.

С нежностью посмотрела на брата, которого уже и не мечтала увидеть, жива осталась лишь надежда, и отрицательно покачала головой, собираясь сказать, что останусь здесь.

— Здесь останусь я, — правильно понял мой жест профессор, — лягу вот тут на соседней койке, я уже трое суток без сна. А вы отправляйтесь домой, иначе завтра напортачите, а брату потом так всю жизнь ходить. Ступайте, Сайрен, спать в одной палате с незамужней девушкой мне совесть не позволяет, а эта палата последняя со свободной койкой во всей лечебнице!

После подобного мне стало стыдно отказывать. Наклонившись, установила сигнальное заклинание, поцеловала брата в лоб и ушла, оглянувшись раз десять, если не больше.

— Иди-иди уже, — расстегивая халат, потребовал профессор Лориес. Я покраснела и торопливо вышла.

***

В Саарде была уже ночь. Остановившись на пороге лечебницы, я несколько минут потрясенно смотрела на темень, окутавшую город и не могла поверить, что провела весь день здесь. Мне казалось пять-шесть часов, не больше. Похоже, усталость брала свое.

Пройдя через ворота, я свернула в к городскому парку, намереваясь зайти в чайную и узнать, действительно ли братьям Шилли не требуется моя помощь.

Ночь давно сменила серые густые сумерки, но теперь у меня была магия и перестроив свое зрение, я отчетливо видела в полумраке. Именно благодаря магии, я и увидела сидящего у неосвященной фонарями скамье у самой кромки воды, господина Эллохара. Он сидел, широко расставив ноги, сгорбившись и оперевшись локтями о колени. И мне, как благовоспитанной леди, следовало пройти мимо, но... моего мира давно нет, мне довелось

побывать на самом дне, я едва не стала любовницей главаря преступной банды, я работаю управляющей в чайной и мне ли, после всего этого, вести себя как леди?

Грустно улыбнувшись собственным мыслям, я свернула к озеру, прошла по траве, придерживая юбку, подошла к скамье и без слов опустилась на самый краешек.

— Встань, — недовольно приказал господин Эллохар.

Почему-то я подчинилась, а едва поднялась, мужчина снял с себя камзол, постелил на доски и произнес:

— Вот теперь садись, раз уж пришла.

Медленно опустившись обратно на скамью, я улыбнулась, даже сама не знаю чему. Просто на душе неожиданно стало хорошо и спокойно и уходить никуда не хотелось.

— Даррэн, но можешь называть меня Рэн, — тихо сказал господин Эллохар.

— Спасибо, — прошептала я.

— Не за что, мне будет приятно услышать собственное имя из твоих уст.

Он продолжал смотреть на озеро и только на него. Я вновь улыбнулась и сказала:

— Благодарю вас, Даррэн.

Реакция была мгновенной! Мужчина стремительно повернул голову, с пристальным прищуром посмотрел на меня и неожиданно хрипло приказал:

— Повтори!

Но меня почему-то вовсе не испугало его поведение, наверное в глубине души я все еще считала его немного сумасшедшим. И все же, с улыбкой подчинилась:

— Спасибо, Даррэн.

Судорожный выдох, на мгновение зажмуренные глаза, а затем, вновь глядя на меня, но как-то совсем иначе, он выдохнул:

— Ты так легко согласилась... Я ожидал сопротивления.

— Почему? — Я не могла себе объяснить собственного поступка, но придвинулась ближе к мужчине и осторожно коснулась его руки. — У вас очень красивое имя.

На лице господина Эллохара появилась странная, немного хулиганская улыбка и он неожиданно попросил:

— Скажи «Рэн», пожалуйста.

Просьба показалась мне странной, но слово «пожалуйста»...

— Рэн, — смущенно пробормотала я.

Резко выдохнув, мужчина улыбнулся широко и очень довольный, а затем вновь попросил:

— Еще раз.

— Я... не понимаю, — была вынуждена признать, убирая руку с его ладони и осторожно отодвигаясь.

Но господин Эллохар придвинулся сам, наклонился к самому моему лицу, и, не прикасаясь ко мне, попросил:

— Пожалуйста.

Заворожено глядя в удивительные глаза лорда, я прошептала:

— Рэн...

Он улыбнулся и прошептал:

— Самый невероятный момент в моей жизни.

Мне сложно было понять, что имел ввиду господин Эллохар, но хватило его улыбки и счастливых глаз, чтобы улыбнуться в ответ.

— Тебя можно обнять? — осторожный вопрос.

— Да, — забыв обо всех правилах, принципах, собственных обещаниях и вообще всем на свете, прошептала я.

Даррэн обнял за плечи, придвинул к себе, вторая его рука накрыла мои сложенные на коленях ладони. В глазах опять заблестели! слезы, но я не пыталась их скрыть, ведь мы оба сейчас смотрели на озеро. И я, несмотря на то, что отчетливо понимала, насколько безнравственно поступаю, прислонила голову к плечу господина Эллохара, и отчетливо услышала его судорожный вздох.

В черном ночном озере отражались звезды, где-то в парке слышалось пение соловья, аромат цветов витал в воздухе. Ночь была тиха, величественна и красива, и я впервые за долгое время вновь могла спокойно созерцать ее красоту. И даже не одна.

— Почему вы здесь? — вопрос, наверное, звучал бестактно, но я не могла не спросить.

— Здесь спокойно, — негромко ответил он мне. — Тихо и спокойно, я устал за последние несколько... дней. А ты?

— Шла в чайную, — укол совести был болезненным, я ведь знаю, что братья Шилли ждут меня, и все равно сижу здесь.

Но самое ужасное — даже осознавая, что меня ждут, я не хочу уходить. Мне хорошо и спокойно и я очень счастливая, ведь Ниран жив и он возвратился. И утром я смогу вернуть ему утраченное здоровье. Верну, я уверена в этом, ведь со мной будет профессор Лориес. И теперь все будет хорошо, все действительно будет хорошо — мы с Нираном снимем квартиру, магия у нас есть, у меня есть работа в чайной, жизнь налаживается, и благодарить за это я должна человека, который так тепло и нежно обнимает меня.

— Спасибо, — тихо сказала я.

— За что? — прозвучал несколько усталый вопрос.

— За господина Меллоуина, — тихо ответила я. — Если бы не он, семья Шилли потеряла бы деньги, а я... они и так приютили меня и

помогают, мне было бы горько и неловко, если бы из-за меня... А господин Меллоуин он удивительный человек, с невероятной коммерческой хваткой и умением зарабатывать деньги так, как не может никто другой.

— Даже спорить не буду, — как-то подозрительно саркастично протянул господин Эллохар.

Но все равно набравшись смелости, я продолжила:

— И я не знаю, как благодарить вас за спасение Нирана!

Даррэн грустно усмехнулся и произнес:

— Не стоит благодарности, Найриша, действительно не стоит. Я рад, что мне удалось вытащить его из того кошмара, в котором осталось еще так много покалеченных детей. Я сделаю все, чтобы спасти и остальных, потому что... не могу иначе. Так что не благодари, действительно не стоит, я поступил бы так, даже если бы он не был твоим братом, и это правда. Прости.

Я потрясенно смотрела на него. Простить за то, что господин Эллохар настолько благороден, что желает спасти остальных?!

И скольких остальных?! Мне вспомнились слова Алеха о том, что маги давно стали пропадать, и о том, что пропало значительное количество. И вот сейчас Даррэн произнес «из того кошмара, в котором осталось еще так много покалеченных детей», и это он имеет ввиду адептов? И как-то совершенно неожиданно мне вспомнился скандал между магианной Соер и старшим профессором архимагом Габором о том, что не прекращая летнюю практику

и не возвращая адептов он нарушает учебный процесс...

— Даррэн, — я напряженно выпрямилась, — а сколько там еще адептов нашей магической академии, и где это там?!

В следующее мгновение господин Эллохар вдруг схватил меня за талию, резким движением усадил к себе на колени, взял за подбородок, повернул к себе и хмуро спросил:

— Ты что-то знаешь?

— Пустите! — возмущенно потребовала я.

Но мужчина даже не пошевелился, внимательно глядя мне в глаза. И в этом взгляде, жестком, непримиримом, читалась решимость получить ответ на свой вопрос. Уперевшись ладонями в его плечи и пытаюсь вырваться, я зло ответила:

— Мне ничего не известно, господин Эллохар! Пустите!

Он продолжал держать, сжав зубы, едва я обратилась к нему столь официально. Но и он перешел рамки дозволенного, усадив меня так, как распутную женщину! И конечно, я виновна в этом сама — леди не позволительно сидеть ночью с мужчиной наедине, но все же... Да, я виновата сама, и ладони бессильно скользнули вниз, а я перестала сопротивляться. Затем, закрыв глаза и стараясь не расплакаться, тихо ответила.

— Я ничего не знаю, господин Эллохар. И не знала. Я семь месяцев делала все, чтобы найти Нирана. Я побывала у самых известных магов, я растратила все семейное состояние, все наследство на его поиски... и не нашла. Совсем недавно Алех Шилли рассказал о том, что в Сарде маги пропадают уже достаточно давно, он это отметил по снижению продаж в хлебной лавке, которая располагалась рядом с нашей академией. Теперь ваши слова... И мне вспомнился конфликт магианны Соер с руководителями практики архимагом Габорм, сделать выводы было не сложно. А теперь отпустите меня, пожалуйста.

Но вместо того, чтобы последовать моей просьбе, господин Эллохар вдруг сказал:

— Не хочу.

— И Что?!

— Не хо-чу, — четко и по слогам произнес мужчина. — И называй меня Рэн, пожалуйста.

Не зная, что и думать далее, не понимая его в принципе, я тихо призналась:

— Мне неловко находиться в такой позе, Даррэн. Отпустите меня, пожалуйста.

Несколько секунд напряженного молчания и мужчина разжал руки. Я соскользнула с его колен, встала, а вот садиться с ним рядом уже не хотелось. Очарование ночи, то спокойствие и надежности уже исчезли. Нет, я не боялась господина Эллохара — вернувшаяся ко мне магия позволяла уже никого не бояться, но менее всего мне хотелось причинить ему вред, даже если придется.

— Все равно не хочу, — вдруг произнес мужчина, и я вскрикнула от неожиданности, когда он схватил меня и вновь усадил к себе на колени, сжав в объятиях столь собственнически, что меня в первый момент вовсе не удивило вырвавшееся, словно из глубин его диафрагмы хриплое: — Моя.

Но спустя это мгновение я возмущенно воскликнула:

— Господин Эллохар.

— Мм? — весело отозвался он.

— Отпустите!

— Нет, — последовал невозмутимый ответ, а затем загадочно-протяжное:- Найриша, прелесть моя, о чем вы думали, называя меня по имени, м?

В моей душе поселилось странное, нехорошее предчувствие и ощущение чего-то непоправимого.

— Господин Эллохар, — начала было я.

Но мужчина улыбнулся, в магическом сумраке сверкнула его белоснежная наглая улыбка, и он произнес:

— Не «господин Эллохар», а лорд Даррэн Эллохар, магистр Смерти, принц Хаоса и наследник престола Ада, но для тебя, радость моя, Рэн и только Рэн, в особо официальных случаях можно Даррэн.

Затаив дыхание я потрясенно смотрела на мужчину, проговаривая про себя «магистр Смерти», «принц Хаоса», «наследник престола Ада»... Логичное объяснение сверкнуло в моем сознании сразу, и я, подняв руку, осторожно разместила ладонь на лбу господина Эллохара.

— Найриша, что ты делаешь? — прозвучал напряженный вопрос.

— Мне кажется, вам нездоровится, — тихо ответила я. — Но у меня сейчас есть магия, так что я...

— Найри! — прозвучал взбешенный рык и мою руку довольно грубо схватив, опустили вниз. — Угораздила же Бездна с тобой связаться!

Я не обиделась, я понимала, что люди никогда не оценивают адекватно состояние своего ума, и потому лишь напомнила:

— У этого озера есть дно, господин Эллохар, мы с вами это уже обсуждали...

Мужчина закрыл глаза, шумно дыша и заметно стараясь сдержать свою ярость, а после прошипел:

— Знаешь, Найришшшша, первый раз это было даже забавно, второй — вовсе не весело, но намекнуть на то, что я по твоему сумасшедший в третий раз — перебор. Считай, что ты только что нарвалась, причем исключительно сама!

И он распахнул ресницы.

Огонь! Ярко-синее пламя, осветившее его лицо призрачным мертвым светом!

Крик замер у меня в груди, я отшатнулась, но мне не позволили отодвинуться даже на миллиметр.

— И кстати про озеросссс, — в шипении явственно послышался рык,

— у него да, есть дно! А я говорил про Бездну!

И нас вдруг обуяло пламя! Синее, нестерпимо яркое пламя!

Я закричала, но умолкла, едва голова закружилась так, словно мы падаем, действительно падаем.

А после резко остановились, и я оказалась стоящей рядом с господином Эллохаром, который крепко обнимал меня. И мы стояли на краю черной скалистой степи, да на краю земли практически, в шаге от бесконечной пропасти! Огромной настолько, что противоположного края я не видела, и...

— А вот это, прелесть моя, та самая Бездна, которую я упоминал, — разъяренно сообщил мне мужчина. — Но таки да, у нее тоже есть дно, называется Мрак, и является колыбелью жизни всех известных миров!

В этот самый миг оттуда, из беспроглядной тьмы, раздался дикий, ужасающий, сотрясающий все вокруг рев.

— Мм, ты везучая, — склонившись к моим волосам, прошептал господин Эллохар, — первый раз у края Бездны и увидишь одну из попыток прорыва на территорию моего мира.

Ветер ударил в лицо — странный, с ароматом чего-то мускусного, пугающего. И снова задрожала земля — я устояла, лишь потому что меня крепко держали, а потом страшно стало даже кричать...

Они ползли из Бездны, из этого края мира, огромные, несуразно жуткие, темно-коричневые, с глянцевым сверкающим в свете красного заходящего солнца панцирями, способные уничтожить города за несколько мгновений! Да они были настолько большие, что могли сравниться в размерах со скалами!

— Большие, — насмешливо произнес господин Эллохар, — но безмозглые. Сейчас Хедуши появятся.

Земля гудела, дрожала крошилась под огромными лапами, терзаемая когтями и клешнями, жуткие трещины расходились по равнине, осыпались скалы, гул, грохот, ужас! Но почему-то, я ничуть не убоялась монстров. Я боялась того, кто продолжал обнимать меня, не давая и шанса погибнуть или упасть с этого края мира в бездну. И я не верила, не могла поверить в то, что сейчас происходило, я...

Они упали с неба — крылатые демоны, с рогами, копытами, хвостами и секирами, наносящими не только удары, но и посылающими огонь — красно-оранжевый, ослепительный огонь.

Короткая жестокая схватка, и вот монстры сброшены обратно в Бездну, следом демоны отправили отрубленные во время боя конечности, без напряжения поднимая объекты, в десятки раз превышающие их собственные размеры... Страшно? Нет, страшно не было до тех самых пор, пока там, во тьме, куда сбросили монстров, не послышалось довольное чавканье, хруст ломаемых костей, рычание и звуки сражения за добычу.

Монстры пожирали монстров...

— Да, кстати я тоже проголодался, — задумчиво произнес господин Эллохар. — А ты сегодня ела?

— Нет, — прошептала я, прижимаясь спиной к тому, кто был единственным приемлемым в этом... Аду!

Где с рычанием поедали себе подобных! Где существовали монстры, в два десятка шагов способные преодолеть всю Саарду! Где крылатые демоны, завершив с работой, направились к нам!

— Тихо-тихо, это свои, — успокоил меня мужчина.

Свои?! В каждом из демонов было не менее четырех метров роста! Они были с копытами! Крыльями! Громадными черными витыми рогами! Темной испещренной светящимися татуировками кожей! Я готова была заорать от ужаса, но не долетев до нас и двадцати метров, все демоны приземлились, а затем слаженно и одновременно опустились на одно колено и склонили рогатые головы.

— Ваше смертейшество, — произнес самый жуткий из них.

— Качественная работа, Гарлах, — похвалил господин Эллохар.

И в этот момент я поняла страшное — Даррэн сказал мне правду! Я пошатнулась и не устояла бы на вмиг ослабевших ногах, не поддержи он меня. Но затем, эта страшная правда вдруг стала совершенно незначительной, потому что дальше демон сказал:

— Мы наблюдаем участвовавшие в двенадцать раз вылазки из Бездны, мой принц. И они происходят все чаще по всему охраняемому периметру. В Бездне происходит что-то страшное, что-то, что толкает даже самых громадных, а значит защищенных, искать спасения в Хаосе.

Я потрясенно смотрела на демона, тот, увидев мой взгляд, оскалился в подобии улыбки, склонил голову в знак уважения, затем вновь выжидательно посмотрел на господина Эллохара. Я тоже оглянулась и увидела, как полыхнули алым его глаза. Затем Даррэн задал вопрос:

— С дедом связывались?

— Властитель Хаоса получит наше сообщение лишь через двое суток, — отрапортовал демон.

Я пошатнулась. Мгновенно вспомнилось раннее утро, странное явление чего-то божественного, серый мир, молодой неестественный человек его «Дедушка», мое «Чей?» и его «Твой, уже даже нет сомнений, что твой, Найриша». В голове зашумело..

— Разберусь, — уверенно ответил господин Эллохар.

И вокруг нас вновь заплясал синий огонь.

У меня не было слов. У меня не было слез. У меня не было эмоций. Шок! Абсолютный шок! И он стал лишь сильнее, едва пляшущий вокруг нас огонь исчез.

Мы оказались в здании, где сидели демоны. Много-много крылатых демонов, в черных одеждах, с перьями в руках, выводящих что-то белым по черному, и перед ними стоял еще один крылатый демон в черном, с символикой огня на рубашке. И именно он, припав на колени и склонившись, произнес:

— Внимаю, ваше смертейшество.

И стоящий позади меня мужчина скомандовал:

— Двенадцать дополнительных патрулей к границам Бездны, сейчас.

Демон склонился ниже.

Огонь заревел вновь, окружая нас.

— Еще одна остановка, и пойдем поедим, — попытался успокоить меня господин Эллохар.

Я же не смогла бы вымолвить ни слова.

Когда огонь исчез вновь, мы оказались в странном месте — черные стены и пол, огненно-красный потолок, и, судя по гудению, там действительно был огонь, самый что ни на есть настоящий. И, здесь на полу везде был рассыпан черный песок.

— Дед! — крикнул господин Эллохар.

И с песком случилось странное — он вдруг зашуршал по полу, стремясь в точку в центре зала, зашелестел, зашептал, и образовал бархан... А затем осыпался и я увидела юношу с красными глазами, того самого бога, что вернул мне магию. Он сидел на вершине горы из песка, скрестив ноги и с доброй улыбкой глядя на нас.

— А давай без улыбок! — раздраженно произнес господин Эллохар.

Но загадочный юноша лишь улыбнулся шире, сверкнув клыками, и произнес:

— Познакомь Найришу с бабушкой, ей будет приятно.

Хмыкнув, господин Эллохар парировал злым:

— На границе трудности. Причину я пока не выяснил, но разберусь. Количество патрулей усилил.

Улыбка мгновенно исчезла с лица странного и загадочного создания, он нахмурился и так же хмуро спросил:

— Полагаешь, стоит готовиться к еще большим осложнениям?

Несколько мгновений было тихо, затем мужчина, стоящий за моей спиной произнес:

— Да.

А затем, господин Эллохар встал рядом со мной и явно издевательски произнес:

— Магианна Сайрен, позвольте представить вам моего дедушку, повелителя Арвиэля Дакрэа, властителя Миров Хаоса.

Похолодевшими пальцами придержала край юбки, склонилась в реверансе, и поняла, что сейчас упаду в обморок.

— А мы уже знакомы, — весело протянул... о, боги, главный демон?

— А я уже знаю, — в тон ему ответил господин Эллохар.

— А Найриша у нас некромант, — все так же насмешливо продолжил повелитель Арвиэль Дакрэа.

И об обмороке уже речи не было. Я застыла, потрясенно глядя на дьявола находящегося в обличие немного странного юноши, а он весело подмигнул мне и спросил:

— Самая-самая страшная тайна?

Мне доводилось видеть изображения властителя Ада — на них он представал исполинским существом с темно-красной кожей, светящимися рунами на ней, огромными витыми рогами, в иных изображениях с крыльями, сгустком мрака раскинувшимися за его спиной, но нигде и никогда вот таким, почти человеком. Но только почти — разрез глаз, цвет кожи, цвет глаз, странный тройственный зрачок, пальцы на руках — все было не совсем человеческим, и разница, мне, целителю, была заметна.

А потом я поймала себя на мысли, что стою перед дьяволом!

Самим дьяволом и размышляю об особенностях его анатомического строения... И вдруг осознала, что я стою рядом с его... внуком. То есть мой слегка сумасшедший, но ставший таким близким человек, он тоже... не человек.

Господин Эллохар не человек! Я медленно повернула голову, взглянула в его синесерые сейчас такие яркие глаза.

И весь мир стремительно потемнел...

***

Миры Хаоса.

Хайранар, столица ДарГарая.

Дворец властителя Ада.

Эллохар без труда подхватил потерявшую сознание девушку, и теперь нахмурившись рассматривал ее побледневшее лицо.

— Объясни, — Арвиэль улыбнулся, продемонстрировав клыки, выдавшие его гнев, — зачем ты приволок леди Сайрен сюда, не подготовив ее предварительно? Так нравится роль несчастного влюбленного, Рэн? Или ты намеренно запугиваешь своих женщин, чтобы гарантированно избежать брачных уз, мм?

— Я не... — начал было магистр Смерти.

— Нет, ты мне все же объясни, — добродушный настрой властителя Хаоса слетел, словно горсть песка, унесенная порывом сильного ветра, — для чего ты приволок девочку в Ад?! Не рановато ли с родственниками знакомить, а?!

Даррэн промолчал, опустив взгляд и зло сжав челюсти.

А перед ним сидел уже демон в боевой трансформации, едва сдерживающий собственную ярость и таким принцу Хаоса редко доводилось видеть повелителя.

— Молчишшшш? — прошипел Арвиэль.

— С Найришей я разберусь сам, — холодно ответил наследник Ада.

Взгляд повелителя Миров Хаоса медленно потемнел. Это было жуткое зрелище — три

каплевидных зрачка словно расплзались тьмой, делая глаза антрацитово-черными, пугающе-опасными, холодно-безжалостным. И никому из близких прежде не доводилось видеть подобного взгляда Арвиэля Дакрэа. Никому. В семье высший демон, победивший самого бога был удивительно мягок и терпелив, но сейчас...

— Мне стоило бы, — прошипел демон, — отчитать тебя как мальчишку, Рэн, но впервые в жизни я поступлю с тобой жестоко, и это станет уроком для тебя. Она, — кивок на бессознательно лежащую магианну, — потеряла сознание не от близкого знакомства с Хаосом, нет, это девочка выдержала. Ударом для нее стало осознание того, что ты не человек, Даррэн.

Магистр смерти недоверчиво сощурил глаза, глянул на деда, затем перевел взгляд на девушку. Воспроизвел в памяти весь разговор, отчетливо вспомнил ее поведение там, на краю у Бездны, и пришел к тем же выводам, что и дарай ДарГарая. К крайне неутешительным выводам.

— Зря сказал? — тихо спросил Эллохар.

— Что это вообще за выверт логики, Рэн? — потребовал ответа Арвиэль.

Признаваться в том, что был взбешен очередным ее подозрением в отношении собственного умственного здоровья магистр Смерти не стал, потому как точно знал — дед не только согласится с мнением магианны, но так же запомнит и будет иронизировать в дальнейшем. Любовь к издевательствам над ближним — семейная черта Дакрэа.

— Ладно, спрашивай, — неожиданно мягко произнес властитель Хаоса.

— Ладно спрошу, — Даррэн тяжело вздохнул. — Что мне делать?

— Понятия не имею, — оскалился Арвиэль.

— Издеваешься, — догадался Эллохар.

— Слегка, — хмыкнул повелитель Ада.

Затем встал, сотрясая пол, стены и вообще весь дворец, так как немало весил в боевой форме, Арвиэль подошел к внуку, заглянул в его глаза и тихо произнес:

— Паршиво у нас получается с женщинами, да, Рэн?

Пожав плечами, магистр Смерти невесело ответил:

— С женщинами как-то все получается, а вот с любимыми... Я не знаю, что делать, дед. Срываюсь постоянно. С самоконтролем трудности, которых даже в подростковом возрасте не было, безумно остро реагирую на каждое ее слово и...

— Сильнее всего нас ранят близкие, Рэн, именно поэтому наша демоническая сущность и создала три круга допуска. А эта девочка к тебе так близко, как никто до нее, потому и больно, потому и неадекватная реакция. И я могу тебе дать лишь один, древний как сам Хаос совет — будь собой рядом с ней.

— Я уже был «собой» с двумя женщинами, итог не впечатлил, — 1 прошипел Эялохар.

— Но награда в твоих руках, — парировал Арвиэль, — взгляни еще раз на свою целительницу, и ты поймешь, почему небо уберегло тебя от тех, кто затронул твое сердце. Затронул, Рэн, а вот она заполнила его собой.

Принц Хаоса улыбнулся, кивнул, полностью принимая слова деда.

— Ты дорог ей, — продолжил властитель Хаоса и Эллохар недоверчиво взглянул на него при этих словах. — Дорог, Рэн. Дорог настолько, что она не желает видеть в тебе плохое, и прощает несмотря ни на что. Ведь я прав?

Магистр Смерти вспомнил тот робкий неумелый и от того такой трогательный поцелуй в лечебнице и понял, что дед действительно прав. Молча кивнул.

— Так что с Бездной? — сменил тему Арвизель.

— Разбирайся, ты же правитель, — хмыкнул Эллохар.

А затем самым наглым образом вызвал огонь, и покинул дворец властителя Ада.

Едва синее пламя исчезло, в зал неслышно вошла Тень.

— Слышала? — с улыбкой спросил демон у любимой.

— Слышала.

Она вес так же беззвучно прошла по песку, подошла к властителю Хаоса и коснулась его руки.

— Ты едва не сорвался.

— Ранят самые близкие, ты же знаешь, — демон вернул облик темного лорда, и обнял гибкую фигурку жены.

Он любил когда она надевала это темно-зеленое под цвет глаз платье, когда распускала иссиня-черные волосы, когда смотрела на него вот так, как сейчас — не скрывая своих чувств.

— Не дави на него, — Тень нежно погладила мужа по щеке, — не стоит.

— Да, но...

— Но если, — перебила его шайгенка, — он попытается все испортить, у тебя есть два всадника Мрака и их мудрые змеи, которые быстро исправят ситуацию.

Арвизель усмехнулся, поймал ее ладонь, поднес к губам, поцеловал.

***

Миры Хаоса.

Хайранар, столица ДарГарая.

Найрина Сайрен.

Из небытия меня выдернул жуткий грохот, а затем знакомый голос, громко возвестивший:

— Трактирщик, всем за мой счет! Гуляем до рассвета!

И после этого возгласа вдруг стало невероятно тихо. Очень тихо. Казалось, вокруг никого нет. Даже свист ветра где-то за стеной слышался, одинокий и печальный.

— Да вы достали, — раздосадовано произнес господин Эллохар низким чуть хрипловатым голосом, присущим всем темным лордам. — Хватит изображать из себя статуи! Я видел всех!

Я замерла и даже дышать перестала.

— Мой принц, — прошепелявил кто-то испуганным голосом, — вы же... пить бросили...

— У меня появился повод.

— У вас... человеческая девушка на руках, — все тот же шепелявый.

— Что, правда? — искренне изумился тот, кто, похоже, действительно держал меня на руках.

И я распахнула глаза, чтобы увидеть деревянный потолок, потемневшие от времени балки, глиняную крышу, и... о, боги, висящих под крышей трех перепуганных вампиров! Вероятно, мне следовало бы закричать от ужаса при виде крылатых существ с бледной кожей, клыками и совершенно красными глазами, но один из них приложил палец к губам, одним этим универсальным для всех рас жестом взмолившись о моем молчании. И я промолчала!

— Найриша, — раздалось надо мной, и вампиров закрыла голова склонившегося надо

мной господина Эллохара, — как ты себя чувствуешь?

Я смотрела на его абсолютно человеческое лицо, в совершенно человеческие глаза, и... мне очень хотелось поверить, что все произошедшее мне привиделось. Просто привиделось. В конце концов я переутомилась в лечебнице, а до того безумно сложная ночь в чайной, и явление божества, вернувшего мне магию и... дедушка.

— Тихо-тихо, дрожать не нужно, все хорошо, — успокоил меня Даррэн.

И я поверила. Глядя в его серо-синие глаза, я отчаянно захотела в это поверить.

— Отпустите меня, пожалуйста, — хотела сказать, а получился шепот.

— Мне кажется, ты все еще плохо себя чувствуешь, — мягко отказался господин Эллохар.

— Нет, что вы, мне уже лучше, — заверила я, убеждая себя в том, что и вампиры мне привиделись.

Но мужчина нахмурился, затем тяжело вздохнул и уже без тени улыбки произнес:

— Тебе здесь опасаться совершенно нечего. Тебя никто не тронет, никто не посмеет обидеть, никто не сможет прикоснуться даже. Ты со мной, Найриша, а значит под моей абсолютной защитой. Все поняла?

Не поняв ровным счетом ничего, я все же утвердительно кивнула.

И меня тут же осторожно поставили на ноги, развернув к себе лицом и я ничего, кроме господина Эллохара, его серой рубашки и завязок на оной не видела. Затем прозвучало несколько напряженное:

— Найришенька, еще раз — здесь тебе совершенно ничего не угрожает и. так как я смотрела на господина Эллохара, не могла не заметить, как вдруг стал рассредоточенным его взгляд, как изменилось дыхание, как...

Я затаила дыхание, не отрывая от него взгляда почему-то широко распахнутых глаз. Голова вмиг закружилась, сердце забилося неистово и быстро, и как-то окружающее стало терять очертания... Но тут краем зрения я заметила... ввампира, и он осторожно крался по балке к двери и...

— Что? — раздраженно спросил Даррэн, и повернулся, проследив за моим взглядом.

Мне бы хотелось, чтобы у меня были галлюцинации, но господин Эллохар тоже видел вампира и у него спросил: — Куда?

И несчастный монстр, задрожав всем телом, едва не свалился с балки, а затем торопливо забормотал:

— Пппрошу прощения, ваше высочество, меня жена заждалась, детки малолетние и...

— Ты не женат, Хойстен, — мрачно отрезал мужчина.

— Жженюсь! — с готовностью заверил вампир. — Вот сию минуту женюсь, ваше высочество!

— Угу, и за создание детей малолетних примешься, — не без насмешки хмыкнул господин Эллохар.

— Непременно! — жарко заверил кровососущий монстр.

В таверне слышались смешки. Странные, булькающие, хриплые, рычащие... не человеческие. Очень медленно я повернулась и...

Крик застрял в горле!

Прямо рядом со мной находился огромный черный мохнатый паук с подносом, заставленным черными продолговатыми черепами, в которых было что-то пенное, и этот поднос чудище удерживало одной лапой...

— Рашшд видеть, — прошамкало существо, и при каждом звуке колыхались его жвала и маленькое черненькое облачко над ними.

Я пошатнулась и теплые ладони господина Эллохара мгновенно обняли за плечи, словно напоминая о том, что в этом кошмаре нас двое.

— Ждего желаете, прекраснейшая? — спросил паук.

У него было шесть пар глаз, маленьких, ярко-алых и повязанный на брюшке передник странной конструкции, из которой он одной из ног достал лист бумаги и перо, и продолжая удерживать поднос, напомнил:

— Я вас слушаю, готов выполнить любое ваше пожелание!

Испуганно вжалась в стоящего за моей спиной господина Эллохара и услышала его тихое:

— Спасибо, Найриша.

Вмиг позабыв о пауке, запрокинула голову, и глядя на Даррэна спросила:

— За что?

— Ты ищешь защиту у меня, — улыбнулся мужчина, — это говорит о многом.

— Да вы просто здесь единственный человек! — воскликнула я.

И услышала смешок. И еще один. И кто-то загоготал в углу, и...

— Хватит, — сказал Даррэн.

Таверна мгновенно погрузилась в напряженную тишину.

— Идем, — господин Эллохар осторожно обнял меня за плечи, — я голоден, да и тебе стоит поесть, Найриша, а заведение Ройха одно из лучших в столице.

— Мы в столице? — мгновенно переспросила я.

— Не в Сарде, — с мягкой успокаивающей улыбкой ответил он.

И все так же держа за плечи, повел между деревянных столов, с деревянными же скамьями, по деревянному полу выполненному из светлого дерева и потому была очевидна удивительная чистота этого заведения. Поразительная чистота. Блестело все — натертые столы, лакированные скамьи, вычищенные балки и столбы, покрытые рунами бревенчатые стены. А еще здесь пахло удивительно специями, которые мне были не известны, пряностями, удивительно аппетитной свежей выпечкой, и таких ароматов я не вдыхала даже в доме госпожи Шилли.

Господин Эллохар подвел меня к столику у стены, усадил почти насильно, а я изумленно разглядывала белые с красной вышивкой салфетки, не новые, но чистые настолько, что казались таковыми, шесть видов соли в маленьких стеклянных баночках, тринадцать баночек со специями и перцем, и все это в плоской круглой корзинке, которая так же была предметом декора. Удивительное место, здесь каждый сразу погружался в атмосферу уюта, тепла, заботы и сервиса настолько высокого уровня, что желания угадывались до того, как были озвучены.

— Вода, прекраснейшая, — передо мной поставили до краев наполненный высокий прозрачный стакан.

И я, поблагодарив, мгновенно выпила половину, и только тогда поняла, что мне действительно очень хотелось пить.

— На твой выбор, Ройх, — произнес Даррэн.

И я услышала шуршание передника удаляющегося паука... Осознание того, что здесь монстры, вновь вернулось! И понимание того, что я только что видела вампира и...

— Не оборачивайся, — попросил господин Эллохар. — И, Найриша, они такие же

мыслящие существа, как и люди, тоже хотят жить, любить и быть любимыми, зная, что важны и нужны своим близким, просто форма жизни иная, а в остальном все то же самое.

Несмотря на просьбу, стремительно обернулась — все присутствующие здесь изображали статуи и даже не дышали, наверное, поэтому мой страх не обрел форму паники, пока же... Я видела застывших горгулий мужского пола — у нас в справочнике по адовым расам они были иные — синекожие, без одежды, с оскаленными пастьми, здесь же в брюках и рубашках, но босые, и разные по цвету — синие, черные, серые, коричневые, и размеры разные, и строение крыльев, и даже строение черепов. Горгулы смотрели на меня со смесью интереса и ужаса. Впрочем, нет — ужас они испытывали едва их вытянутый как у ящериц зрачок чуть-чуть смещался в сторону господина Эллохара и вот тогда эти вдвое большие по размеру, чем Даррэн, чудища вздрагивали от страха. И это выглядело забавно. А за соседним с ними столиком сидели почти люди, почти, потому что у них были редкие длинные волосы зеленовато-черного оттенка, светлая кожа, поблескивающая чешуйками в свете горящих в таверне огней, всего два передних "острых серповидных зуба, расположенных рядом, и свернутые кольцом хвосты под столом — как они, имея подобное строение тела умудрялись сидеть мне сложно сказать. Змеелюды тоже тряслись, кося глазами на господина Эллохара.

А вот справа от них, за круглым столиком расположились удивительно красивые существа, и я с первого взгляда даже решила что это дети — худенькие, щуплые, с поднятыми в хвост на макушке серыми волосами и ушками, почему-то заостренными книзу...

Через мгновение поняла жуткое — пожиратели! Это были девушки из клана пожирателей, это... Я едва не закричала, но тут заметила, что одна из пожирательниц, бросив испуганный взгляд на Даррэна, быстро отвернулась и ее руки задрожали от страха!

Стоит ли удивляться, что перестав уделять внимание обитателям таверны, я повернулась к своему спутнику, и принялась внимательно его рассматривать. Но господин Эллохар был все тот же — светлые волосы сейчас небрежно собранные, светло-серые с синим оттенком глаза, нос с горбинкой, загадочно-вопросительная улыбка на тонких губах, широкие плечи, худощавое тело, сильные ладони с длинными пальцами, ногти коротко остриженные светлые... Человек, абсолютно и полностью человек, но все же было что-то в его облике, в несуразности и несовместимости черт лица такое, что наталкивало на два вывода — о невоздержанности в половых связях его предков, или о неестественности...

— Скажите, что я сплю, пожалуйста, — отчаянно взмолилась я.

— Ты спишь, — милостиво успокоил Даррэн.

— Спасибо, — мне сразу стало легче.

Намного легче, и даже эта заполненная монстрами таверна вдруг стала казаться милее и уютнее, и ладонь Даррэна, накрывшая мою руку и осторожно ее погладившая, и аромат выпечки, и отдаленный звон бокалов.

— Вероятно я заснула на той самой скамье в городском парке, — начала рассуждать я, — и сейчас, — взгляд на господина Эллохара, — вы снова как благородный лорд несете меня по ночным улицам Сарды в дом госпожи Шилли, да?

Улыбка на его губах стала шире.

— Знаете, лучше бы вы меня разбудили, — наставительно посоветовала мужчине.

— Зачем? — поинтересовался он. — Найриша, мне бесконечно нравится носить тебя на руках и я вовсе не испытываю неудобства от этого.

Прозвучало как-то интимно. Резким движением, отняв свою ладонь, я выдохнула:

— Господин Эллохар, вы...

— Рэн, — мягко, но непреклонно поправил он.

— Даррэн, — не согласилась я с его требованием, но все же снизошла до нейтральной формы обращения, — я настаиваю, чтобы вы меня разбудили. Прямо сейчас. Я не считаю допустимым в очередной раз пользоваться вашим благородством, я и так многим вам обязана.

И сама поняла, как смешно это выглядит. То есть я во сне, разговариваю с объектом своего сна и что-то требую.

— Простите, — смущенно отвела взгляд.

— Не вопрос, — весело ответил Даррэн.

Я же пыталась определить, в какой именно момент провалилась в сновидение. По всему выходило, что это случилось, когда нас окружил синий огонь. Потому что все случившееся далее напрочь не соответствовало ни моим представлениям о реальности, ни привычному уже для меня поведению господина Эллохара.

Топот ног и меня обошел справа огромный паук, но не тот, которого я уже видела.

— Ужин для вас, прекраснейшая, — сообщил он, ставя поднос на стол и начиная сервировать стол.

Его лапки в белых перчатках разложили передо мной белоснежную салфетку так, что один ее края живописно свисал со стола, далее была поставлена тарелка, большая, плоская антрацитового цвета, на нее маленький квадрат белоснежной салфетки, и уже на салфетку аккуратный глиняный горшочек, столь небольшой, что я могла бы обнять его ладонями, судя по всему только из печи и накрытый аккуратной крышечкой. Далее на стол были положены три ложечки, четыре вилки, два ножа, корзинка с хлебом десяти видов, пиала со сметаной и блюдечко с зеленым мелко нарезанным на кусочки ароматным плодом, названия которого я не знала.

— Куриный бульон от шеф-повара! — возвестил паук, и виртуозным жестом снял крышечку с горшочка. — Приятного аппетита.

После чего удалился, оставив меня в совершеннейшей растерянности. Проблема в том, что есть во сне, казалось мне совершеннейшей дикостью, но стоило этому странному официанту снять крышку с супа, как очень аппетитный аромат словно окружил, и попробовать безумно захотелось.

И потому я посмотрела на свои руки. Сон — не сон, а вымыть их следовало перед едой. Вот только где... Я смущенно посмотрела на Даррэна, он, как оказалось и вовсе не сводил с меня глаз.

— Что-то не так? — последовал довольно лукавый вопрос.

— Мне бы вымыть руки... — осторожно начала я.

— Идем, — господин Эллохар поднялся, накрыл мой суп обратно крышечкой, и протянул мне ладонь.

— Да, но... это же будет женская уборная, — попыталась возразить я.

— Но это же сон, — широко улыбнулся он.

— Я понимаю, но...

Не став слушать моих возражений, Даррэн обошел скамью, обхватил меня за талию и поднял, игнорируя попытку к сопротивлению, после поставил на ноги, взял за руку и повел за собой. Мне не оставалось ничего иного, кроме как следовать за ним, правда при этом я растерянно оглядела таверну и увидела нечто невероятное — монстры и чудовища,

совершенно бесшумно, и старательно не предаваясь панике, покидали трактир! Первыми были люди-кошки, затем, бесшумно распахнув окна, торопливо уползли пауки на которых не было передников, за ними вылетели вампиры.

Огромные змеи, скрывавшиеся за барной стойкой, метнулись к дверям и выползли, лавируя между ногами, копытами, хвостами других покидающих таверну. То есть монстры попросту сбегали!

— Я все слышу, — не оборачиваясь и не прекращая вести меня за собой, произнес господин Эллохар.

Нечисть замерла на секунду, а затем началось паническое бегство! Столпившись у двери, чудовища толклись, переползали друг через друга и все это в совершенном безмолвии! И я хотела бы что-то сказать, но два вампира, пожирательница и кто-то странный, с шестью глазами и десятком рук, жестами взмолились о молчании и я ничего не стала говорить Даррэну.

Господин Эллохар привел меня к небольшой узкой двери в стене близ трактирной стойки, открыл дверь сам, вошел, через несколько секунд оттуда выползли четыре змеелюды, выплыла вампирша, затем три... девушки с рогами и хвостами, одна толстая подобная жабе женщина едва просунулась. Две девушки с зеленой кожей и абсолютным отсутствием стыда, так как на груди их в самом центре молочных желез сверкали по камешку, а на бедрах виднелись лишь столь же сверкающие маленькие треугольнички выходили медленно и лениво, затем томно обернулись, но видимо что-то напугало — обе опрометью бросились прочь.

— Прелесть моя, можешь входить, — позвал меня Даррэн, продолжая находиться в женской уборной.

Вошла я исключительно потому, что это был сон, в иной ситуации — да ни за что!

И вновь была искренне поражена, в первую очередь тем, что здесь было достаточно маленькое помещение и меня до крайности заинтересовал вопрос — где прятались все эти существа заметно женского пола? Вторым, что вызвало мое удивление, была безукоризненная чистота. Сверкало все — черные мраморные потолки, черные стены, белоснежная раковина умывальника и... два духа воды. Холодный — чуть синеватый и горячий — красноватый. Оба крошечных создания низко мне поклонились и застыли двумя краями. Рядом с ними в корзинке сплетенной из высушенных речных водорослей оказалось разнообразное мыло в виде рыбок.

— Найриша, я очень голоден, — оторвал меня от созерцания Даррэн.

— Понимаю, — смущенно подошла к раковине, — а как?

— Ладонки поднеси, — понял он, о чем был вопрос.

Я не рискнула. И тогда произошло то, что действительно могло произойти только во сне — господин Эллохар стремительно подошел, схватил меня за запястья, поднес мои руки к краям и... оттуда полилась вода. После мужчины схватил одну из рыбок, намылил мои ладони, смыл пену, затем вдруг что-то загудело и мокрую кожу обдало теплым ветром, мгновенно высушив.

— Это... это... — начала было я.

— Идем, — попросил Даррэн.

И мы вернулись в зал таверны, который совершенно опустел, остался всего один паук, тот самый Ройх, которому принадлежало это заведение, и который при виде нас, произнес:

— Ваше высочество, если вы пожелаете, всех вернут сию же секунду.

— Э нет, — весело отозвался мой спутник, — не зря же я грозный вид изображал.

Говоря все это, он вел меня к столу, а едва подвел, ласково приказал:

— Найришенька, садись.

Паук тот час же услужливо снял крышку с моего супа и даже пододвинул скамью, чтобы удобнее сидеть было, но затем осторожно спросил:

— То есть вы не будете... пить?

— Нет, Ройх, мне бы поесть, — садясь напротив меня, недовольно произнес господин Эллохар.

— Эм, — замямлил наш ужасающего вида трактирщик, — а... эм... порядок наводить?

— Мне не до порядка, Ройх! — рыкнул вдруг Даррэн. — Я банально голоден!

Однако паук, махнув лапой в сторону кухни, меж тем остался на месте, и еще более осторожно, заискивающе даже, спросил:

— А зачем тогда посетителей... эм...

И мы с Ройхом услышали невероятный ответ:

— Хотел поужинать со своей любимой девушкой наедине в лучшей таверне столицы, Ройх, что не понятного? Найриша, ешь, суп стынет. Ройх, какого...

— Так это романтический ужин? — дрожащим, словно паук сам не верил в сказанное, голосом спросил трактирщик. — Так это действительно... так у вас еще ничего не... так вы только, да? Ох! Ваше высочество! Сейчас-сейчас, в лучшем виде все устроим!

И огромное мохнатое чудище забегало по потолку в буквальном смысле, гася свечи и факелы. Не прошло и минуты, как весь зал погрузился в полумрак, освещенным остался только наш столик.

Затем как-то совсем неожиданно заиграла приятная тихая музыка, словно кто-то играл на гитаре, а после в зал стали вносить блюда, пылающие огнем. Вероятно именно это, да еще и тот факт, что Даррэн был голоден, заставили меня отложить выяснение одного момента на потом. Едва перед мужчиной расположили полукругом различные виды мяса — от вареного с соусами, до жаренного, запеченного, подрумяненного, тушеного, пареного и попросту сырого, огонь, а горели, как выяснилось, пиалы, расположенные на блюде рядом с мясом, стал полыхать значительно слабее. После подали салат, хлеб, рыбу. Блюда все несли и несли и я подумала, что столько съесть невозможно.

Но вот пауки, поклонившись, нас оставили, и тогда...

— Как суп? — спросил Даррэн.

— Очень вкусный, — затаив дыхание ответила я, в ожидании того, что будет происходить далее.

Вилку господину Эллохару не подали — вместо нее на салфетке оказался длинный, не менее локтя в длину, трезубец, с остриями в виде стрел на конце. Так же имелся внушительный нож столь внушительный, что попадись мне грабитель с подобным, я, несомненно, отдала бы ему все деньги. Но это я. А мой спутник, с изяществом истинного аристократа принялся есть — он отрезал кусочек мяса с того блюда, которого ему хотелось, после обволакивал отрезанное в одну пиалу, затем подносил к огню, следом почти мгновенно опускал в пиалу с соусом, огонь с шипением гас, а мужчина отправлял кусок в рот, и принимался жевать, с улыбкой глядя на меня. После третьей порции, поинтересовался:

— Ты хочешь меня о чем-то спросить?

Вопросы имелись, однако я решила повременить и, ответив «Позже» так же приступила

к трапезе. Бульон был невероятно вкусным и наваристым, и именно его вкус, ощущаемый мной с каждой ложкой, все более и более заставлял сомневаться в том, что происходящее является сновидением.

Пользуясь тем, что Даррэн старательно отрезал кусочек от сырого мяса, которое резалось хуже прожаренного, я осторожно взяла вилку, уколола себя в ладонь. Боль, четыре следа — все как в реальности. Мысль о том, что я целитель и потому подсознание знает, как обмануть, проскальзывала, конечно, но как-то все это было слишком естественным.

— Найриша, — позвал меня мужчина, — если хочешь мяса — я поделюсь, не стоит столь рано приобщаться к каннибализму.

— Вы имеете что-то против человеческого мяса? — рассеянно съязвила я.

— А должен? — поинтересовался Даррэн.

Неправильный разговор, излишне реалистичный сон, дразнящий запах мяса в третьем слева блюде. Мужчина перехватывает мой взгляд, его улыбка становится шире и мне задают провокационный вопрос:

— Попробуешь?

Отрицательно покачала головой и услышала протяжное:

— Это рыба.

— Мясо красное, — возразила я.

— И все же рыба, попробуй.

Даррэн отрезал маленький кусочек, протянув руку через стол забрал у меня вилку, наколот мясо, обмакнул в соус, но не обжег в огне, и передал мне. Осторожно пробую странный кисло-сладкий очень острый соус, который напрочь убил все вкусовые рецепторы, так что о мясе сказать что-либо я уже не могла.

— Вкусно? — поинтересовался Даррэн.

— Жжет, — тяжело дыша, выдохнула я, и торопливо потянулась к стакану.

Выпила махом все до дна и... поняла, что это действительно не сон.

Это не могло быть сном — слишком яркие ощущения, слишком явственно я ощущаю вкус блюд, слишком...

— Господин Эллохар, — начала было я.

— Рэн, — поправил он.

— Даррэн, — вновь пришла к компромиссу я, — меня безмерно интересует сказанная вами фраза «Хотел поужинать со своей любимой девушкой».

— Найрина, — тон мужчины стал официальным, — а что именно вам не понятно в данной фразе? Ведь я не использовал аллюзий, метафор и иносказаний.

Резко выдохнув, я была вынуждена признать:

— Да, на первый взгляд фраза предельно проста, но задумайтесь о ее смысле!

Господин Эллохар хмыкнул, а затем приказал:

— Ройх, лучшее вино нам, будем думать.

Топот многочисленных ног по потолку, и сверху свесилась бутылка на паутине, следом два бокала, затем в бокалы упал лед. Потрясенная я слова сказать не успела, как Даррэн откупорил бутылку, затем разлил вино, протянул мне бокал и возвестил:

— За фразу!

В ином случае я бы отказалась, но учитывая жажду, вызванную излишне острым соусом без слов взяла, отсалютовала господину Эллохару, сделала три медленных глотка и почти сразу ощутила, как закружилась голова... Может сон? Но даже во сне хотелось внести

ясность:

— Вы сказали о любимой девушке, Даррэн. Кого вы имели ввиду? — холодно спросила я.

Мой спутник сделал всего один глоток вина, после чего усмехнувшись каким-то своим мыслям, произнес:

— Это же сон, прелесть моя, а в твоём сне я мог иметь ввиду лишь тебя, Найриша.

Мне нечем было возразить.

Появился Ройх — мне казалось, что у него какой-то особый нрав, истинного хозяина заведения, который своей таверной весьма горд, и этим он напомнил мне многих торговцев с Озерной улицы.

— Эрассата для прекраснейшей, — возвестил он, одной лапой убирая мой суп, двумя другими размещая передо мной тарелку с чем-то воздушно-кремово-зеленым, на железной основе.

Я хотела было поблагодарить, но когда повернулась, рядом со мной уже никого не было.

— Наверху, — сообщил Даррэн.

Запрокинув голову, я увидела, как поднимающийся по паутине Ройх исчезает в темноте... Выглядело жутко.

— Можешь пересесть ко мне ближе, — неожиданно предложил господин Эллохар.

Подхватив тарелку и столовые приборы, я обошла стол и устроилась поближе к Даррэну, а он переставил ближе ко мне бокал вина. Следующий глоток я сделала, задумчиво разглядывая таверну — до этого я сидела к ней спиной, теперь же мне представилась возможность разглядывать ее интерьер, затопленный полумраком. А после я как-то неожиданно поняла, что бокал скорее пуст, чем там еще есть хоть глоток, и приступила к дегустации блюда, названного эссаратой.

Я отключилась от всего происходящего с первой ложки!

Это было нечто невероятное — легкий мусс словно таял на языке, погружая в удивительные картинки, и я вдруг отчетливо увидела туманное утро в деревне, где у папы была практика. Подернутый белой дымкой лес, стадо коров, с перезвоном привязанных к их ошейникам колокольчиков отправляющееся на пастбище, запах едва скошенного сена, аромат свежего хлеба, который няня только-только вынула из печи...

Когда я открыла глаза, возникло невероятное ощущение, что я проснулась в собственном сне. Передо мной вновь стоял бокал до краев наполненный вином, и я не отказала себе в удовольствии сделать еще глоток, прежде чем вновь унести в путешествие по грезам, со второй ложечкой эссараты.

И я словно перенеслась в цветущие сады Сарды, вдохнула воздух, напоенный ароматами цветов, слышала пение птиц и ощутила, как по венам все быстрее бежит кровь, как хочется кружиться, раскинув руки, а желание пробежаться по дорожкам я с трудом подавила, ведь я леди — леди Найрина Сайрен, едва поступившая на первый курс целительского факультета.

Распахнув глаза, торопливо запила чувство горечи от утраченного вином, и набрала последнюю, третью ложечку эссараты, чтобы...

— Знаете, это сон, — несколько растерянно произнесла я, — но, Даррэн, если вы это не попробуете, я себе подобное не прощу!

— Да? — все как-то странно плыло, но я серо-синие глаза Даррэна я видела очень отчетливо. И вдруг эти глаза оказались ближе, и я слышала искренне удивленное: — Никто и никогда не делится эссаратой, Найриша. Видишь ли у нас разовый эффект, ее готовит

всего один повар в Хаосе и ее можно всего три ложечки. Так что ешь, прелесть моя, мне нравится слышать, как ты тихо стонешь от удовольствия, проживая самые неординарные моменты своей сознательной жизни.

— Неординарные? — переспросила я.

— Мм... важные, приятные, переломные, у всех по-разному, но это всегда незабываемое удовольствие и незабываемое лакомство. И не забудь сделать еще глоток вина, он усиливает вкус эссараты.

Даррэн отодвинулся, а я не смогла не спросить:

— А вы сами пробовали ее?

И получила честный ответ:

— Не доводилось. Это считается женским лакомством — ведь эссарата позволяет получать удовольствие от прошлого, мужчины же предпочитают жить будущим, так что...

Я молча, но настойчиво поднесла ложечку к губам господина Эллохара, и увидела, как недоуменно вскинулась его бровь.

— Это же мой сон, — напоминаю очевидное, — а мой сон — мои правила. Пробуйте!

Несколько секунд мне казалось, что он откажется, но долгий пристальный взгляд в мои глаза, а затем Даррэн потянулся за бокалом, сделал глоток вина, и медленно произнес:

— Мне половину и тебе половину, хорошо?

И я поняла, что при ином раскладе мне откажут.

— Хорошо, — весело согласилась я.

Отставив вино, Даррэн осторожно обнял мою ладонь обеими руками, затем, не отрывая взгляда от моих глаз, потянулся к ложечке. Его губы накрыли мусс, затем медленно мужчина отстранился, забрал из моей дрогнувшей ладони ложечку, развернул и поднес к моим губам. И я послушно приоткрыв рот, забрала крем и зажмурилась...

Изломанный искореженный город, битое стекло, мертвые тела, пожары, запах гари, кровь повсюду... Больно. Мой мир разрушен и эта боль, боль по утраченному заставляет сердце сжиматься. И я иду по улицам, но слез больше нет — я словно все выплакала...

Иду туда, где нахожу странного непонятного мужчину, которому больно так же, а может еще больнее.

Но вот он обнимает меня, и дикое, гнетущее чувство одиночества и потерянности исчезает, а в душе поселяется тепло...

Наверное глупо, но там и сейчас тепло, и я больше не чувствую себя одинокой — меня грело сочувствие, проявленное совершенно незнакомым человеком, меня грело его прикосновение, меня согревала мысль, что в этом страшном и жестоком мире, есть те, ради кого стоит жить. Такие удивительные люди, как господин Даррэн Эллохар, сложный, непонятный, вспыльчивый, но честный. Благородный и удивительный человек.

Я улыбнулась и открыла глаза, чтобы посмотреть какое именно выражение сейчас на лице Даррэна и...

Лица не было! Даррэна не было!

Рядом со мной сидел темный лорд! Истинный темный лорд! С платиновыми, почти белыми волосами, темной кожей, внушительным с горбинкой носом, черными бровями вразлет и черными же ресницами, столь заметными сейчас, когда он держит глаза закрытыми. У него были широкие плечи, гораздо шире, чем у людей, жилистая шея, и руки... большие, обтянутые грубой темной кожей, с черными когтями! Идеально подпиленными когтями! Это был темный! Темный лорд! Это...

Где Даррэн?!

Мелькнула следующая мысль, и я сама не заметила, как потянулась к ножу, забыв о том, что мне никогда не сравняться в силе с темным, но забыв о чувстве самосохранения, я хотела знать, где Рэн! И что этот монстр с ним сотворил!

И поднявшись из-за стола, я направила лезвие ножа к шее чудовища...

— Безумно тяжело, — все так же не раскрывая глаз, произнес темный лорд, — не могу об этом вспоминать, не могу об этом не думать — твой запах, но вкус другой женщины на губах, и аромат твоих слез, разливающийся по парку.

Прости меня, Найриша, прости, я не хотел, причинить тебе боль. Я... Нож выпал из моих рук.

И вместе с ним рухнул мой мир! Рухнул и разбился, разлетевшись на тысячи осколков невыразимой боли, выморозив всю душу настолько, что я вдруг почувствовала себя мертвой, убив во мне все, во что я боялась даже поверить...

— Найриша? — темный открыл глаза.

Удивительные серо-синие глаза, которые были мне знакомы.

— Найри, что с тобой? — встревожено спросило чудище.

И начало меняться. Стали короче и изменили цвет волосы, кожа приобрела человеческий оттенок, черты лица смягчились и тоже уменьшились, как и плечи, как и ладони... миг и передо мной вновь сидел человек, такой до боли знакомый мне человек...

Который человеком не был!

Как и все происходящее не было сном! Не бывает снов, в которых ты столь отчетливо ощущаешь вкус еды! Не бывает снов, где от надавливания зубцами вилки, тебе больно! Не бывает снов, в которых ты вовсе не можешь вспомнить, как заснула! А значит тот синий огонь, охвативший нас и перенесший к краю Бездны тоже не сон. Темные не открывают порталов, как делаем мы, темные выжигают пространство! Огонь!

— Найри, ты вся дрожишь, что с тобой? — и тот, кто выдавал себя за человека осторожно, не делая резких движений, поднялся. — Найриша...

Судорожно вздохнув, я закусил губу, чтобы не расплакаться, затем вскинула подбородок, распрямила спину и потребовала:

— Не смейте меня так называть!

Господин... нет — лорд, темный лорд растерянно остановился. А я смотрела на него и не могла понять — как могла эту жестокую машину убийства принять за человека! Как? Слишком много характерных черт разных народов в нем, слишком несуразный для человека рост, приступы ярости, агрессия по отношению к совершенно посторонним людям, и странности... странности... странности...

— Найри, да что с тобой? — разозлился лорд Эллохар.

Я могла бы не говорить, возможно, и не стоило бы, но меня душила обида. И горечь от того, как жестоко меня обманывали! И понимание происходящего — конечно, он целовал распутных женщин, он же темный, об их темпераменте и любвеобильности ходят легенды!

И сжав кулаки, я четко произнесла:

— Вы темный!

На лице лорда Эллохара отразилось непонимание, затем он слегка прищурился, словно припоминал что-то, после хмыкнул и мрачно поинтересовался:

— Тебе всегда кошмары снятся, да?

— ЭТО НЕ СОН! — мой крик разнесся по всей этой адовой таверне. — Не сон, мы

Аду! Вы притащили меня в Ад, используя огонь — отличительную черту темных лордов. И мы — в АДУ! И это вовсе не сон! И вы — темный лорд!

Я выпалила все это на едином дыхании, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, настолько сильно я сжала руки, и как меня захлестывает истерика. Просто истерика.

Но лорд Эллохар вдруг пожал плечами и со смешком произнес:

— Не сумасшедший и то хлеб.

— Что? — потрясенно выдохнула я.

Темный улыбнулся, и, оставаясь в облике человека мягко произнес:

— Найриша, хорошо, я — темный, успокойся.

«Хорошо, я темный» — прозвучало, как приговор. Но если бы он был просто темным, дело ведь как раз в том, что мой знакомый:

— Темный лорд, — прошептала я.

— Хорошо, я темный лорд, — все так же с улыбкой согласился тот, кто все это время глумился надо мной.

Темный лорд...

Мне вспомнилась ситуация в парке лорда Экнеса и безумный страх последнего... Гибель банды Крестов... Сломанные ноги тех мужчин, которые в последнее время имели неосторожность меня оскорбить или подойти слишком близко... Мастер Меллоуин...

— Кто тот кондитер, которого вы направили помочь нам с братьями Шилли? — я с трудом могла говорить.

— Гном, — совершенно спокойно ответил мне темный, продолжая находиться в облике человека.

— Смените, — горько попросила я, — вам не идет, вы же не паяц на городской площади.

Но вопреки предыдущей покорности и согласия во всем, на этот раз лорд Эллохар жестко ответил:

— Нет.

И от этого слова вмиг повеяло властью и холодом, так свойственным темным лордам.

Я стояла в сумраке пустой таверны и смотрела на того, кто был освещен светом двух факелов, что горели над нашим столом... Нет, не нашим, а столом, за которым мне довелось отужинать в Аду! В настоящем Аду!

Где монстры, пески, пекло и демоны! Где смерть! Место, откуда темные лорды хлынули на человеческие территории, сметая на своем пути всю мощь Хешисай, и основав свое собственное государство — Темную империю...

Темная империя для темных лордов — исчадий Ада, своей жестокостью поражавших даже морских ведьм, покровительствующих троллям, которые и сегодня грабили прибрежные города, увозя рабов и продавая их темным, чудись, отнявших магию у Третьего королевства, обрекая его на гибель...

Мне казалось, что я умираю. Медленно, незаметно, но умираю. Потому что о темных лордах мне было известно и еще кое-что — они очень, очень, очень любят юных невинных человеческих девушек. Безмерно просто. Мне ли не знать — после ревизий состояния дел в нашей магической академии, палаты в целительском корпусе были заполнены несчастными, попавшими под пристальное внимание лорда Алсэра.

— О, позвольте задать вам вопрос, — неожиданно ощущаю, как по лицу все же потекли

слезы, — вы знакомы с сильнейшим темным лордом Алсэром?

Темный нахмурился, глядя на меня с некоторым недоумением, затем произнес:

— Да. Я хорошо его знаю.

Рыдание вырвалось против моей воли. Накрыв рот ладонью, я переждала момент слабости, а после воскликнула:

— Полагаю, вы даже дружите, в вашем темно — лордовском понимании, не так ли?!

Лорд Эллохар не ответил, он смотрел на меня, недоуменно вскинув бровь.

— У вас увлечения схожие, — пояснила я, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не расплакаться, — он тоже весьма ценит человеческих девушек... до первого раза.

Глаза темного вспыхнули, в них заплясал огонь. Невероятное зрелище — словно глазницы это прорези, а огонь он пылает внутри и... И я понимаю, что у меня нет больше сил и слов больше тоже нет. Если бы не Ниран, лежащий сейчас в городской лечебнице, я бы, наверное, умерла прямо здесь, в Аду. Но мне было ради кого жить, и я должна была выжить, хотя бы до завтра, а потом...

У меня больше не было тепла внутри, не было надежды, не было желания жить. Не хотелось больше... И я задала главный вопрос:

— Чего вы от меня хотите, лорд Эллохар? Не нужно больше этих игр, и спасти меня тоже уже не стоит, просто скажите, что вам нужно, пожалуйста.

Мой вопрос был логичен — он темный, а темные никогда и ничего не делают без причины. Они просчитывают на сотни ходов вперед, они коварны, они беспощадны, в них нет тепла, любви, жалости. Ничего нет.

— Если вам нужна моя сила, кровь или душа — я прошу лишь забрать требуемое завтра, — мой голос дрогнул, и все же я постаралась говорить ровно и без эмоций.

А темный молчал. В его глазах все так же пылало пламя, черты лица словно заострились, а ярость — мне казалось, я ощущаю ее физически. Невероятная ярость, нарастающая. И бешенство. И гнев. И что-то еще, что я не могла и не хотела понимать. Впрочем, о каком понимании могла идти речь — не хотела даже смотреть на темного лорда, и не выдержав отвернулась, тяжело дыша и прилагая все силы к тому, чтобы не расплакаться...

«Любимая девушка» — почему-то так больно было от тех его слов. Любимая... как же страшно оказаться любимой для того, кто любит убивать, а темные любят. И страшно думать о том, что я действительно могу быть его «любимой девушкой» требуемой к примеру для любимого ритуала, на котором кровь требуется. А кровь у меня редкая...

— Найрина, — хриплый едва сдерживаемый рык, прорвался несмотря на попытку темного произнести мое имя мягко.

— Чего вы хотите от меня, лорд Эллохар? — тихо спросила, все так же не глядя в тьму. — Неужели существуют ритуалы, в которых требуются влюбленные в своего палача девственницы? Или вам просто приятно убивать тех, кто и так готов умереть за вас? Или...

— Заткнись! — грубо оборвал меня темный.

Всхлипнув, и прокляв себя за то, что не сумела сдержаться, я вновь повторила вопрос:

— Чего вы хотите от меня, лорд Эллохар?

Глухой взбешенный рык, и темный, оказавшийся внезапно рядом со мной, схватив за запястье, рванул на себя, а когда я чуть не упав, уперлась свободной рукой в него, схватил за подбородок, вздернул мое лицо и едва наши глаза встретились, прошипел:

— Чего я хочу от тебя, Найришшшшшшш? Да все до безумия просто

— чтобы ты, личность без малейшего чувства самосохранения, сидела дома, пекла пирожки, носки штопала и не влезала, во имя Бездны, в целительские подвиги во имя сохранения чужой зад... жизни! Я понятно выражаюсь?!

Перепугавшись до безумия, я не смогла издать и звука.

— Кровь, душа, тело? — прорычал темный, глядя мне в глаза так, словно хотел сжечь душу. — К демонам, Найри, буду откровенен — мне нужно все это разом и в вечное пользование! Ты довольна? Ты это хотела услышать?!

Я отрицательно замотала головой, силясь вырваться из его цепких пальцев, но темный не дал. Неожиданно отпустив мое запястье, он сжал в объятиях, а после, наклонившись к самым моим губам, со стоном прошептал:

— Давай так, Найриша, ты сидишь дома, носки штопаешь, никуда не лезешь, ни в какие передряги не попадаешь, а я тебя не трогаю, идет, девочка?

И не дожидаясь моего ответа, продолжил:

— Соглашайся, Найриша, это большее, что я могу для тебя сделать. Самое большее... Иначе сорвусь, прелесть моя, и тогда тебе придется узнать, что я никакой не темный, Найри, я хуже, поверь, девочка. Я гораздо хуже!

Вспыхнул огонь.

Ослепил, закружил, зарычал, оглушая яростным ревом...

И я вдруг оказалась сидящей на кресле в своей спальне в доме госпожи Шилли. Совершенно одна, в моем родном мире, где за окном пели петухи и по дому уже разносился запах свежей выпечки, а значит сейчас около четырех утра и мне через час вставать и идти в лечебницу и...

И Даррэн — темный лорд! Только сейчас, оставшись наедине со своей болью, я дала волю слезам.

***

Третье королевство. Сарда.

Даррэн Эллохар.

Магистр Смерти стоял за дверью комнаты, в которой оставил девушку и слышал каждый звук, каждый всхлип, и даже падение слезинок на пол слышал отчетливо. Рядом безмолвствовала Хеарин, Ааран находился на крыше вместе с двумя Всадниками Мрака, которые вообще старались не попадаться на глаза принцу Хаоса, но зато рядом с вампиршей, на правах ее друга и вообще, ошивался Ссагрус, изображая неразумную зверушку.

— Да брось, — психанул Эллохар, — ты за ДахрадЭкхара все письма пишешь!

Ссагрус с одной стороны загордился тем, что Хаос знает своих героев, но с другой понял, что его сейчас выгонят.

Так и оказалось.

— Пошел вон! — приказал магистр Смерти.

Змей величественно удалился, раз двадцать жалобно оглянувшись на Хеарин, и надеясь, что вампирша за него заступится. Не заступилась. «Съем, — мстительно подумал Ссагрус, — вот как все закончится, так и съем! Чтоб знала!». На самом деле змей не хотел признаваться даже самому себе, что совсем не желает расставаться с адепткой Смерти, и вообще возвращаться обратно в Хаос.

Когда Ссагрус забрался наверх к остальным, Хеарин осторожно спросила:

— И... что вы будете делать?

— Идеи, предложения, советы? — мрачно поинтересовался Эллохар.

Девушка пожала плечами, затем тихо произнесла:

— Здесь ненавидят темных лордов, магистр, ненавидят и боятся, причем вполне обоснованно и первое и второе.

— Я не спрашивал о причинах проблемы, я поинтересовался есть ли у тебя ее решение?! — отрезал Эллохар.

Хеарин расстроено ответила:

— Нет...

— Все приходится самому, — печально заключил Эллохар. Но тут же хмыкнул и произнес: — Поступим следующим образом — темных воспитаем, заодно и драконов тоже, чтобы не расслаблялись, магию вернем, войну спровоцируем и таким образом заставим «золотой слиток» начать игру по нашим правилам.

— Золотой слиток? — не поняла вампирша.

— Отстань, я план составляю, — шикнул на нее магистр. — И вот когда детей вытащим, я эту мразь по стенке размажу.

— Магианну Сайрен? — ужаснулась Хеарин.

— Нет, адептка, с вами совершенно не возможно! — воскликнул Эллохар. — Милая, запомни на будущее — молчание золото.

— В смысле золотой слиток?

— В смысле — золото, — прошипел Эллохар, — а золотой слиток — это один не в меру приткий жрец.

— А, — начала было девушка и ничего более не смогла произнести.

Знаменитое заклинание Безмолствия, изобретенное лично магистром Смерти работало безукоризненно.

— Ну и в принципе все, — задумчиво и в полной тишине завершил принц Хаоса. — Начинаем действовать.

Конец второй книги

Больше книг на сайте - Knigolub.net